

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В.Э.Сталтмане

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А.В. СУПЕРАНСКАЯ

1127074

МОСКВА "НАУКА"
1989

ВВЕДЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ономастическая наука сегодня отличается поисками новых исследовательских аспектов, освоением белых пятен ономастического пространства, углубленным изучением старых классических ее областей и, разумеется, разработкой общей теории имени собственного (онима). Все эти направления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако, каким бы ни был исследовательский подход, непременным условием для любой ономастической работы всегда остается наличие фактического материала. Последний же в наиболее удобной и обозримой для научного потребления форме оказывается представленным в виде словарей. Поэтому без преувеличения можно сказать, что лексикографическая инвентаризация имен собственных различных разрядов является основой дальнейшего развития ономастики в целом. При этом нельзя забывать о нормативной функции многих типов современных словарей.

Следует сказать, что в области практического составления словарей имен собственных сделано немало как за рубежом, так и в нашей стране. Растет количество словарей, расширяется их репертуар и сфера охвата материала, лексикографированию подвергаются все новые разряды онимов. Однако для того, чтобы эту разнонаправленную работу ввести в единое русло, практическое составление словарей нуждается в теоретическом осмыслиении. Ономастическая лексикография подобно лексикографии общей должна разработать свою лексикографическую теорию. Развивающаяся ныне теория апеллятивной лексикографии вряд ли может быть применима в неизмененном виде для составления словарей ономастических. Этому препятствует принципиальное различие семантики имени собственного и имени нарицательного. Основная функция собственного имени называть индивидуальные предметы, его непосредственная номинативная связь с денотатом (без посредства понятия) лишает его общезвестного лексического значения, свойственного именам нарицательным, ставит его в особый ряд. Особое положение имени собственного в языке выражается в многочисленных структурных отклонениях от норм, наблюдавшихся на материале имен нарицательных (об этом [Курилович 1962, 255]), вследствие чего возрастают потребность в ономастических нормативных словарях. Спецификой проприальной семантики, сводимой в большинстве случаев к энциклопедическому значению (с некоторыми оттенками коннотативного и лингвострановедческого значения), обусловлено принципиально иное распределение имен собственных по общезвестным типам словарей. Словари ономастические отличаются также структурой лексикографического аппарата, который в них оказывается частичным, односторонним, редуцированным по сравнению с усложненной лексико-

графической формой словарей апеллятивных. Это различие вызвано тем, что в структурном отношении имя собственное всегда относится к именам существительным (исходные адъективные, глагольные и др. основы в процессе онимизации апеллятивной лексики всегда приобретают структурный статус имени существительного), в то время как в словарях апеллятивной лексики представлены все части речи с соответствующей разнообразной их лексикографической подачей.

Выявление специфики ономастических словарей на фоне типологии общих, путем конфронтации наиболее распространенных типов апеллятивных словарей с их аналогами – словарями ономастическими и составляет основную задачу настоящей работы, из которой вытекает более частная и практическая задача, а именно: выявить типологические особенности ономастических словарей, показать, как могут быть построены словари для тех или иных классов и подклассов имен собственных, какие типы словарей для данного подкласса онимов оптимальны, какие невозможны или нецелесообразны.

В работе рассмотрена практика лексикографической инвентаризации ономастического материала преимущественно в нашей стране. Зарубежные ономастические словари привлекаются в меньшей мере. Работа не ставит задачей обзор всех ономастических словарей, поэтому приводимая в ней характеристика тех или иных словарей (в виде описаний или образцов словарных статей) выполняет исключительно иллюстративную функцию. По этому же принципу составлена и библиография¹.

Лексикографирование апеллятивной и ономастической лексики исторически началось почти одновременно, однако в настоящее время опыт составления словарей имен нарицательных оказался более богатым и теория апеллятивной лексикографии разработана значительно лучше. Поэтому целесообразно начать с рассмотрения основных принципов составления словарей апеллятивной лексики, которым в равной мере подчиняются и словари ономастические. Рассмотрим основные положения, которыми, на наш взгляд, должен руководствоваться исследователь, взявший на себя обязанность проанализировать сложившиеся типы ономастических словарей в сравнении с соответствующими апеллятивными словарями.

Начнем с того, что лексикограф никогда не должен упускать из виду общелингвистический постулат, гласивший, что всякое лингвистическое описание принципиально относительно: при любом научном анализе языка всегда остаются неотраженными какие-то его аспекты, которые могли бы представить данный феномен еще и в ином ракурсе. Принцип относительности лингвистического описания влечет за собой допущение их множественности [Денисов 1976, 33, 34]. Это положение распространяется также и на лексикографию, что конкретно выражено в теоретической и практической многогранности лексикографических описаний языка. Поэтому перечень инвариантов презентации лексического состава языка с их многочисленными вариантами всегда оказывается открытым ря-

¹ В отличие от специальных библиографических работ, например, таких как библиографический труд В. Цаунмюллера [Zaunmüller 1958], посвященный апеллятивным и частично ономастическим словарям.

дом, способным к пополнению новыми типами словарей, вызванными, в частности, новыми лингвистическими теориями, отвечающими новым аспектам осмысления природы языка. Так, в последние десятилетия появились словари частотные, словообразовательные, грамматические, словари морфем, словари сочетаемости слов и мн. другие разновидности. Можно безошибочно предсказать, что развитие языков и языкоznания, а также запросы пользователей вызовут к жизни новые типы словарей, а структура "старых" будет меняться и совершенствоваться.

Кроме открытости ряда потенциальность многоаспектность лексикографического отражения словарного состава влечет за собой еще один практический вывод: преемственность лексикографических трудов, а именно, любые словари, отражая состояние определенного пласта лексики (в настоящем или в прошлом) кроме экспериментированной² конкретной лексики, представленной в рабочей картотеке лексикографа, всегда описываются также и на существующую лексикографическую традицию. При этом материалы и опыт предшествующих словарей используются не только при комплектовании вокабулария, но также и при выработке лексикографического аппарата. Поэтому можно считать, что всякий словарь (в том числе и регистрирующий) полезен, поскольку любой словарь может быть рассмотрен как определенное звено в непрерывной цепи поступательного познания языка. Это общелингвистическое положение в полной мере касается и словарей ономастических.

Преемственностью лексикографической работы в какой-то мере определен и наш подход к анализируемым словарям. В истории лексикографии нередки случаи, когда словарь, по различным причинам неудовлетворявший первоначальному замыслу составителей, в дальнейшем оказывается полезным источником при создании других словарей. Поэтому в задачу настоящей работы не входит критический анализ, нам более важны принципы построения словарей разных типов.

Преемственностью обусловлено развитие лексикографии, последовательность и поэтапность лексикографических трудов. Составление словарей определенных типов предполагает наличие лексикографированного материала других классов ономасий, например, составитель словаря фамилий нуждается в систематизированном корпусе личных имен соответствующего народа, словарь топонимов невозможно составить, не имея достаточного материала местной топографической терминологии и микротопонимов данной территории, для лексикографирования тюркской топонимии крайне необходимым оказывается корпус генонимов (родовых терминов) и т.п.

Анализируя лексикографическую практику, никогда нельзя упускать из виду, что словари ономастические, так же как и словари общелингвистические, являются практическими справочными пособиями. Из чего вытекает, что лексикография имеет свои собственные задачи и закономерности, обусловленные жестким pragmatismом, вследствие чего лексикологические решения получают в лексикографии специфическое преломление и не всегда могут быть воспроизведены в словарях [Гак 1978, 13]. Иными

² Экспериментировать – извлекать, выписывать (слова, фрагменты текста из литературных источников для научной работы).

словами, составители словарей, руководствуясь научным подходом при комплектовании словарников и интерпретации отобранных единиц языка, одновременно оказываются стесненными такими сугубо утилитарными соображениями, как необходимость экономии места, лаконичности, доступности и т.п., вплоть до учета общей рентабельности всего издания³. Это значит, что типы словарей не всегда бывают (вернее редко бывают!) "чистыми". Наоборот, как правило, они объединяют в себе информацию разных уровней языка. Например, орфографический словарь русского языка дает рекомендации не только о написании слов, но и о их произношении (ударение), склонении (грамматические пометы) и т.п. Еще более разноплановая информация в словарях толковых и др. Сказанное в полной мере можно отнести и к словарям ономасий.

Прагматический подход к лексикографии проявляется и в учете особенностей самих языков. Например, в языках с нефиксированным ударением (русский, литовский и др.) невозможно обойтись без словарей, отражающих место ударения в слове. В языках, орфография которых построена на традиционном принципе (английский), необходимы словари орфоэпические и орфографические. И то и другое менее необходимо в языках с фиксированным ударением и с фонематическим (или преобладающим фонематическим) письмом (латышский). Спецификой конкретного языка (отсутствие четкой кодификации в каких-то его звеньях) обусловлена потребность представления недостающей информации словарями соответствующих уровней (орфографическим, орфоэпическим, грамматическим), а также словарями эту разноуровневую информацию объединяющими.

В составлении словарей значительную роль играет также субъективный фактор, т.е. сам составитель (или составительский коллектив) – знания, опыт лексикографической работы, лингвистическая школа, направление интересов и т.п. Вспомним в этой связи классическое определение лексикографии, как искусства составления словарей, поддержанное еще Х. Каасаресом [Каасарес 1958, 28]⁴.

Научная лексикография развивается параллельно с лексикологией. Это две органически связанные области языкоznания, друг друга взаимообуславливающие [Гак, 1978, 13]. Составление словарей обусловлено развитием лексикологии данного языка и для создания научной базы лексикографии необходима теоретическая разработка лексикологических категорий [Ахманова 1957, 3; Гак 1978, 13]. Об отставании лексикографической теории от практики словарного дела еще в 1939 г. писал Л.В. Щербина:

³ Ср. в этой связи высказывание: ««Составление словаря – это фактически одновременное создание экономического объекта, знака социально-культурной природы и текста дидактической целенаправленности. С этой точки зрения любое противопоставление "коммерческих словарей"... и описаний, "не имеющих отношения к прибыли", носящих сугубо научный характер, кажется просто смехотворным» [Рей, Делесаль, 1983, 270].

⁴ П.Н. Денисов по этому поводу говорит: "Нельзя, по-видимому, полностью исключить из лексикографии индивидуально-стилистический фактор. Талант выдающихся лексикографов разных стран, таких как Уэбстер, Литтрэ, Ларусс, Да́ль, Щерба, Ожегов и многих других, отразился, в частности, и в том, что созданные ими словари несут на себе отпечаток их личного творчества, новаторства, неповторимой индивидуальности стиля" [Денисов 1976, 248].

ба: "Хотя человечество очень давно начало заниматься составлением словарей разных типов, однако какой-либо общей лексикографической теории, по-видимому, не существует и до сих пор" [Щерба 1940, 89]. В этом отставании на самом деле нет ничего удивительного, и вряд ли оно может быть предъявлено в качестве упрека языковедам, поскольку лексикографическая теория — это не теория какого-либо раздела науки о языке, а общая характеристика или теория одной из форм метаязыка лингвистики — лексикографии, науковедение же делает только свои первые шаги (как в нашей стране, так и за рубежом).

Тем не менее лексикография развивается и накапливает опыт. Среди составителей словарей преобладают филологи (даже в составлении энциклопедических словарей чисто лексикографическая [нефактическая] сторона подачи материала осуществляется редакторами — специалистами по языку). Лингвистическая интерпретация этого практического опыта уже имеет свою скромную традицию. Ср. зарубежные работы-обзоры национальных лексикографий: американской [Steger 1913; Friend 1967], английской [Hulbert 1955], французской [Rey-Debove 1971; Quemada 1968; Wagner 1967], испанской [Касарес 1958]. Ср. также общую библиографию лингвистических словарей [Zaunmüller 1958]. Данные по истории русской лексикографии находим в работах [Цейтлин 1958; Ковтун 1977; Забегайлова 1968; Галанова 1953], о типах русских орфографических словарей писала [Букчина 1974]. Очерк развития двуязычных словарей дан в работе [Берков 1973]. Из языков других народов СССР в качестве примера можно назвать очерки истории составления словарей латышского языка, данные в работах [Zemzare 1961; Roze 1982].

Разные лингвисты, занимавшиеся обобщением лексикографического опыта, приходят к одному выводу: теория лексикографии представляет собой отличающуюся от лексикологии самостоятельную лингвистическую дисциплину, опирающуюся на историю лексикографии и на практику словарной работы [Денисов 1978, 25]. Иными словами, теория лексикографии — это наука о составлении словарей, которая отличается от словарной практики (самого составления словарей) [Ахманова 1966, 215].

Основным в теории лексикографии является вопрос о типах словарей. Типы словарей — это их научная классификация, основанная на понятии идеализированного типа как инварианта. Научная классификация — практическое систематизированное описание словарей и их реальных жанров, сложившихся исторически в той или иной стране. Теория лексикографии на основе обобщения и систематизации всей словарной практики устанавливает теоретические возможности и практические пределы совершенствования словарей сложившихся типов и рекомендует разработку новых [Денисов 1978, 26–29].

История лексикографии⁵ показывает, что с тех пор как появились словари, существуют два основных направления обработки вокабул и, следовательно, две большие группы словарей: словари языковые (или филологические) и словари энциклопедические. Первые обращают внимание на само слово (его значение, произношение, написание, грамматические харак-

⁵ По мнению М. Коэна, двуязычная лексикография насчитывает по меньшей мере четыре тысячелетия [Cohen 1964, 497; Берков 1973, 3].

теристики, происхождение и т.п.), вторые — на суть обозначаемого предмета и явления. Сразу же необходимо заметить, что указанная классификация словарей на практике проводится не всегда достаточно четко (это обстоятельство существенно и к нему мы вернемся, рассматривая вопрос о "толковании" имен собственных). Объясняется оно прежде всего тем, что в разные эпохи при составлении переводных словарей не всегда можно было четко разграничить информацию о слове и о самом предмете. Например, в современном русско-латышском словаре [Krievu-latviešu vārdnīca 1971] к русскому слову *идеал* дан только его латышский эквивалент *ideāls*, в то время как сто лет тому назад для латышского читателя необходимо было раскрыть понятие этого интернационального слова, а именно: *ideala* — *ideāls* (*augsts [tik domājams] mērķis jeb priekšzīme*), т.е.'идеал (высокая [только воображаемая] цель или пример)' [Krievu-latviešu-vācu vārdnīce 1982]. Элементы энциклопедического толкования встречаются также в современных толковых и переводных словарях [Гак 1987, 13–16], неизбежны они и при раскрытии так называемой "безэквивалентной" лексики, в том числе и в областных словарях при объяснении понятий, которые не нашли своего обозначения в литературном языке. Информация смешанного типа (филологическая и энциклопедическая) существует и в некоторых современных хорошо разработанных словарях, например, в известном словаре американского варианта английского языка Уэбстера [Webster 1961], в словаре французского языка Ларусса [Grand Larousse 1971–1978].

Инкорпорирование в одном лексикографическом труде информации энциклопедической и чисто языковой не случайно: словари этих двух направлений имеют немало общего в семантизации вокабул, в членении значений полисемантических слов и т.п., однако современная лексикографическая практика стремится к размежеванию словарей энциклопедических и филологических (о лингвистических основах энциклопедических словарей [Mielczarek 1972], о различиях дефиниций толковых и энциклопедических словарей [Киселевский 1977, 5–9]). Для нашего аспекта исследования наибольший интерес представляют словари филологические (к словарям энциклопедическим будем обращаться только попутно).

На основе составления филологических и в первую очередь толковых словарей⁶, представляющих собой центральный тип, по отношению к которому выделяются все другие, осуществляется теоретическое осмысление словарного дела [Гак 1977, 12–13]. Это и понятно. Ведь толковые словари по сравнению с другими типами одноязычных словарей (орфографических, орфоэпических, синонимических, фразеологических и т.п.) отражают лексику данного языка наиболее систематически и последова-

⁶ См. исследования зарубежных ученых: [Dubois 1971; Malkiel 1959; Zgusta 1971; Касарес 1958], а также работы советских исследователей [Ахманова 1957; Гак 1971 а; 1987; Денисов 1972; 1976; 1978; Roze 1982; Караполов 1974; 1974а]. Опыт составления толковых словарей русского языка и языков других народов СССР отражен в серии лексикографических трудов [Лексикографический сборник 1957–1963] и в ряде других работ. Проблемам семантической инвентаризации языка в толковых словарях преимущественно посвящен четырнадцатый выпуск серии "Новое в зарубежной лингвистике". М., 1983.

тельно⁷. Но толковый словарь нередко берет на себя функции словарей других типов (орфографических, орфоэпических, словарей синонимов, сочетаемости слов и т.д.). Все это делает толковый словарь наиболее интересным для филолога, так как он несет богатую и разностороннюю лингвистическую информацию. По толковому словарю можно судить о степени развития лексического состава данного языка в определенный исторический период. Говоря словами В.Г. Гака, создание толкового словаря — свидетельство "совершеннолетия" данного литературного языка и лингвистической зрелости общества [Гак 1977, 13].

Анализ опыта современной лексикографии показывает, что описание и классификация филологических словарей осуществляется по многим параметрам: предназначение и объем, систематичность или выборочный характер материала, фонетические формы или семантическая близость и т.п. [Караулов 1974, 48]. Поэтому вопрос типологии сложившихся разновидностей словарей очень сложен: отбор лексики для словарников и сама словарная обработка слов могут быть исключительно разноплановыми, а, следовательно, сами словари не могут подчиняться единому критерию классификации [Гак 1973; Денисов 1976, 2; Roze 1982, 85–106; Цывин 1978, 100]. Предложенные разными лингвистами типологические классификации базируются на разных критериях. Например, латышский языковед Л. Розе [Roze 1982] распределяет все словари по четырем схемам. Остановимся на ее классификации.

I. В зависимости от количества языков Л. Розе выделяет одноязычные, двуязычные и многоязычные словари (последние две группы называют также словарями разноязычными или переводными). Одноязычные словари в свою очередь подразделяются на поясняющие и фиксирующие. Последние обычно представлены списками слов без пояснений. Сюда же относятся орфографические, частотные, обратные и др. словари.

II. По охвату лексики данного языка она различает словари, включающие всю лексику без ограничений, и словари, включающие только определенные лексические группы, отобранные 1) по хронологическому принципу (лексика современного языка или определенных исторических периодов); 2) согласно стилистическим пластам (словари литературного, разговорного, просторечного языков и т.п.); 3) по территориальным особенностям лексики (словари областной лексики); 4) по функционально-отраслевым признакам (терминологические словари); 5) по внутрилингвистическим группировкам лексики (словари синонимов, антонимов, фразеологические); 6) по авторской лексике (словари языка писателей); 7) по отношению к норме (словарь нормативный и ненормативный); 8) по отношению к адресату (школьный словарь, словарь академический и т.п.).

⁷ А. Рей и С. Делесаль в этой связи говорят: "... Широкий толковый словарь литературного языка, основывающийся на использовании многочисленных социально принятых текстов и охватывающий наряду с описанием системы... описание употреблений слов и их изменений во времени, пространстве и обществе, — это такая неоднородная модель, одновременно и богатая, и неполная, которая позволяет лучше, чем любой другой тип словаря, представить масштабы лексикографической проблематики" [Рей, Делесаль 1983, 271].

III. Согласно подаче материала выделяются словари 1) с алфавитным расположением слов; алфавитные и алфавитно-гнездовые; в алфавитном словаре материал может быть представлен в обычном и в обратном (инверсионном) порядке; 2) словари тематические.

IV. По объему различаются словари большие, средние и малые.

Классификация Л. Розе представляется весьма логичной. Хотелось бы только подчеркнуть некоторую условность предложенной рубрикации. Например, в разделе I не всегда можно провести четкую грань между словарями поясняющими и фиксирующими. Хотя последние внешне как бы лицензены правой (пояснительной) стороны, на самом деле они имплицитно или явно все же несут определенную предикацию о слове. Например, современные орфографические словари снабжены грамматическими и реже стилистическими пометами. В этой связи можно прибегнуть к некоторому изоморфному сравнению: если словари, имеющие и левую и правую стороны, иногда сравнивают с высказыванием, темой которого является левая (вокабула), а ремой – правая сторона словарной статьи [Dubois 1971, 39; Денисов 1976, 27], то, продолжая эту синтаксическую параллель, вокабулу в фиксирующем словаре можно приравнять к односоставному предложению (типа *Тишина, рассветает*), инкорпорирующему в себе одновременно и тему и рему. Характеризуя с этой точки зрения орфографический словарь, Ж. Дюбуа говорит, что заглавное слово в нем является предикативом к самому себе, так как на входе оно нас информирует об орфографии: слово *bon* является на письме графическим словом *bon* [Dubois 1971, 39].

Хотелось бы в классификации Л. Розе найти место и этимологическому словарю. Думается, что это одноязычный пояснительный словарь (раздел I). Ведь "пояснение" может быть понято не только как толкование семантики и показ дистрибуции слова, но и как комментарий иного рода, в данном случае лингвоистический, раскрывающий происхождение слова.

Мы остановились лишь на основных типах словарей. Вместе с тем существует значительное количество словарей других разновидностей. Однако, на наш взгляд, все они, и существующие и проектируемые, могут быть распределены по рассмотренным четырем схемам.

Что же касается ономастической лексики, то при попытке ее лексикографирования, исходя из классификации Л. Розе, оказывается, что не все "клетки" могут быть заполнены соответствующими ономастическими словарями. И наоборот, требуются дополнительные "клетки" для включения специальных ономастических данных, которыми апеллятивная лексика не располагает. Причиной тому – не только недостаточная практическая разработанность соответствующих типов ономастических словарей, но и (что очень важно) принципиально иное распределение ономастического материала по общезвестным словарным типам (об этом см. гл. 1).

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Приступая к анализу конкретных словарных типов, отметим, что понятие "словарь" мы употребляем в широком смысле, относя к трудам рассматриваемого жанра также и различного рода прикнижные словарные приложения, которые не следует упускать из виду, так как в них происходит накопление материала для словарей *per se*. Они бывают интересны также своей типологией и лексикографической техникой. В нашем обзоре учитываются не только опубликованные, но и находящиеся в печати, разрабатываемые и проектируемые словари, составители которых любезно предоставили нам образцы словарных статей, за что, пользуясь случаем, мы их благодарим.

ИЗ ИСТОРИИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Началом истории ономастических словарей следует считать списки слов с комментариями, содержащие не только имена нарицательные, но и некоторое количество имен собственных.

В русской лексикографии к числу наиболее ранних памятников, содержащих значительное количество собственных имен, относятся минеи — помесчные перечни церковных служб и дней поминования лиц, чтимых церковью [Суперанская 1979, 242]. К первым же словарным трудам учёные относят небольшие по объему списки непонятных слов и имен собственных, или азбуковники, широко распространенные на Руси в период с XIII по XVIII в. [Цейтлин 1958; Кондратьева 1969; Ковтун 1977]. Азбуковники представляли собой рукописные толкования слов, терминов и имен собственных, размещенных в алфавитном порядке. Списки азбуковников часто составлялись на базе глоссариев и маргиналий к различного рода церковным книгам [Суперанская 1979, 243], в текстах которых встречалось немалое количество слов, непонятных русскому читателю. Естественно, что в круг слов, требующих разъяснения, попадали и заимствованные имена святых. Тип словаря в азбуковниках еще не установился, в них переплетались принципы энциклопедического и филологического толкований. Одновременно в них совмещались задачи будущих толковых словарей, словарей иностранных слов, орфографических и др. В них совершенствовался и тип двуязычного словаря [Цейтлин 1958, 11].

Образцом последовательной алфавитной подачи ономастического материала могут служить "Толкования именам по алфавиту" Максима Грека (вторая половина XVI в.). Этот принцип находит развитие в раннепечатном лексиконе Памвы Берынды. Он характерен также и для печатных приложений к Библии, которые были значительными по объему и включали не

только топонимы и антропонимы, но также и непонятные слова [Суперанская 1979]¹.

Глоссарии к библейским текстам издавались и в других странах. В качестве примера можно привести указатель к Библии, изданной на четырех языках (древнееврейском, халдейском, древнегреческом и латинском) в Антверпене в 1569–1572 гг. [Biblia sacra Hebraice, Haldaice, Graece et Latine 1569–1572]². Указатель составлен на этих же четырех языках и содержит список еврейских, греческих, халдейских и латинских мужских и женских имен, названий народов, рек, гор и др., которые встретились в библейском тексте. Имена приведены в четырех написаниях, после чего следуют раскрытие семантики основы, описание лица, которому имя принадлежало, и цитата из Библии, где оно встретилось. По количеству интерпретируемых имен, а также по тщательности лингвистического комментария рассматриваемый указатель может считаться одним из первых научных исследований в области антропонимии вообще и в антропонимической лексикографии в частности. Одновременно в этом указателедается энциклопедическая (сведения о библейских персонажах) и лингвистическая (раскрытие первоначальной семантики имени) информация. Это зародыш сопоставительного (поскольку сравнивается произношение имени на четырех разных языках) и элементы толкового словаря (показ имени в контексте).

Если в русском и западных языках ономастические словари берут начало в глоссариях к библейским текстам, то в истории языков малых народов имена собственные впервые попадают в поле зрения языковедов при составлении переводных словарей и вносятся в их вокабуларии и только впоследствии словарники общих словарей для имен собственных оказываются закрытыми. Пример тому – первые шаги латышской лексикографии. Лексика латышского языка впервые представлена в двуязычных немецко-латышских и латышско-немецких словарях, изданных в XVIII в., их составителями были немецкие священники³. Некоторое количество латышских личных имен включено в латышско-немецкий словарь Г.-Ф. Стендера (1761). Имена в этом словаре размещены в словнике, к

¹ Включение ономастического материала в общие словари прекращается в конце XVIII в. с началом научной разработки словарного дела (составление Словаря Академии Российской 1789–1794). Лишь во второй половине XIX в. начинаются научные исследования древних ономастиконов, что было вызвано пробуждением интереса к летописям и в частности публикацией многих ранних рукописных источников (см. ономасиконы [Морошкин 1867; Карнович 1886; Туликов 1903]).

² О более древних глоссариях к священным текстам, например, к индийским Ведам см. [Гак 1973].

³ Тексты, в которых встречаются латышские антропонимы и топонимы, датируются более ранним временем. Например, латышские дохристианские имена зафиксированы в древних источниках истории Латвии – летописях XIII в. (хроника Генриха Латышского); фамилии впервые встречаются в различных списках служащих и ремесленников г. Риги с XIV до XVI в. (о том и другом [Blese 1929]). Около 30 интернациональных мужских личных имен и небольшой список топонимов Латвии находим в разделе фразеологии немецко-латышского словаря Г. Манцелиса [Zemzaire 1961, 59–62]. Списки личных имен начиная с конца XVIII в. публикуются также в календарях [Земзаре 1970, 65], играющих для латышей-протестантов роль рекомендательных списков при выборе имени новорожденному (а не для фиксации дней поминования святых, как это имеет место у католиков и православных).

ним даны их немецкие соответствия, например, мужские имена: Beerents – Bernhard, Jehzis – Jacob, Gabris – Gabriel, женские имена: Dahrte – Dorothea, Ilse – Elisabeth, Sappe – Sophia [Zemzare 1961, 128–129]. Несколько сотен географических названий Латвии находим в латышско-немецком словаре (1772–1777), составленном видземским пастором Я. Ланге [Zemzare 1961, 147–152]. Немецко-латышские соответствия собственных имен в словарях могут рассматриваться как один из ранних поисков оптимальных способов передачи безэквивалентной лексики.

Начиная с русско-латышско-немецкого словаря (М, 1872), в создании которого принимали участие известные деятели латышской культуры (младолатыши Кр. Валдемарс, А. Спагис, Фр. Бризвемниекс), ономастическая лексика в корпус латышских словарей не включается, а выносится в Приложения. Так обстоит дело до начала исследования ономастической лексики *per se*, в том числе и ее лексикографирования.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СЛОВАРЯХ ОБЩЕГО ТИПА

Как видим, в современной лексикографической практике преобладает традиция – имена собственные в вокабулярии общих словарей не включать. Это общая тенденция. Однако проводится она не последовательно, так как имеется некоторое количество общих словарей, созданных в разных странах на материале разных языков, в которых приводятся и имена собственные⁴. Так, в толковом словаре английского языка Уэбстера [Webster 1979] приведены имена персонажей Ветхого и Нового заветов (Abraham, John, Peter и др.), имена из античной мифологии (Diana, Penelope), имена персонажей современной художественной литературы (Peter Pan) и др. Христианские имена снабжены этимологическими справками. Вместо филологического толкования, которое дано именам нарицательным, имена личные получают энциклопедическое объяснение (например, об имени Abraham говорится 'патриарх Ветхого завета, родоначальник еврейского народа', об имени Peter – 'рыбак галилейский, один из двенадцати апостолов – основатель христианской церкви'⁵.

Небольшой набор имен находим в латышско-немецком словаре Мюленбаха-Эндзелина [Mülenbachs 1923–1932]. Словарь этот двуязычный и

⁴ Среди лингвистов есть немало защитников включения ономастического материала в общефилологические словари. Последнее особенно важно для словарей переводных, отсутствие онимов в которых создает трудности и неудобства для переводчиков [Ступин 1967, 55–62; Терещенко 1967, 13; Берков 1973, 100].

⁵ Лексикографируемый массив имен несет большую культурно-историческую информацию. Многие из имен обнаруживают тенденцию к апеллятивации, входят в фразеологизмы и т. п. (ср. Peter Pan collar 'тип воротника' [Великобритания. Лингвострановедческий словарь 1978]). Любопытно отметить, что нетрадиционные английские имена в словарь Уэбстера не попадают, но в нем приводятся их сокращенные формы (типа Ket abbr Ketty); не приводятся и общеизвестные топонимы, но даются их сокращенные формы (Wash abbr Washington, Lincs abbr Lincolnshire и т. п.). И это понятно; рассматриваемый словарь – толковый, он отражает современную лексику английского языка и современное его структурное состояние. Полный список имен и географических названий имеется в специальном приложении к словарю; приводимые соответствия сокращенных форм полным служат в качестве своеобразных отсылочных вокабул. Что же касается включения библейских имен в корпус словаря, таковы, по-видимому, сложившиеся традиции английской лексикографии.

набор включенных в него собственных имен другой по сравнению со словарем Уэбстера. Будучи одновременно словарем историческим и диалектным, словарь Мюленбаха-Эндзелина включает ряд общехристианских интернациональных имен, освоенных фонетикой и морфологией латышского языка, получивших в нем народные гипокористические образования и т.п. Преимущественно это имена, давшие депроприативы и дифференцированные по диалектам, что органически связывает их с апеллятивной лексикой. Кроме широко распространенных имен (*Jānis, Ancis, Ansis, Jurgis, Juris, Dauka*) в словаре приведены названия наиболее известных рек (*Daugava*), городов (*Rīga, Liepāja, Jelgava*), а также названия стран, имеющих контакты с Латвией и латышами (*Lietava, Igaunija, Krievija, Vācija, Anglija*), некоторые теонимы из латышской мифологии (*Mārsā/Māršava*). Поскольку словарь двуязычный, то в правой части дается соответствующее немецкое собственное имя обычно в традиционной форме (экзоним), например, *Jānis – Johann, Ansis – Hans, Jukums – Joachim, Jelgava – Mitau, Rīga – die Stadt Riga, Liepāja – die Stadt Libau*. Как видно из двух последних примеров, названия городов в переводной части получили не только традиционную форму передачи, но и некоторое раскрытие проприальной семантики. Что касается современных толковых словарей латышского языка [*Latviešu literārās valodas vārdnīca 1972–1986*], то собственные имена в них принципиально не приводятся, нет их также и в вокабуляриях современных переводных словарей [*Latviešu-vācu vārdnīca 1980*]. Последние, правда, обычно снабжены приложениями, включающими значительное количество географических названий различных топообъектов земного шара на латышском языке и на языке перевода. Таким образом, репертуар топонимов в этих списках значительно расходится с набором топонимов словаря Мюленбаха-Эндзелина.

По разным принципам отобраны собственные имена в этимологических словарях. Так, внимание составителя историко-этимологического словаря осетинского языка [Абаев 1958] привлекли онимы, обозначающие культурно-исторические реалии, преимущественно это теонимы (*Ankgol* 'дух-покровитель пчеловодов', *Vīgħoraly* 'божество хлебных злаков и урожая') и имена героев нартовского эпоса (*Agund* имя красавицы, героини нартовского эпоса), реже приводятся топонимы (*Iekf* название реки в Дигории), астронимы (*Вопижтпоп* 'утренняя звезда' – планета Венера), названия праздников (*Atyunčg* 'летний праздник перед сенокосом') и др. разряды онимов. Словарные статьи, содержащие онимы, по своей структуре мало отличаются от апеллятивных.

Материал основных классов онимов (за исключением фамилий) богато представлен в этимологическом словаре русского языка [Фасмер 1986–1987]. Здесь находим названия наиболее известных городов, морей, рек, озер и др. объектов Российской империи (*Москва, Виндава, Вятка, Дерпт, Лифляндия, Дон, Енисей* и т.п.) и зарубежных стран (*Вена, Дамаск, Голштиния, Крит, Дунай* и т.п.), названия стран и континентов (*Австрия, Европа, Азия, Африка* и т.п.). Даны распространенные русские личные имена и в небольшом количестве их квалитативы (*Александр, Елизавета, Володя, Дуня, Груша* и т.п.), приводятся также имена персонажей русского фольклора и мифологии (*Добрыня, Агрик, Бова, Волос* и т.п.). Как видно из приведенного материала, М. Фасмер руководствовался линг-

вострановедческими мотивами, он хотел представить элементы русской культуры нерусскому читателю.

Однако не все этимологические словари допускают включение собственных имен. За пределами словника оставлены имена собственные в этимологических словарях чешского и словацкого языков [Machek 1957], адыгских (черкесских) языков [Шагиров 1977] и др.

Вопрос о включении собственных имен в словари общего типа и о принципах их отбора был в свое время поставлен Л.В. Щербой (1940, 99). Однако в словниках словарей современного русского литературного языка (также и в современных словарях языков других народов СССР) находим только депроприативные образования (типа *галифе*, *хулиган*, *пушкинский*, *донской* и т.п.). В больших или меньших количествах ономастический материал включают областные словари. Принципы отбора онимов для последних были сформулированы Б.А. Ларином [Ларин 1962, 253] и осуществлены в работе [Псковский областной словарь 1967–1979]. Названный словарь включает только те собственные имена, которые обладают реконструктивными возможностями – заключают в себе основы, отсутствующие в говорах как имена нарицательные, и, следовательно, являются источником восстановления этого слова. В областные словари включаются те разряды имен, которые еще не полностью утеряли прежнее апеллятивное значение, а именно, типичные клички животных и прозвища людей, а также микротопонимы. Эти же разряды онимов включает в свой вокабулярий и [Архангельский областной словарь 1980]. Еще более скрупульзно (за счет невключения в словник микротопонимов) ономастический пласт лексики вводится в [Словарь русских народных говоров 1965–1967]. Практически он отсутствует в словаре эргемских говоров латышского языка [Kagaine 1977–1983].

Вопрос о месте ономастического материала в системе областной лексики и о возможных путях ее лексикографирования своеобразно решает Г.Г. Мельниченко [Мельниченко 1957, 33–41]. С одной стороны, автор предлагает весь массив областной лексики членить по разрядам и на основе этого создавать специализированные типы областных словарей "по содержанию": 1) областные, 2) диалектологические, 3) отраслевые (специальные терминологические), 4) искаженных слов литературного языка, 5) иноязычных слов, 6) ударений, 7) фразеологические, 8) топонимические, 9) исторические, 10) собственных имен людей и др. Автором намечена конкретная лексикографическая разработка всех названных словарей, в том числе и ономастических (топонимические и словари собственных имен – по терминологии автора). С другой стороны автор считает целесообразным включить в общий областной словарь некоторый контингент особых топонимов. К ним он относит топонимы, отражающие эпоху татарского ига (*Баскаково*, *Баскачево* и др.), названия *Яново поле*, связанное с историей возникновения города Углича, *Холопий Городок*, с которым связано предание об основании его новгородскими рабами и т.п.

Необходимость включения онимов в исторический словарь общефилологического типа обосновывает Г.П. Смолицкая: "В такой словарь в первую очередь должны включаться имена собственные, помогающие выявить лексику русского языка определенного исторического периода, отсутствующую в нарицательном употреблении, представленную только в форме

имен собственных. Кроме того, в исторический словарь общефилологического типа должны включаться имена собственные, отражающие культурную историю носителя языка” [Смолицкая 1981, 23]. Таким образом, присутствие некоторых разрядов онимов в словарях общего типа не является признаком недостаточно разработанных принципов выделения единиц лексикографической обработки, а, наоборот, говорит о продуманном рациональном подходе к ономастической лексике, позволяющем извлечь из нее информацию, полезную для изучения всего словарного состава данного языка.

Итак, обзор современных общефилологических словарей показывает, что они либо не включают имена собственные, либо включают их в минимальном объеме. Отсюда вывод: для инвентаризации и исследования ономастических систем тех или иных языков необходимы собственно ономастические филологические (а также ономастические энциклопедические) словари, охватывающие, с одной стороны, все возможные разряды онимов, с другой, лексикографирующие каждый класс онимов в разных аспектах (например, фамилии могут быть рассмотрены с точки зрения их происхождения в словаре, представляющем собой аналог этимологического словаря; они могут быть сгруппированы в обратном, в частотном и в др. словарях). Однако это оптимальное требование не всегда praktически осуществимо. Поэтому при анализе всевозможных типов ономастических словарей необходимо учитывать возможность и целесообразность лексикографирования тех или иных разрядов онимов в определенных лексикографических аспектах.

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Жанр этимологического словаря. Если обратиться к практике ономастических словарей в разных языках (независимо от специфики конкретного языка), то, вероятно, на первом месте по значимости окажутся аналоги словарей этимологических.

Этимология собственных имен это, как правило, первое и непременное, что интересует лингвиста. Еще в прошлом веке, когда делались первые шаги по лексикографической обработке антропонимов, И.И. Срезневский говорил, что важнейшей задачей любого ономастикона следует считать этимологизирование слов и любой лексикограф должен указать, “от какого имени происходит то или другое видоизменение. Неотмеченным может остаться только сомнительное или неизвестное” [Срезневский 1863, 7]. Об этом же говорит С.И. Зинин: “Любой словарь антропонимов кроме простого перечня номенклатурных единиц должен дать исчерпывающую справку о происхождении приведенного в словаре антропонима” [Зинин 1974, 68]. Вопрос о том, “что значит” то или другое собственное имя, оказывается увлекательным также и для значительного круга нелингвистов, небезразличных к языку, этнографии, истории, народной культуре.

Однако раскрытие этимологии слов – одна из самых сложных и трудоемких областей языкоznания, требующая глубокой и всесторонней лингвистической эрудиции, так как происхождение слова устанавливается путем выявления его родства с другими словами данного языка, а также словами родственных (а при заимствовании возможно и неродственных) языков. Необходимо не только владение этими языками, но и знание их

истории и диалектов, а также истории и хронологии их взаимодействия. Этимолог не может успешно работать, не зная древних языков. Непременным условием этимологических штудий является также владение методикой сравнительно-исторического языкознания, дающей ключ к фонетической и морфологической реконструкции изначальной формы и семантики исследуемых слов.

Но кроме субъективного, чрезвычайно важен и объективный фактор, а именно, соответствующий уровень развития науки о языке данном и о языках привлекаемых, так как составление этимологических словарей немыслимо без обширной информации в области исторической лексикологии и исторического языкознания в целом.

По-видимому, этим особым местом этимологии как "науки наук" или "краеугольного камня прогрессивного и истинно научного исследования языка" [Malkiel 1976, VII] можно объяснить тот факт, что во многих языках (особенно новых) при наличии большого количества разнообразных словарей все же продолжают отсутствовать словари этимологические. На эту несоразмерность между лингвистическими исследованиями вообще и этимологическими в частности указывал В.И. Абаев [Абаев 1952, 69]. В принципе это несоответствие имеет место и сегодня, несмотря на появление этимологических словарей ряда языков народов СССР.

Сказанное по поводу апеллятивных этимологических словарей нельзя упускать из виду, определяя возможности и задачи словаря этимологического, построенного на ономастическом материале. Так, лингвист, изучающий этимологию имен собственных, не может успешно работать, ограничиваясь только узкой областью (например, гидронимией, личными именами, теонимами), в его поле зрения неизменно должны быть все ономастическое пространство и имена сопредельных ему классов. Это условие касается также охвата онимии родственных (и неродственных, но контактирующих) языков. Подготовка этимологических ономастических словарей немыслима без соответствующего уровня развития всей ономастической науки [Vanagas 1981, 7].

Однако при анализе ономастического материала этимолог-лексикограф должен решить ряд проблем, связанных со спецификой проприальной лексики вообще. Ведь история нарицательного имени и история онима принципиально различны, поэтому методика этимологизации обычных слов не может быть применена при построении этимологического словаря имен собственных. Принципы этимологического объяснения антропонимов не могут абсолютно совпадать с принципами раскрытия этимологии нарицательных слов, даже если по фонетико-морфологической структуре антропоним и апеллятив полностью совпадают [Зинин 1974, 68]. Невозможно это, главным образом, по двум причинам. Во-первых, история и эволюция собственных имен гораздо более обусловлена жизнью общества, чем история и эволюция имени нарицательного. Происхождение собственных имен не может быть удовлетворительно рассмотрено без экстралингвистических (исторических, географических, этнографических и т.п.) сведений о денотате, дополняющих и уточняющих лингвистическую информацию о данном слове (вследствие чего многие авторы предпочитают говорить о топонимических, антропонимических и т.п. словарях, отказываясь от названия "этимологический словарь фамилии, имен... географических

названий и т.п.” (об этом [Room 1974, 7]). Во-вторых, выветривание апеллятивной семантики имен собственных лишает этимолога-ономаста надежной опоры при выборе созвучных слов (данного или родственных языков) для осуществления этимологии онима; без учета семантических связей эти параллели могут быть чисто случайным звуковым совпадением,

Чтобы убедиться в сказанном, приведем образцы словарных статей апеллятивов из этимологического словаря русского языка М. Фасмера⁶ и из этимологических словарей антропонимов (английских, французских, немецких, польских, еврейских, армянских), иллюстрирующих различия лексикографической “техники” в апеллятивных и ономастических этимологических словарях⁷.

[Фасмер 1986]:

д́еверь м. “брат мужа”, укр. *д́івер*, блр. *дзéвер*, русск.-цслав. *дѣверь*, болг. *дéвер*, сербохорв. *дјéвёр*, словен. *dever*, чеш. *dever*, др.-польск. *dzięwierz...* // Родственно лит. *dieveris*, род.п. *dievēs*, *dieverēs*, лтш. *díeiveris*, др.-инд. *dēvā-*, *dēvār-*, греч. δέρη (из *δαιFήρ), лат. *lēvir*, д.-в.-н. *zeihur*, арм. *taigr* (основа на -г...). графиня, стар. *графыня*, с эпохи Петра I ... Из нем. *Gräfin* с вокализмом из *граф*, нем. *Graf*; -иия, -ыния – под влиянием образований ж.р. на -иия, -ыния (княгиня и т.п.) ...

[Reaney 1966]:

Abraham, Abrahams, Abram, Abrams, Abrahamson: *Abraham de Strattuna...*; John *Abraham* 1193..., Robert *Abram* 1252 Rams... Hebrew *Abram* ‘high fater’, changed to *Abraham* ‘father of a multitude’. *Abraham*, the name of a priest in DB (1086), was not confined to Jews.

Addey, Addie, Addy, Addess, Addis, Adds, Haddy: *Addy* 1290...; *Addy de Beuerlay* 1279...; John *Haddy* 1279...; Richard *Addy* 1301...; John *Adies* 1327...; William *Addes* 1379... A pet-form of *Adam*.

Crabb, Crabbe, Krabbe: Walter, Steffanus *Crabbe* 1188..., 1217... OE *crabba* ‘crab’, either for one who walked like a crab (cf. *Crabeleg* 1148...) or, as in German and East Frisian, for a cross-grained, fractious person; or ME *crabbe* ‘wild apple’ (c 1420...), of persons ‘crabbed, cross-grained, ill-tempored’ (1580).

[Dauzat 1951]:

Bodard, -art, var. Boudard, n.de personne germ., *Bod-hard-* (*bodan* offrir, allem. *bieten-bot*; *hard-*, dur, fort). Forme flamande Boddaert. – Bodaud (-eau, par altération), Boudaud, *Bod-wald-* (*waldan*, gouverner) V. Boutard.

Nicolas + +, n. de bapt. (auj. peu en faveur), patronyme très répandu: forme sav. de saint *Nicolaus* (n. grec.: peuple, *laos* [synonyme de *dēmos*], de la victoire, *nikē* [v. Nicodème]), un des saints les plus populaires de la fin du moyen âge, évêque le Lycie au IVe s., à qui on attribua la résurrection de trois petits enfants mis à mort par un boucher. Forme mérid. *Nicolau*; formes contractées *Niclas* (Moselle...), *Niclaus*, altér. en *Niclausse*, *Nicot* (Est), *Nicloux*; forme latinisée *Nicolay* (Midi) et *Nicolaï* (aussi en Italie, Allemagne, Hollande); forme alsac. et allem. *Niklaus*; forme corse et ital. *Nicoli*, *demin*, *Nicolini* (parfois avec *cc*). – Formes abrégées *Nicol* (Franche-Comté, etc.), *Nicou*, -oud, -oux. – Forme altérée (par croisement avec *Michel*), v. *Micou*, *Micouleu*. – Nombreux hypocoristiques: *Nicolet*, -ollet, (breton) *Nicollic*, surtout avec aphérese: *Colas* +, *Collas* (abréviation anc.); *Colet*, *Collet*; *Colin* +, *Collin* (d'où *Colinet*, Bourgogne *Colinot*, var. avec

⁶ Об этимологической интерпретации собственных имен в словаре М. Фасмера см. ниже.

⁷ Приводимые образцы словарных статей даются в сокращенном виде. Как правило, опущены ссылки к источникам, версии этимологий и др. информация, в какой-то мере второстепенная с точки зрения нашего комментария. Пропуск обозначен тремя точками (...).

ll), péjoratif Colard, Collard (d'où Colardeu, Coll-, -dot), *Les Rolés de la Taille de Paris*, fin XIIe s., ont Colin, Colet, Colard, et aucun *Nicolet*, -in, -ard.) — Le fém. Nicole +, -olle (n.de bapt. revenu en faveur, et matronyme) est anc., ainsi que le dimin. Nicolette (XIIe s.), d'où Colette +, Collette var. Colote (Est), matronymes assez fréquents; var. pop. Nigole en pays d'oc (Cantal, etc.). — Colson (Champagne) est la contraction de Coleçon (v. Pierson), sous-dér. de Colas.

Collin ++, var. de Colin. V. Nicolas.

[Brechenmacher 1957–1963] :

„Aber wechselt häufig mit Eber u. ist Kurzform < Eberhard (im älterem Alem. oft Äberhard).

1365 Conz Äber, B. zu Reutlingen: ... 1383 Der Äber, B. zu Urach: ... 1410 Hainz Äber, B. zu Tübingen ....

[Rospond 1967] :

Bar a. Bara, XVIII w. *Bara*: M, 1781; 1783; 1784, 1785; XIX w. *Bahr*: ..., XX w. *Baar*, *Bahr*: ... *Bara* ... I B 2 – *Bar*, *Bara* < Bartołomiej, Barabacz; stpol. *bara* 'bagno', städ *Barycz* n. rz.

Cf. Barach, Baras, Barasz, Baraba, Barchański, Barchowic, Barchiński, Bariszewski, Barczak, Barczek, Barczewski, Barczyk, Barczyński, Barecki, Barocki, Barosz, Baroszek, Baroczowski, Barowski, Barów, Barszak, Barszyński, Baruch, Barucha, Barucki, Barula, Barusz, Baruszek, Barut, Baryński, Barysz, Barywski.

Barach (1), XIX w. *Barrach* ... 1836.

II B 6 – cf. *Bar*, *Bara*; typ *Miłach*, *Zubach*, *Barach*.

Bronny (4), XX w. *Bronny* ... I A 15 – cf. *bronny* 'zbrojny'.

[Lévy 1960] :

Abraham, Abrams, Abram(i); Brahm, Brami, Brahami; Afrom, Aberle, Aberlin; Abramowitz(s)ch, Abramowicz, Abramovici[cf. Fromm(el)]: hébreu (assyrien?) (= père de la foule).

977 Levi ben Abraham à Narbonne.

1150 Abraham ibn Ezra à Dreux.

1202. Abraham de Mostervilari à Paris.

1276 Abramon à Carpentras.

1278 Abraham judeus en Savoie.

1292 Abraham (8 fois) à Paris.

XIV^c. (déb.) Abraham et Abramet à Mende.

1393 Abr. de Saonis à Paris.

1486 Abram à Marseille.

1566 Abraham ben Salomon = Nostradamus à Salon.

1670 Abraam Istr. à Avignon.

1784 Abraham (72 fam.) en Alsace.

1789 Abran (plus.) à Carpentras.

1809 Abraham (Michel) à Paris.

1854 Abraham > Abrand à Langres.

1947 Abramivici > Doroy.

1953 Abraham > Abrand à Paris.

1954 Abramovici > Aubray; Abraham > Gueril, etc. (1).

1957 Abramovici > Abrot.

Freund, Freind : sobriquet (= ami).

1668 Freund Jac. à Praque.

1728 Freund Wolf à Breslau.

1809 Freund J.-M. à Paris.

[Withycombe 1950] :

Adriana (f.): (French *Adrienne*), f. form of *Adrian* (q.v.), used very rarely. The name occurs in Shakespeare's *Comedy of Errors*.

Albert (m.): Old German *Adalbert*, compound of *athal* 'noble' and *berhta* 'bright', equivalent of Old English *Æthelbeorht*. The name, either in the Latin form *Albertus* or the French *Aubert*, is not uncommon in the 12th and 13th C, and it occurs in DB. It is impos-

sible to be quite sure whether this points to a survival of the Old English name or to an importation of the continental form of it, but on the whole the latter is the more likely. The surnames *Albert*, *Albright*... were formed from it. In the form *Halbert* the name survived in the North country until the 17th C and is still common on the Scottish borders. *Albert* was reintroduced from Germany in the 19th C on the marriage of Queen Victoria, and soon became very popular, especially among poorer classes with whom it is still common. The Queen's own name never had anything like the same measure of popularity. *Albert* is commonly abbreviated to *Bert* in England and *Al* in America.

Albertus DB 1086.

Albert Cur 1189–1205.

Aubert Cur 1189–1205.

Aylbriht HR 1273.

[Smith 1956]:

Bradbury, *Bradberry* (Eng.) One who came from *Bradbury* (fort built of boards), in Durham. *Macgregor*, *McGregor*, *McGregory* (Scot.) – The son of *Gregory* (watchman).

Maciejewski (Pol.) Descendant of *Maciej*, a pet form of *Mateusz* (gift of Jehovah).

[Ачарян 1942–1962]⁸:

Arakhel Аракел, личное имя, мужское, от формы деепричастия прошедшего времени (дербай) *aikheal* армянского глагола. Означает "посланный" и употребляется со значением "ученики Христа или люди, посланные Богом", перевод с греческого *απόστολος* с тем же значением и также функционирует как личное имя. Такое же значение у арабского *rasūl* "посланный апостол" и также употребляется как арабское личное имя. Это имя у нас употребляется с XII века. Древнейшая форма слова *Aikheal* Аракеал, что в дальнейшем стало *Arakhel* Аракел, так употребляется и в наше время. В Карабахе употребляется вокативная форма: *Khali* Кали. [Дальше приводится перечень 110 источников употребления этого личного имени с 1160 до 1815 года.]

Aruseak женское личное имя, от планетонима *Aruseak* Арусяк, так же как в арабском *Zuhra* – "Венера, Арусяк" стала женским личным именем, или в персидском *Nābīd*. Единственное употребление в IX веке, но с прошлого века стало одним из любимых и красивых армянских личных имен. Гипокористическая форма *Arus* Арус, чем иногда отождествляется с арабским женским именем Арус, "невестка", к которому никакого отношения не имеет.

Приведем также образцы словарных статей из словаря армянских фамилий, составляемого Т.М. Аветисяном:

Xačatryan Хачатрян, от исконно армянского, мужского канонического личного имени Хачатур с дальнейшим выпадением предформатного *у*. Под влиянием иноязычного и особенно русского произношения имеет также вариант Хачатуран. Имеются также фамилии от вокативных, гипокористических и деминутивных форм от Хачатур: Хачоян, Хачян, Хчеян, Хечоян, Хачикян, Хачян и т.д.

Arcathagorgsyan Арцатагорциян, прозвищная фамилия со значением род занятий: "серебряных дел мастер". Общее значение фамильной основы достигается при помощи сложения существительного *arcath* (серебро) + суффиксоид *gorg* (-тель). Известны случаи русского кальвирования этой фамилии *Серебряков*.

Русские советские исследования проиллюстрируем образцами из этимологического словаря русских фамилий, опубликованными В.Н. Никоновым, словарными статьями, предложенными О.Н. Трубачевым, и статьями из словаря Ю.А. Федосюка; приведем также этимологии татарских фамилий, разработанные Г.Ф. Саттаровым.

⁸ Словарь (на армянском языке) содержит более пяти тысяч личных имен, упомянутых в армянской историографии, эпиграфике и др. источниках до XVI в. с полной документацией и хронологией этих упоминаний. Образцы словарных статей на русский язык перевел Т.М. Аветисян, заглавные слова даны в латинской транскрипции.

[Никонов 1972] :

Абаев – отчество с русск. суфф. -ев от тюрк. м.л. и Абай, которое из нарицательного атай 'отец, старший брат' (также 'осторожный'). О.Н. Трубачев непосредственным источником этой фамилии указывает осетинское абайты ... Действительно, ф. А. есть и в Осетии..., но и там абайты тюркоязычного происхождения, а ф. А. распространена и в Средней Азии, и в Татарск. АССР и др. ... Распространенность ф. А. именно там, где звучат или звучали тюркские языки, делает менее вероятными другие возможные основы отчества: прозвище из русск. диал. обай 'балагур, обманщик' ..., в коми-зирянск. диалектах обай 'лукавец, хитрец' ...

[Трубачев 1968] :

Деникин ... Судя по оформлению суффиксом -ин, эта фамилия произведена от основы на -а (или -о), что подводит нас – пока без привлечения этимологических связей – к формам Дейнека, Дейнеко ... , тоже фамилиям, но уже типично украинского вида, без упомянутого суффиксального оформления. Круг близких фамилий замыкается, когда мы находим фамилию Дейнекин ..., на этот раз опять с русской суффиксацией. Тождество Деникин-Дейнекин дает нам одновременно возможность, как бы методом внутренней реконструкции выявить более полную форму основы – Дейнек-, которую мы объясняем, как заимствование из тюркского, ср. в радловской транскрипции дайнäк (тур.) 'палка' 'der Stock', даганäк то же ... К турецкому слову (соврем. тур. degenek) восходит, возможно, и болгарская фамилия Денеков. ...

Шемякин, Шемяков ... фамилия, основанная на старом русском личном имени, хорошо известном из истории и из народного словесного творчества – Шемяка. К настоящему времени названная фамилия является единственным живым продолжением этого имени, которое было вытеснено из живого употребления под напором христианских личных имен. Интерес, представляемый для нас этим именем и фамилией, значительно повышается тем обстоятельством, что они сохраняют не дошедший до нас в прямой функции апеллатив весьма древнего вида *ши-мяка (ср. ши-ворот) < *ši-тека, собственно ' тот, кто мнет шею (другому)', 'забияка', ср. образование коже-мяка, а также, между прочим, фамилию Рожемяков ... < *ро-же-мяка с близкой исходной семантикой.

[Федосюк 1981] :

Аскоченский. Такую фамилию носило несколько известных представителей русской интеллигентии. Начало роду Аскоченских положили братья Виктор и Аристарх. При поступлении в духовное училище они были записаны по родному селу Отскочному Воронежской губернии, – Отскоченскими. Товарищи стали изводить их кличкой "Отскочки". Тогда братья изменили фамилию на Аскоченский.

Сенатров. Здесь несомненно, что родоначальник был не сенатором, а крепостным крестьянином, принадлежавшим некоему сенатору. Сенаторы-то издавна носили наследственные дворянские фамилии. А неграмотного мужика при регистрации спросили: "Ты чей?" Он и ответил: "Сенаторов". Такого же происхождения и псевдоаристократические фамилии Губернаторов, Предводителей, Генералов, Князев, Графский и т.п.

[Саттаров 1981]⁹ :

Ирмакаммат – муж. личн. имя (тат.-араб.) Ир (см.) + Мехэммэт (см.).

Диал. вр.: Ирмат, Ирми, Ирмәмат, Ирмут, Ирмаш.

Ир – (турк.-тат.) Мужчина, компонент имени.

Мәхәммәт – муж. личн. имя (араб.; ист.; религ.)

1. Хвалимый, похвальный, славный, знаменитый. 2. Имя основоположника исламской религии.

Имена, образованные от одного с ним арабского корня: Махмут, Эхмэт, Хаммат, Хэмит.

Диал. вар.: Мехэмэй, Мехэмми, Мәхәм, Мокамай, Мукай, Мукан, Мукач, Мамай, Мамак, Мамук, Мамаш, Мәмэт, Мөмбэт, Момэш, Мамыш.

⁹ Образцы словарных статей, переведены на русский язык Х.Ф. Исхаковой.

Марат — муж. личн. имя (фр.; ист.; неол.). Имя получило широкое распространение у татар после 1930-х годов в честь одного из вождей французской буржуазной революции Жана Поля Марата (1743–1793).

Приведенные образцы словарных статей наглядно показывают, что ономастические этимологические словари строятся по-разному. Это относится не только к технике лексикографирования, но и к построению словарной статьи. Представляется, что к этимологическому словарю в наиболее "чистом" виде можно отнести словари А. Доза, Г.Ф. Саттарова, Т.М. Аветисяна, а также пробные словарные статьи О.Н. Трубачева и В.А. Никонова. Словари, аналогичные словарю Э.С. Смита, рассчитаны на широкого читателя, этимологическая информация в них настолько лаконична, что в сущности остается "за кадром". На словари этого типа обратил внимание Дж. Малкиэл, отметив, что иногда бывает трудно провести грань между словарем этимологическим и различного рода ономастическими справочными работами, т.е. алфавитными списками географических названий, личных имён, фамилий и др., в которых каждое заглавное слово снабжено этимологической справкой [Malkiel 1976, 11–12]. К подобным словарям с упрощенным научным аппаратом в нашем обзоре можно отнести труд Ю.А. Федосюка.

Словари Й.-К. Брехенмакера, С. Роппонда, Э.Дж. Витикомба, Р. Ачаряна и др. выполняют одновременно задачи двух типов словарей: исторического и этимологического, поскольку в них осуществлены два плана исследования: 1) рассматривается происхождение фамилии, 2) приводится филологическая документация и прослеживается история имени по письменным источникам.

Отнести словарь П. Леви к историко-этимологическому можно только условно, так как этимологическая часть в нем сведена до минимума, а более существенной является историческая информация. Происхождение фамилий, их ареальная распространенность и частотность (по местам их фиксации и общая) даны в словаре А. Ванагаса [Vanagas 1985].

Анализ топонимических словарей дает аналогичную картину. Отличительные черты топонимических этимологических словарей заключаются, пожалуй, только в том, что они содержат больше энциклопедической информации: сведения из истории самого объекта, из истории его номинации и т.п. (вследствие чего они чаще называются просто топонимическими словарями). Однако построение топонимических словарей и этимологическая глубина интерпретируемых в них географических названий оказываются весьма различными. Проиллюстрируем это примерами.

[Никонов 1966]:

Абду́лино — назв. многих населенных пунктов, особенно в Башкирской АССР и Оренбургской обл. Из ба́шк. личн. им. *Абдулла* с рус. суф. принадлежности *-ин-*, присоединившимся к основам на *-а*.

А́дда — приток р. По в Сев. Италии. из лигур. *addua* "вода, река" или кельт. *adur* "текучая вода".

А́ддис-Абéба — столица Эфиопии. Из амхар. *addis* 'новый' и *abeba* 'цветок'.

[Мельхеев 1961]:

Абакáн, центр. Хакасский а.о., р. — приток Енисея, по-хакасски — водный поток, река ...

Двина́, Зап. и Сев., реки, СССР, — от финского *виэна*, *двиэна* (измененное Даугава) — тихая, спокойная ...

Килиманджаро, г., Африка, — на языке негров саутеля *килимо* — гора, *нджаро* — бог, приносящий холод; "Гора бога холода"...

[Room 1974]:

Adelaide (capital of state of South Australia). Named in honour of English queen Adelaide, wife of William IV, in whose reign city was founded (1836).

Lena, River (longest river in USSR, rising near Lake Baikal and flowing north-east into Arctic Ocean). From Evenki (Tungus) name Yelyuyone, probably = 'river'.

[Атаниязов 1980]¹⁰:

Кумышдепе — в Сакарчагинском районе ... село, возвышенность, холм. Это название связано, видимо, с находкой. Старики Ёлете́п'a рассказывают, что здесь жил смелый человек из племени жаныбек по имени Вепе Солтан, во время пира на этом холме он разбрасывал народу серебряные монеты, по этому событию холм и назван.

[күмүшдепе — серебряный холм].

[Нерознак 1983]:

Венева. (Веня), город, совр. Венёв Тульской обл. Упоминается с 1570 г. в летописях: "... и сосланъ бысть на Рязань того же лѣта къ Николь чудотворцу на Веневу, тамо и преставися" ... В Списке городов назван в числе Рязанских... Город Венёв Тульской обл. расположен на берегу р. Веневки, недалеко от владения ее в Осётр. Названия от основы *вен- представлены в топонимии Поочья, ср. река Венка, Вениха, Веноша, Веневка; л. ист. Веневской... Ср. Венича, город, названный в Списке городов среди Польских... Ср. также Wieniawa 'nazwa herbowa'. Вероятно от праслав. основы *venъпъ от глагола *viti, *vъю 'вить', др.-русск. вѣнъкъ, вѣнокъ, вѣнецъ 'венок, венец' ... русск. вен, польск. wian 'венок' ... Исходным мог быть гидроним с соответствующим значением 'виться (о реке, ручье)'.

[Gerullis 1922]:

Bilden, Landschaft ... Samland : zu *Bilda*, Litauer im Kreis Tilzit? Vgl. lit. *Bildžiai* K.

Bewer, Fluß ... 1330 *Bybir* ...; 1389 *Bebir* XXV, 2 jetzt die Behwer Kr. Braunsberg; 1343 *Bebra* Fluß ...; 1378, *Bober* ... jetzt Bobr in Polen : pr. *bebrus* 'Biber'. Die Formen *Bewer*, *Bybir* Sind germanisiert, *Bober* polonisiert (mndd. *bever*, mhd *biber*, pol. *bóbr*)...

[Rymut 1980]:

Byczyna, miasto w woj. opolskim. Nazwa notowana w dokumentach od XIII w. (Byscina 1228). Może pochodzić od wyrazu *byczyna*, oznaczającego miejsce hodowli lub wypasu byków lub też od nazwy osobowej *Bycza*. Przezwisko *Bycza* pochodzi od wyrazu *býk*. Forma zgermanizowana — *Pitschen*.

[Vanagas 1981]¹¹:

Aujēdā up. Žž., *Aujēdas* ež. Žž. Plg. lat. *Aujas-pļava* pv. ... pr. *Aweidin* ... Galbūt šaknis *au-* (*av-*): ide **av-* "saltinis, srovē, strautas", plg. sen. ind. *avani-* "upēs srovē, upēs vaga, strautas, upē", lat. *avuots* "saltinis" ...

Aujēdā река в с. Жижмаряй Кайшиядорский р-н. Ср. лтш. *Aujas-pļava* луг ..., прус. *Aweidin* ... Возможен корень *au-* (*av-*): инд **av-* "источник, поток, ручей" ср. др.-инд. *aváni-* "поток реки, ручей, река", лтш. *avuots* "источник" ...

Информацию, содержащуюся в словарях: энциклопедическом, историческом и этимологическом, объединяет "Словарь географических назва-

¹⁰ Перевод образцов словарных статей на русский язык и комментарий в квадратных скобках Е.А. Поцелуевского.

¹¹ Перевод словарных статей с литовского наш. — В.С.

ний Чехословакии” И. Луттерера, М. Майтана и Р. Шрамека [Lutterer, Majtan, Šramek 1982], что отражено в структуре словарной статьи: сначала характеризуется сам топообъект, далее указана дата первой письменной фиксации топонима и наконец объяснено, из какого слова образовано и к какому нарицательному оно возводится. В тех случаях, когда искомый этимон не устанавливается однозначно, указывается несколько вероятных путей возникновения топонима, ср. словарные статьи:

Dědice, dříve městečko, nyní část města Vyškova. Rodiče Klementa Gottwalda. – Uvádějí se již r. 1131 (*Dědicich*, "v Dědicích"). MJ je odvozeno čeleďní příponou *-ice* (z *-ici*) od OJ *Dēd*, Děda, jež vznikla bud' z obecného slova *dēd* "starý muž, dědeček", anebo jsou spíše domáckým zkracením OJ *Dēdoslav*, Bezděd apod. Dědice tedy byla "ves lidí Dědových".

Mrlina, pravý přítok Labe, pramenící v Jičínské pahorkatině a vlévající se do Labe u Nymburka. – Poprvé se jméno řeky objevuje v dokladu 2 r. 1183. Jméno je odvozeno zpodstatňující příponou *-ina* z příd. jm. *mrlá* "mrtvá, nehybná voda". Od 16. stol. je doložena rovněž podoba *Trnava* (1585) "trnová voda, protékající trním".

Приведенные образцы словарных статей показывают, что топонимические словари, подобно антропонимическим, содержат сведения о самом географическом объекте, его возникновении и происхождении его названия, начиная с краткой этимологической справки (как это делается в словарях М.Н. Мельхеева, А.Рума, С. Атаниязова) до развернутого этимологического анализа с привлечением апеллятивных и ономастических параллелей сопредельных территорий, родственных языков и диалектов (как это видим в словаре В.П. Нерознака, А. Ванагаса и др.). Примеры обнаруживают еще одну несомненную параллель со словарями антропонимическими: они могут раскрыть всего лишь происхождение онима, оставаясь в рамках задач этимологического словаря (как это имеет место в словаре А. Ваганаса), но могут одновременно выполнять и другую задачу — отражать историю первых письменных фиксаций рассматриваемых топонимов (словари В.П. Нерознака, К. Рымута и др.), выполняя таким образом и роль историко-этимологического словаря.

Сопоставление словаря этимологического ономастического со словарем этимологическим общефилологическим показывает, что в обоих случаях при раскрытии происхождения лексикографируемых единиц учитываются фонетические и вообще языковые закономерности. Различие в том, что этимология апеллятива стремится к реконструкции максимально древней формы и семантики слова. Этимология же онима, как правило, не имеет такой глубины. Этимолог-ономаст вправе ограничиться только одним или двумя деривационными шагами, а именно нахождением ближайшего апеллятива (или другого онима), лежащего в основе имени собственного. Хотя в принципе возможен и двоякий подход. В этой связи В.П. Нерознак пишет, что в ономастических этимологиях необходимо пользоваться двумя видами реконструкций: ближней, при которой устанавливается непосредственный ближайший источник имени, и дальней представляющей собой процедуру восхождения к описательному имени [Нерознак 1978, 91].

Как явствует из приведенных образцов, в ономастических этимологиях так же, как и в апеллятивных, широко используются материально родственные лексические соответствия из данного языка, его диалектов и из родственных языков (ср. словари [Нерознак 1978; Rymut 1980]). Пра-

вомерность привлечения тех или иных созвучных лексем данного или других языков при этимологизировании имен нарицательных в значительной мере определяется степенью семантической сопоставимости анализируемых единиц. Идя по этому пути, этимолог-ономаст наталкивается на преграду, вызванную десемантизацией имени собственного, вернее наличием у него только одной актуальной семантики – проприальной. Поэтому апеллятивные параллели, служащие для раскрытия происхождения имен собственных, отбираются по принципу ономастической вероятности (раскрытие смысла этого термина см. [Суперанская 1971; Щетинин 1978, 12, 13]. Так, например, в основах топонимов вероятность встречаемости топографической лексики гораздо больше встречаемости лексем, обозначающих абстрактные понятия. Соответственно в основах антропонимов обозначения патронимических отношений, физических и характерологических особенностей людей, профессий и т.п. можно ждать гораздо чаще, чем абстрактную лексику. Разумеется, в принципах ономастической номинации много общего, свойственного всем языкам. И в то же время каждый язык имеет некоторую специфику, обусловленную сложившимся социально-историческим "ономастическим мировоззрением" носителей данного языка. А.К. Матвеев по этому поводу говорит: "Изучение принципов номинации показывает, что следует различать общие и частные принципы, а также топонимические универсалии. Принципы номинации представляют собой не закономерности, а тенденции называния, так как эти принципы, как правило, не абсолютны. Общие принципы свойственны топонимическим системам разных языков, а частные принципы характеризуют отдельные топонимические системы" [Матвеев 1969, 195].

Говоря о топонимии, Ю.А. Карпенко выделяет еще два непременных условия научной этимологии. Это исторический критерий (историческая вероятность этимологии: название следует объяснять, исходя из тех языков, которые действительно или предположительно употреблялись на одной территории) и географический критерий (географическая вероятность – учет свойств топообъекта при объяснении его названия) [Карпенко 1967, 7].

Существенное различие апеллятивного и ономастического этимологирования заключается, по-видимому, еще и в том, что этимологизация имен нарицательных обычно ограничивается апеллятивным рядом, в то время как для онимов эти параллели однокоренных, или родственных слов, черпаются чаще из онимического ряда (особенно, когда речь идет о заимствованиях), ср. в словаре А. Доза "варианты" фамилий Bodard, Bodart, Boudard, приведенные вслед за "черным" словом, а также ссылки на родственные фламандские формы Boddaert, Bodaud и т.п. В статье О.Н. Трубачева к фамилии *Деникин* приведены этимологически близкие *Дейнека*, *Дейнеко*, *Дейнекин* и т.п. Ряд однокоренных ономастических форм к заглавному ониму приводится так же в словарях Г.Ф. Саттарова и Т.М. Автисяяна.

Показательны в этом плане немногие словарные статьи, посвященные именам собственным в историко-этимологическом словаре осетинского языка [Абаев 1958], где заглавное слово с его диалектными вариантами, так же как и при апеллятивах, иллюстрируется литературными примерами, после чего приведена собственно этимологическая часть. Особенность эти-

мологизации имен собственных здесь заключается в том, что к ним, в первую очередь и преимущественно, даны иноязычные параллели ономастического ряда и только после этого, на следующей ступени этимологизации, приводится предполагаемый этимон в апеллятивном ряду. В качестве примера приведем этимологическую часть одной из статей:

Agundə имя красавицы, героини нартовского эпоса ... ~ Ср. балк. *Agunda*, хевсурское женское имя *Agunda*, абх. *Gəndə* — героиня нартовского эпоса. Вероятно, к парф. *у'kənd* 'ұхшадо' ..., перс. *ӯkand*, груз. *iagundi* 'яхонт'.

В этимологическом словаре М. Фасмера имена собственные получили дифференцированное раскрытие происхождения в зависимости от их разряда. Так, этимологии топонимов русских и славянских территорий чаще доводятся до имени нарицательного, с привлечением значительного количества семантически родственных и структурно близких апеллятивных аналогий из других языков. Элементы историко-этимологического словаря проявляются в спорадических указаниях на историю регистрации данного онима в письменных памятниках. Например:

Вологда — название города и притока реки Сухоны, др.-русск. *Вологда* (Новгор. летоп.; новгор. грам. 1264 и 1269 гг.) ... Финно-угорское название "белый город", вероятно происходит от вепс. *våuged* (из *valkeða), фин. *valkea* "белый", эст. *valge*... ср. венг. *világ* "свет, мир" ... Кomi *Velegda* "Вологда" заимств. из русск. ... Не имеет ничего общего с *волога*, *Волга*...

Для географических названий других стран в этом словаре показаны пути их проникновения в русский язык, а также формы данной вокабулы в других языках; нередко поиск приводит к первоначальной апеллятивной основе, ср.:

Вена, из франц. *Vienne* или ит. *Vienna*; иную форму продолжает польск. *Wieden*, чеш. *Vídeň*...

По-разному лексикографированы антропонимы древнерусские и христианские: первые (их в словаре мало) раскрываются до апеллятива, ср.: *Боян* — имя собств., древний певец в "Слове о полку Игореве". Наиболее очевидным является сближение с *бой*. Менее удачно возведение к тюрк.: казах., алт. *Bajan*, чув. *pojan*, монг. *bajan* "богатый"...

Этимология же христианских имен, как правило, не имеет подобной глубины, поскольку пояснительный текст в соответствующих словарных статьях ограничивается преимущественно указанием на непосредственное собственное имя в языке-источнике, не касаясь его истории и первоначальной апеллятивной семантики, ср. в этом отношении статью:

Алекса́ндр — имя собств., народн. также *Олекса́ндр*, др.-русск. часто *Олександър*, из греч. Ἀλέξανδρος. *Александра* — женское имя, из греч. Ἀλεξάνδρα. См. *Саша*. *Алексéй* — имя собств., др.-русск. *Алексий*. Из греч. Ἀλέξιος. Уменьш. *Алёша*. *Акулина* (ж.), имя собств., через греч. Ἄχυλίνα из лат. *Aquilina*...

В раскрытии происхождения имен нарицательных и имен собственных в словаре М. Фасмера много общего, если не считать того, что параллели родственных слов для ономов чаще черпаются из ономастического ряда, особенно это касается заимствованных ономов, для которых в большинстве случаев приводится только ближайшая исходная форма без поисков ее апеллятивных истоков.

По-разному, в зависимости от разряда собственных имен (с одной стороны прозрачные двусловные славянские имена и с другой – исключительно древние и этимологически затемненные гидронимы), этимологии раскрываются в немногих словарных статьях, посвященных именам собственным в труде [Этимологический словарь славянских языков 1962–1987], где этимология, более или менее гипотетическая, доводится, как правило, до выявления ближайшего апеллятива. Приведем два примера:

*dorogoslav: болг. стар. *Драгослав* м.р. личное имя собств. ..., сюда же *Драгослав* (там же), сербохорв. *Драгослав*, *Драгослав* м.р., личное собств. имя.., ст. чеш. *Drahoslav* м.р., личное собств. имя... Сложение *dorogъ... и основа *slava...

*dъnérь: др.-русск. *Дънѣръ*, русск. *Днепр*, укр. *Дніпро*. В конечном счете восходит к ир. **dānu-* 'вода, река', второй компонент менее ясен. Фонетически затруднительно произведение из ир. **Dānu-apara-* 'задняя река' ..., равным образом сомнительно объяснение из гипотетического **Dān(u)-árga* 'глубокая река'..., поскольку, во-первых, ожидалась бы довольно ранняя метатеза согласного с плавным, ср. осет. *arf* 'глубокий', во-вторых, нельзя пройти мимо определенной тавтологичности данной этимологии (**dānu-* 'река, вода' + *árga- букв. 'водный'). Наиболее правдоподобно видеть здесь соединение ир. **dānu-* с элементом *-ipr-*, возм., тождественным названию реки *Ибр*, правого притока Среднего Днепра... Однако любая чисто ир. этимология не в силах справиться с фонетич. препятствиями, кот. устранимы лишь в том случае, если принять дакско-фрак. посредство, вытекающее из наличия фонетич. изменений "румынского" типа: *ān* > *āp* или, вернее, *ān* с потерей лабиальности: *ipr* > *epr*, что дает в итоге довольно точный слав. облик *dъnérь. Наиболее ранняя фиксация дослав. формы представлена в греч. *Δάκηπρος*... Территориально близкий гидроним *dъnestrъ... подтверждает эту характеристику...

Кроме материально родственных форм в ономастических этимологиях нередко привлекаются также структурно однотипные ономастические образования. Например, выявляя исходную словообразовательную структуру фамилии Шемякин, О.Н. Трубачев сопоставляет ее с структурно схожей фамилией Рожемяков, указывая на близость исходной семантики этих фамилий. С. Роспонд, анализируя происхождение фамилии Barach, приводит для сопоставления типологически близкие Miłach, Zubach и т.п. На типологические параллели в области семантики исходных основ антропонимов обращает внимание в своих словарных этюдах А.Г. Гафуров [Гафуров, 1971], ср. словарную статью:

Айша: "Имя одной из жен пророка Мухаммада. В переводе на русский означает 'живущая'. Подобные имена существуют у всех народов мира, ср. болгар. *Живко* 'живой', тадж. *Поянда* 'здравствующий', узб. *Уламас* 'не умрет'".

Семантические параллели (Арусяк – Zuhra и др.) приводит также Р. Ачарян.

Исключительно важным условием этимологических штудий, проводимых на материале проприальной лексики, является учет свойств и исторического развития самих денотатов (т.е. конкретного происхождения топообъектов), истории народа, представляющего данный ономастикон и т.п. Если знание самих реалий при изучении и этимологизации апеллятивной лексики необходимо, что утверждают [Абаев 1952, 64–65; Трубачев 1966, 9; Толстой 1971, 6; Матвеев 1974, 9], то исследование истоков они-мов вообще невозможно без дополнительных географических данных, археологии, истории народа и других смежных дисциплин (об этом см. [Карпенко 1967, 7]). Ономастическая номинация еще в большей степени социально обусловлена, чем апеллятивная, и всегда нуждается в подкреплении.

лении лингвистической информации об ономе информацией экстралингвистической.

И наконец, нельзя не остановиться на конечной цели этимологизирования. По отношению к апеллятивному ряду это: 1) для основных оригинальных слоев данного языка — сопоставление со словами родственных языков и прослеживание их формальной и смысловой истории вглубь до языка-основы; 2) для слов, которые являются производными внутри данного языка (внутриязыковые дериваты), установление их составных частей, корня основы и формантов в рамках данного языка; 3) для заимствований — указание источника заимствования [Абаев 1952, 57]. В общих чертах эти принципы выдержаны в этимологиях собственных имен в словаре М. Фасмера (см. вышеупомянутые примеры). Что же касается ономастического ряда, то по преобладающему мнению языковедов, уделявших внимание этому вопросу, — недостаточно ограничиться нахождением предполагаемой исходной топо- или антропоосновы, необходимо ответить на вопрос, почему, по каким признакам конкретный топо-объект, человек, животное или другой предмет реальной действительности получил данное индивидуальное наименование. Иными словами, современная ономастическая наука (в целях удобства типологизации ономастической номинации) требует анализа и классификации принципов и мотивов номинации, как неотъемлемой части ономастических исследований¹². Таким образом, семантический анализ имен собственных осуществляется не только путем выяснения их этимологий, а и сведением их к семантическим типам (ср. работы этого направления в антропонимии [Никонов 1974, 187; Шайхулов 1978, 10–11], в топонимии [Ковалева 1972, 7–12] и др.).

На пути к полному этимологическому словарю имен собственных. Такой словарь представляет собой наиболее трудно осуществимый тип лексикографического труда. Поэтому здесь правомерен вопрос о возможности компромиссных решений, которые подсказывает и сама словарная практика. История лексикографии показывает, что часто словари остаются незавершенными при жизни их инициаторов (см. [Абаев 1952, 69]). Сокращение неосуществимой в течение одной человеческой жизни задачи — создание полного этимологического словаря того или иного разряда онимов может идти, как представляется, по двум направлениям: 1) путем ограничения лексикографируемого материала и 2) путем подготовки различного рода материалов для этимологического словаря.

Словари малого объема, как правило, содержат самые "нужные" слова. В качестве примера можно привести словарь русских фамилий Ю. Федосюка, топонимические словари В.А. Никонова, А. Рума [Федосюк 1981; Никонов 1966; Room 1974]. Этимологии малых словарей, кроме основной задачи — показать "как появился оним", ценные также тем, что в них разрабатывается методика лексикографической подачи этимологии. Однако следует сказать, что словари ограниченного объема более интересны

¹² Впрочем признаки, по которым предмет получил название, если не явно, то имплицитно выявляются также в этимологиях апеллятивных, что естественно вытекает из требования современных этимологических исследований — знать именуемые реалии.

широкому читателю (нередко они бывают занимательны, и их можно читать как произведение художественной литературы) и не всегда удовлетворяют ученых. Языкovedы нуждаются в последовательном и сплошном охвате материала (будь то страна или отдельный регион, говор, диалект, язык, письменный памятник, язык писателя и т.п.). Только полнота материала обеспечивает его надежность и ценность для исследователей, работающих в сопредельной области или сфере языка, для конфронтации с соответствующим материалом других территорий, других типов онимов и т.п. При сопоставлении разноязычного материала пропуск соответствующей языковой единицы нежелателен, так как может ввести в заблуждение исследователя: отсутствие ее в словаре может быть воспринято как отсутствие в действительности. Например, в [Справочник личных имен народов РСФСР 1965] не попали имена *Азamat*, *Лейла*, что вызвало недоумение пользователей. В этой связи можно сослаться на высказывание Л. Згусты, требующего полноты охвата материала и "высокой степени плотности удельного веса словаря" [Zgusta 1971, 217].

Оптимальные словари обязательно включают распространенные (но не всегда "интересные") фамилии типа русских *Иванов*, *Петров*, которые для исследователей инонациональных антропонимиконов не менее интересны, чем редкие. Полный свод фамилий должен включать также и фамилии редкие и этимологически "темные", так как они 1) представляют собой крайний предел ономастикона данного народа и 2) среди них могут быть элементы заимствованные и субстратные, проливающие свет на историю языка и народа.

Одна из стадий на пути к полному этимологическому словарю — это подготовка различного рода словарных материалов¹³. Таких материалов в ономастической и общелингвистической литературе немало.

В первую очередь словарик полного словаря немыслим без фиксирующих словарей, построенных на хорошо документированном материале. Этот материал может быть как современным (например, словарь русских фамилий М. Бенсона [Benson 1967]), так и историческим. Выше уже отмечалось, что в ряде этимологических словарей [Brechenmacher 1957–1963; Rospond 1967–1973; Lévy 1960] совмещена информация словарей, этимологического и исторического. Однако исторический словарь представляет собой особый тип словаря и может не быть одновременно этимологическим. Профиль исторического словаря апеллятивной лексики в свое время был сформулирован Л. В. Щербой: "Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и значений, но и их отмирание, а также их видоизменение... Вопрос осложняется тем, что слова каждого языка образуют систему... и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы; следовательно исторический словарь должен

¹³ Отметим, например, что трехтомный словарь И. И. Срезневского представляет капитальное лексикографическое произведение, но автор назвал его "Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам", понимая, что для полного этимологического словаря собранных им сведений недостаточно (см. [Срезневский 1893–1912]).

отражать изменения системы в целом...” [Щерба 1940, 117] ¹⁴. В.И. Абаев дает более краткое определение: «“Исторический” словарь строится на чисто филологической документации и прослеживает историю слов по письменным памятникам данного языка» [Абаев 1952, 57]. Примером такого словаря может послужить известный труд И.И. Срезневского.

Требования к апеллятивным историческим словарям, по всей вероятности, можно отнести и к историческим словарям ономастическим (с учетом ограничений, обусловленных асемантичностью проприальной лексики). Для ономастики, как и для языкоznания вообще, значение словарей исторических велико. Развертывая перед нами историю фиксации в памятниках того или иного онима, они представляют бесценные данные для словаря этимологического. Как уже отмечалось, многие этимологические словари включают одновременно и информацию, свойственную историческим словарям, однако ономастические словари могут быть и преимущественно историческими. Приведем примеры:

[Taszycki 1965–1983]:

Adamowic: Johannes Adamowicz 1415... Pyotr Adamowitz, pangraczer 1474... Jacobus Adamowycz 1483...

[Тупиков 1903]:

Благой, Василий Благой, помещик в Бельском погосте. 1498... Иван Благой, Моск. помещик, 1586.... Иван Степанов сын Благой, Моск. дворянин. 1616.... Калина Григорьев сын Благой....

Блин, Данило Блин, крестьянин Южский. 1485–1505. А.Ю.4.

[Веселовский 1974]:

Деревня, Деревнин: Степан Васильевич Деревня Артемьев, 1545 г., Новгород; Афанасий Лонского [см. Ланские] Деревня Вараксин [см. Варакса]; 1600 г., Смоленск; Никифор Яковлевич Деревнин, 1628 г., Брянск; Гавриил Федорович, подъячий, затем дьяк, 1672–1700 гг.

Комуша, крестьянин, начало XVI в., Новгород. Ср. комшить, комушить, комкать – бить, колотить (Даль).

[Trautmann 1925]:

Alsute... Sa.; Alsutte... (1292)... terra Wewe; Alsut... (1392) Kr Otreburg – Peter Alsutz..., Peter Alsux.

Примеры топонимов можно привести из “Исторического словаря топонимии Крыма”, над которым работает А.В. Суперанская:

Индол р., начинается у г. Воронская, переходит в Мокрый Индол, имеет два лп: Баш Мура и Сасыкdere, прпр Сала, проходит через родн. Еленовка, сливаясь (условно) с р. Булганак, впадает в зал. Сиваша, отделенный безымянной косой, пересекает шоссе Белогорск – Ст. Крым у ответвления к югу напп Орталан, у которого находится его исток – ... 1915, 1919... Ендел... XVII, Endel... 1700–25, ..XVII, ...1778..., Indas flu Valk, ...XVI, Grand Andalei, Andalei du Milieu 1776, Индал... 1836, Савлу-Индол..., Лицал... 1854..., Мокрый Индол 1960, Ундол... 1805, Андал, Андол... 1855, Андалей... 1784...

¹⁴ Несмотря на невыполнимость “максималистских” требований Л.В. Щербы, исторические словари все же существуют. Термином “исторический словарь” обычно обозначается словарь, составленный на основе определенных письменных памятников и толкующий включенные в него слова, исходя из той семантики, которую соответствующие вокабулы обнаруживают в данных источниках.

Немаловажное значение для разработки ономастической лексикографии имеют словари, построенные на большом фактическом материале, включающие в себя некоторое количество сопоставительного материала. Таким вкладом для этимологических топонимических словарей балтийских языков является "Словарь географических названий Латвийской ССР" Я. Эндзелина [Endzelīns 1956–1961], где в алфавитно-гнездовом порядке приведен богатый материал латвийских топонимов, указаны разновидность и локализация топообъекта, фиксация источника. Для многих названий в нем приведены их апеллятивные параллели (многие из них гипотетические), а также значительное количество однокоренных топонимов из других языков. Этимологическим словарь Я. Эндзелина назвать трудно, тем более что во многих случаях происхождение топонима не раскрывается вовсе. И тем не менее он оказался весьма ценным материалом для этимологизирования литовской гидронимии в словаре А. Ванагаса [Vanagas 1981, 7]. Приведем пример из словаря Я. Эндзелина.

križi i Mežotne..., "крижи" ap Višķos... "kalej-križas" z Ziemupē... križene pl Lutriņos..., križēni mu ("križutas muīža")... Zvīrgzdenē... p, križi p s Bērzugalē p.

*Križi*¹ ' усадьба в волости Межотне.... "Крижи" нас. место в вол. Вишкы, ... "Kalej-križas" ус. в вол. Зиемупе, ... Križene луг в вол. Лутрини, ... Križēni имение (оно же "Križutas muīža")... в вол. Звиргздене, ... Križi p село в вол. Бирзгале...

Составление этимологических словарей фамилий невозможно без всесторонних материалов личных имен. Полезны просто списки имен (например, [Справочник личных имен народов РСФСР 1987; Словарь английских личных имен 1973; Справочник татарских личных имен 1973]). Особен- но важна при этом фиксация всех возможных неофициальных форм (гипокористик), функционирующих в народной речи во всех территориальных разновидностях. К таким работам можно отнести словарь К. Линнартца [Linnartz 1958], во второй части которого приведен богатейший материал дериватов от личных имен, ставших впоследствии во многих случаях фамилиями (такого происхождения, например, немецкие фамилии Dietz, Goethe, Nitsche и др.). Значительное количество гипокористик находим также в антропонимическом словаре А. Доза [Dauzat 1951] (ср. словарную статью Nicolas). Богатый материал по белорусской антропонимии собран в работе М.В. Бирилло [Бирила 1966, 1969, 1982], однако отсутствие в конце работы алфавитного указателя (как это сделано в работе К. Линнартца) затрудняет поиск нужных слов и делает словарь неудобным для пользования. В какой-то степени этот пробел восполнен общим алфавитным указателем, помещенным в конце третьей книги этой серии (см. [Он же 1982]). Большое количество неофициальных форм личных имен содержит словарь русских имен М.А. Петровского [Петровский 1966] и подготовленный к печати словарь латышских личных имен К. Силиньша (рукопись находится в Институте языка и литературы АН ЛатвССР).

К сожалению, в практике ономастической лексикографии почти отсутствуют словари, указывающие распределение неофициальных народных форм имен по диалектам. А между тем именно локализация на определенной территории производных форм имен во всем их стилистическом разнообразии имела бы большую ценность для исследования антropo-

¹ 5 Перевод словарной статьи и дополнительные пояснения наши. – В.С.

понимии народа в целом. Такой аспект репрезентации ономастического материала может дать полезную информацию для изучения антропонимии родственных и неродственных, но контактирующих языков. В качестве примера такого исключительно нужного типаialectного словаря личных имен можно назвать словарь А.Н. Думбрэяну [Думбрэяну 1983].

Примеры из этого словаря:

Авр́ка везь Аврам.

Аврам – хипок.: Авр́ка (71)¹⁶, Аврамаш (32, 35, 73, 100). Аврамел (100), Аврамичја (40), Аврэмел (42), Аврэмӯки (42), Аврамӯци (42), Аврӯнја (42, 73).

Аржентина – ф. поп. Ардж”интина (25); ф. поп. трунк.: Тина (25); хипок. трунк.: Дж”интика (25).

Словарь К. Линнартца, содержащий богатейший материал квалитативов личных имен (правда, уже перешедших в статус фамилий) уступает словарю А.Н. Думбрэяну тем, что в нем территориальная привязка материала приводится непоследовательно. Указания на территориальное распространение гипокористик дает также А. Доза, локализацию вариантов официальных и неофициальных болгарских личных имен показывает в своем словаре Ст. Илчев [Илчев 1969]. Образцы словаря dialectных вариантов личных имен представлены также П.Т. Поротниковым [Поротников 1979]. Его материал иллюстрирует варианты личных имен, встречающихся по всей стране без указания территориальной привязки (см. примеры в гл. II нашей книги).

Хотя необходимость в областных словарях личных имен бесспорна, практически они отсутствуют. Объясняется это тем, что обычно исследование dialectной речи не включает одновременно сбора ономастического материала. Программами и вопросниками это не учтено. Таким образом, для того, чтобы осуществить полную инвентаризацию всех неофициальных форм имен, функционирующих на обследуемой территории (а словарь с указанием их точной локализации дает возможность эти формы “картировать”) – необходим специальный сбор этого материала, такое dialectологическое исследование надо начинать заново, так как имеющиеся dialectные фонды не содержат необходимых сведений для составления dialectных словарей личных имен.

Материалы для этимологий антропонимов могут давать словари, включающие различный сопоставительный ономастический и апеллятивный материал. Особенно важно это на тех этапах исследования, когда мотивация присвоения человеку данного имени или общая типология этих мотивов неизвестна и не может быть раскрыта косвенным путем¹⁷. Представляется правомерным построение словарей, в которых предполагаемые исходные фамилеобразующие основы приводятся без выяснения причин появления данного прозвища у конкретного лица. Так предлагает давать этимологическую справку С.И. Зинин. “Если в словарной статье будет

¹⁶ Цифры в скобках указывают на местность, где данная форма засвидетельствована.

¹⁷ О трудностях, сопутствующих этим поискам, писал в свое время М. Морошкин: “Чтобы верно определить истинный смысл личных имен... нужно присутствовать при самом процессе образования и происхождения их, видеть своими глазами все внутренние помыслы и все движения сердечные тех, кои давали имена...” [Морошкин 1867, 2]; о невозможности вскрыть истинные мотивы номинации топонимов см. [Матвеев 1969, 192].

указано, что фамильные прозвания *Петухов*, *Волков* восходят к прозвищным основам *петух* и *волк*, то этого достаточно для словаря фамилий... Если фамильное прозвание восходит к топониму или этнониму, то достаточно указать эти топонимы или этнонимы, не занимаясь объяснением их происхождения: *Можайский от Можайск, Татаринов от татарин*" [Зинин 1974, 70, 1980б, 193].

Еще труднее определить этиологию¹⁸ фамилий тех народов, у которых "официализование" населения протекало в известной мере искусственным путем, например, у латышей и эстонцев. Поэтому в словаре латышских фамилий, проектируемом автором настоящей работы, наиболее вероятные исходные фамилииобразующие апеллятивные и онимические основы будут даны без указаний на принципы номинации (фамилии из прозвищ, по профессии, по месту жительства, по имени отца и т.п.). Например, к фамилии *Bērziņš* ср. *bērziņš* 'березка', без выявления социальных мотивов, обусловивших ее появление, к фамилии *Bojats* – название усадьбы *Bojati* (зарегистрированное в топонимическом словаре Я. Эндзелина в той же области, где она засвидетельствована). Фамилии заимствованные будут отосланы к "готовым" иноязычным фамилиям, имеющимся в антропонимических словарях других народов. Фамилия *Adamovičs* (встретившаяся около 10 раз в различных районах Латвии) сопоставляется с польской фамилией *Adamowicz*, зафиксированной в словарях С. Ропонда и В. Ташецкого, фамилия *Cīmērtmanis* (с вариантом *Cīmērtmanis*, встретившимся около 35 раз во всех районах Латвии) будет сопоставлена с немецкой фамилией *Zimmermann*, отмеченной в немецких словарях. Что касается фамилий, не нашедших предполагаемых исходных форм ни в апеллятивном, ни в ономастическом ряду лексики латышского языка, а также не имеющих созвучных фамилий в антропонимиках других народов (так или иначе контактировавших с латышами), то они будут включены в словарь, но без предположений об их происхождении.

Возможность раскрытия мотивов выбора фамилий, подобных латышским и эстонским, представляется сомнительной, поскольку известно, например, что латыши при массовой смене фамилий в 1939 г. (об этом подробнее [Сталтмане 1977], выбирали себе новые фамилии типа *Bērzs* (*bērzs* 'береза'), *Kalns* (*kalns* 'гора'), *Krasts* (*krasts* 'берег') и др., мотивируя выбор "красотой" и "благозвучием" и т.п. Следовательно, мы не вправе относить к прозвищным фамилии типа *Lācis* (*lācis* 'медведь'), *Vilks* (*vilks* 'волк'), не будучи уверенными, что они прошли обычную для истории фамилий других народов стадию прозвищного наименования.

Удельный вес этиологической информации может быть значительно выше в словарях прозвищ. Сразу необходимо сказать, что живые процессы в сфере присвоения и функционирования прозвищ в наше время изучаются на материале многих языков, хотя лексикографирование этого разряда онимов в нашем языкоизучании еще практически не распространено. Это и понятно, так как прозвище вследствие своей неофициальности слишком нестабильно, факультативно и часто фигурирует в замкнутых коллективах. К нему "серъезно" начинают относиться, когда оно

¹⁸ Этнология – раздел ономастики, изучающий причины и условия возникновения онимов.

делается наследственным, т.е. становится фамилией или ее аналогом. Однако можно предположить, что по мере накопления материала появится необходимость в представлении прозвищ в лексикографированном виде. Ведь этот доступный исследователю материал может в какой-то мере "смоделировать" универсальный процесс ономастической номинации. Так, в настоящее время на кафедре русского языка Одесского университета ведется работа над словарем прозвищ диалектной лексики Одесской области. О соотношении в данном словаре этимологии и этиологии М.В. Карпенко говорит: "Этимология прозвища *Берзбородкин*, бытующего в Большом Плоском, прозрачна и неинтересна. Этимология же его (прозвище человека, который никогда не носил бороды) характеризует не только владельца этого прозвища, но и "сплошную бородатость" всего мужского населения данного исторически старообрядческого села. Прозвище отразило существенный этнографический признак. Так же прозрачны прозвища *Царь*, *Вареник*, *Кубышка* – соответствующие апеллятивы хорошо известны. Но только объяснение реального возникновения их снимает домыслы и раскрывает путь, по которому эти апеллятивы прошли в антропонимию. *Царем* очень давно иронически называли крайне бедного человека. Уши другого были признаны похожими на вареники..." В конце автор заключает, что "для многих прозвищ реальная их история, к сожалению, не будет найдена. В этих случаях придется ограничиться этимологией" [Карпенко 1980, 201–202].

Последняя фраза представляется существенной для определения принципов составления словарей, содержащих более или менее развернутую этимологическую информацию. С этих позиций хотелось бы "реабилитировать" тех составителей исторических антропонимических словарей, которые, не будучи уверены в путях антропонимизации апеллятива, предпочитают не говорить о них, ограничиваясь всего лишь конфронтацией антронима с апеллятивом. Такой сопоставительный ономастический апеллятивный материал, представленный в лексикографической форме, имеет несомненный интерес для составления в будущем полного антропонимического словаря.

Исключительно интересные сведения для типологизации принципов номинации в антронимии представлены в работе Н.А. Баскакова "Русские фамилии тюркского происхождения" [Баскаков 1979]. Не являясь собственно словарем, эта книга содержит триста статей, дающих историко-этимологический анализ русских фамилий тюркского происхождения. Отличительной особенностью приводимых этимологий является обязательное наличие в них экстралингвистического компонента, подтверждающего этимологические версии автора, что проявляется в стремлении раскрыть этиологию именования, относящуюся к конкретной исторической эпохе и к конкретным историческим условиям (дан исторический анализ происхождения каждой рассматриваемой фамилии, ее связей и родства с другими фамилиями, прокомментированы геральдические данные, относящиеся к соответствующим родословным). Статьи, посвященные отдельным фамилиям, представляют собой своеобразные аналоги словарных статей (при соответствующем их словарном упорядочении и лексикографическом структурировании, поскольку в настоящем издании статьи

сгруппированы не в алфавитном порядке, а в порядке их следования в Общем гербовнике, из которого они почерпнуты).

Приведем образцы из книги Н.А. Баскакова:

Караулов

"Предок рода Карауловых Ямгурчай Караул, а по крещении названный Симеоном в 6988/1480 году выехал в Россию из Золотой Орды. Сын сего Симеона Иван Караулов в 7032/1524 году при великом князе Василии Иоанновиче служил наместником. Происшедшие от сего рода потомки Карауловы Российскому престолу служили..."

Фамилия Карауловых произошла от монг. хагуул ~ тур. qazaq, тат. qaraul 'стража, караул, часовой в военное время, сторожевой отряд, назначенный на известный пункт для встречи неприятеля, передовой отряд'; ср. русск. *караул* 'стража; гауптвахта'...

Фамилия Карауловых является по своему значению аналогом фамилии *Беклемишев*, которая происходит также от воинского звания beklemesi 'начальник ночной стражи' или beklemiš 'охраняющий, сторожевой'.

Кроме фамилии *Караулов* в их родословной упоминается имя основателя рода Ямгурчай, которое также является тюркским по своему происхождению и восходит к слову яматшы 'производящий дождь, тот, кто вызывает дождь' < яматш ~ яутш 'дождь', слово, встречающееся в чагатайском языке, в половецком, в уйгурском и в других языках, + общетюркский аффикс профессии -су/-сі, который в русской адаптации изменяется, приобретая конечный j (и) > -сеj (-чей), ср. ага-су – основа фамилии *Аракчеев*, азапсу – основа фамилии *АЗанчеев*, զալպասу 'казначей' и пр.

Прозвище *Ямгурчи* предок фамилии Карауловых мог получить как представитель кыпчакского (половецкого) племени. У древних тюрков существовали специальные маги-колдуны, которые посредством особого магического камня jada-taš ~ djada-taš 'ядя-камня' якобы могли вызывать в засуху дождь. Возможно, что сам Ямгурчай или его предок и был таким магом, по профессии которого Ямгурчай и получил прозвище яматшы 'вызывающий дождь'.

Происхождение фамилии Карауловых от монгольско-турецкого слова qaraul 'стража, караул, часовой в военное время и т. д.' хорошо иллюстрируется геральдическими данными. "В щите (герба Карауловых. – Н.Б.), разделенном крестообразно на четыре части, посередине находится малый серебряный щиток, в котором изображен скачущий на коне воин, имеющий в правой руке меч, а в левой щит. В верхней части в красном поле крестообразно положены две серебряные сабли и стрела, летящая вверх" ... Все эти данные отмечают связь фамилии Карауловых с воинской службой ее основателя.

Свой скромный вклад в создание будущих этимологических словарей топонимов вносят лексикографические труды, содержащие частичные этимологические сведения. В качестве исследования, обращенного на семантику исходных апеллятивных топооснов, можно назвать Словарь местных географических названий Чукотки [Меновщиков 1972], включающий не всю топонимию данного региона, а отобранные по определенному критерию: не официальные, а местные формы топонимов. Примеры словарных статей:

Аглун – гора и стан. между Науканом и Тунытлином, эск. *наукан*, диал. (аглук 'радуга'), Чукот. р-н.

Вэллывээм – река 'крутобережная', чук. (вэлл- 'крутой, вертикальный', вээм/ваам 'река'); русск. 'Крестовая'. Анад. р-н.

При составлении этимологических словарей могут быть использованы также топонимические словари, содержащие разностороннюю информацию, в том числе и этимологическую справку. В качестве подобного издания

можно назвать [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980] :

Азай (Азово) – д. в Арх. р-не. От антропонима *Азай* (< *Азаягилде*).

Балаюш (Балагушево) – с. в Чишм. р-не. От *бала* 'малый, маленький' и *кош* (< *кыуыш*) 'щалац, балаган'.

Как легко заметить, этот словарь можно отнести к нескольким типам: 1) к словарям передачи иноязычных географических названий, поскольку к оригинальному написанию приведен его русский эквивалент (впрочем, не всегда осуществляется транскрипция топонима, иногда ее заменяет русифицированное морфологическое соответствие, например, *Кулбай* (*Кулбаево*)); 2) просто к географическим словарям (аналогам толково-энциклопедических словарей), указывающим на вид топообъекта и его место расположения; 3) к словарю этимологическому, поскольку он часто содержит этимологическую справку; если к сказанному еще добавить, что топоним, представляющий вокабулу словаря, приведен в форме, апробированной лингвистами, то не вызывает сомнения, что он одновременно претендует и на статус нормативного словаря¹⁹.

Очень полезный подготовительный материал для словарей, раскрывающих происхождение топонимов, содержат словари, систематически издаваемые Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Они включают наиболее часто топонимизирующуюся апеллятивную лексику. Эти издания однотипны, если не считать некоторых расхождений в подаче материала, диктуемых спецификой соответствующей топонимики. Приведем примеры.

[Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Таджикской ССР 1975] :

байтал – *байтал* 'кобыла': р *Бозбайтал* – *Бозбайтал*, пер., р *Окбайтал* – *Оқбайтал*, *Работокбайтал* (работ + ок + байтал).

[Словарь русской транскрипции географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР 1971] :

Нер – Нэр 'верблюд'; верблюжий; коч. Нерлик (Нер-лик).

Ходжа – Хоча имя личн. муж.; с. Ходжавенд, г. Ходжаюрд, с. Бина-Ходжавар, с. Бёюк-Ходжавар, с., ур. Ходжалы (Ходжа-лы).

Как следует из примеров, вокабулами выступают иноязычные географические апеллятивы в транскрибированном виде, далее следует оригинальное написание с переводом значения, после чего приводятся топонимы, включающие в свой состав данные элементы. Обратный указатель (по типу азерб.: *нэр* – *нер*, *Хоча* – *Ходжа*) дает возможность найти в словаре иноязычные элементы пользователю, незнакомому с их русской транскрипцией.

Словари географических апеллятивов, так же как и собственно этимологические, могут охватывать территорию, разную по объему, начиная с отдельных стран (как это обычно имеет место в словарях ГУГКа) или нескольких стран с родственными языками [Литвин 1983] и кончая охва-

¹⁹ Словари этих типов могли бы подвергаться анализу в разных разделах настоящей работы. Экономии ради мы останавливаемся на них только один раз, касаясь произвольно только одной из их наиболее конструктивно представленных типологических черт.

том обширных территорий многих стран, населенных разноязычными народами [Мурзаев 1984].

Особый тип представляют словари, отражающие диалектную топографическую лексику. Они могут быть названы словарями местных географических терминов. Приведем примеры.

[Невская 1977]:

aikšte²⁰ – 1. поляна в лесу (LKŽ...; DLKŽ...); 2. хорошо просматриваемое открытое место (LKŽ...)... 3. площадь в городе (LKŽ...). vagà, лтш. uaga – 1. борозда (DLKŽ...; ME...); 2. русло реки (DLKŽ...); 3. речной рукав (LKŽ).

[Григорян 1975]:

Опáл м. диал. 1. "Местность с сожженым лесом" (мак-охр, мак-персп.)..., 2. опаля́к м. "место с обгоревшим лесом" (бот)..., 3. Паленáк м. "место, где сожгли кусты, чтобы росла трава для овец" (стран)... 4. Палия ж. "пустошь" (мих)..., также опал, м. диал. "пожар"... Палия ж. "нечто сгоревшее" (мих) ... произв. Палийска ж. прилаг. "пустая" (мих)..

[Черепанова 1984]:

Абашка́н м. овраг См, Гл, Яст.

Абрóк см. оборок

Амульо́к м. торфяное болото с хорошим торфогрунтом Чр, Мн, Брз.

Приведенные примеры отражают диалектное распределение тех или иных географических апеллятивов с точной их локализацией. Разница только в том, что в словаре Э.А. Григоряна и Е.А. Черепановой территориальная привязка выражена эксплицитно в пометах (например, у Э.А. Григоряна орх., бот., мих. и др.), а в словаре Л.Г. Невской информация о географической привязке содержится имплицитно в ссылках на словари (LKŽ, ME и др.), документирующие местность, в которой данное слово зарегистрировано. Рассмотренные словари различаются также построением: словарь Л.Г. Невской и Е.А. Черепановой последовательно алфавитный, словарь Э.А. Григоряна – алфавитно-гнездовой. Объединенные в гнезда однокоренные слова создают исключительно ценные фрагменты для хорошо функционированной этимологизации географических названий. Последовательная система отсылок позволяет быстро отыскать нужное слово.

Известный лексикографический труд В. Шмилauer [Šmilauer 1970], составленный как "компендиум", представляет пласт наиболее типичных апеллятивных основ, используемых при образовании славянских географических названий, а также основные их деривационные модели. В целях экономии семантизация вокабул дана не в виде филологического толкования апеллятивной основы, а путем ее перевода на немецкий язык. Приведем пример из названного труда²¹:

Barapъ

Widder, Schafbock

Sh	Barane
—	
Sl baran	Baranove

²⁰Лексемы, приводимые без указания языка – литовские.

²¹В – болгарский, М – македонский, Sh – сербохорватский, Sn – словенский, Sl – словацкий, Č – чешский, H – верхнелужицкий, D – нижнелужицкий, P – польский, Ss – старосербский, U – украинский, Br – белорусский, R – русский.

С беран	Беранес
Н боран	Боранесу – Bornitz
D баран	Баранојце – Bornsdorf
P барал	Баралы
U ба́ран	Баран
Br ба́ран	Баранайшына
R ба́ран	Барановка

Словарь Э.М. Мурзаева охватывающий большие территории и большое количество языков, несет в себе богатую информацию о топоосновах разноязычных и разносистемных. Такой "глобальный" охват географических appellativов может быть чрезвычайно полезен для изучения типологии топонимической номинации, например,

АБАД, АБАТ, АВАТ

город, селение, любой населенный пункт. Осн. значение "обводненный", "возделанный", "цветущий", "благоустроенный" (иран., тюрк. яз.). Курд. форма *ava*, тадж. обод, др.-перс. *anata*, Ср. арм. *anat* – "селение".

Однако употребляется в качестве второго слова в сложных географ. названиях, но нередко и самостоятельно переходит в топоним, как, напр., в Азербайджане *Абад*, в Синьцзяне (Китай) *Ават* близ. гор. Аксу и других местах. В средней Азии: *Ашхабад*, *Захматабад*, *Ханабад*, *Бегават*, *Бекабад*, *Джелалабад*. В Азербайджане: *Сабараабад*, *Джалилабад*. Новые образования: *Ленинабад*, *Орджоникидзеабад* в Таджикистане; *Анабад*, *Кировабад* и *Нариманабад* в Азербайджане. В Армении: *Валаршапат*, *Астрапат*, *Вагаршапат* (Эчмиадзин). Интересная форма *Абакент* (Азербайджан), в которой сложены два термина с одним и тем же значением "город" (селение) + "город" (селение), но можно перевести "благоустроенный город". *Исламабад* – столица Пакистана; в Иране *Фейзабад* (от араб. *фейз* – "изобилие", "щедрость"), *Абадан* (где -ан суффикс места); *Файзабад* в Таримской впадине (Китай)...

НОРМАТИВНЫЕ СЛОВАРИ

Употребление собственных имен (их произношение, написание, склонение) часто вызывает затруднения не только обывателя, но и специалистов. Неоднократно отмечалось, что имена собственные отличаются от имен нарицательных как в семантическом, так и в структурном отношении. Даже в языках, хорошо изученных, имена собственные остаются либо вне поля зрения специалистов, либо сведения об их структурных свойствах представлены неполно. Это и понятно: ономатическая лексика изучена неравномерно, в ней много окказионального, нестабильного. Следовательно, пласт про-приальной лексики наиболее нуждается в нормировании, а создание спра-вочной литературы, в том числе и различного рода словарей, является здесь первоочередной задачей.

Наиболее просто и логично этот вопрос можно решить включив про-приальную лексику в общие нормативные словари²². Однако как уже от-

²² Действительно было бы удобно, сомневаясь в написании того или иного имени, названия города и т. п., обратиться за справкой, например, к общему орфографическому словарю. Переводчик же мог бы отыскать затруднившее его имя собственное языка оригинала или перевода в двухязычном словаре. Не будучи включенными в вокабулярии общих словарей "повисают в воздухе" и имена собственные, входящие в состав фразеологизмов, найти их в корпусе словаря оказывается затруднительно. Лишено внутренней логики также включение в обычные словари производных типа *днепровский*, *пушкинский* и т. п. без их мотивирующих основ *Днепр*, *Пушкин* и т. п.

мечалось, проприальная лексика в общие нормативные словари (толковые, орфографические, орфоэпические и др.) включается или с большими ограничениями или вовсе остается за их пределами. Это объясняется следующими причинами. Прежде всего необъятностью класса собственных имен в любом естественном языке. Далее, невозможностью провести четкую границу между именами, которые следует включать в словарь, и теми, которые можно оставить за его пределами, так как в любом языке кроме имен собственных исконных, функционирует огромное количество онимов, имеющих отношение к другим народам, территориям и культурам (сюда же относятся мифонимы, имена персонажей мировой литературы и др. разряды онимов, выходящие далеко за пределы культуры одного народа и одной страны). Так, например, онимы *Рим*, *Вена*, *Монблан*, *Бетховен*, *Цезарь*, *Наполеон*, *Юпитер*, *Венера*, *Гамлет* мы находим не только в специальных (географических, исторических, литературоведческих и др.) текстах, но в художественной литературе и публицистике (в том числе и в образном употреблении) любого народа. Поэтому предложение включать в общие словари наиболее известные и наиболее распространенные имена собственные [Берков 1973, 99], выявив их путем статистического исследования, вряд ли даст выход из положения. Тем более что фамилия или название города, сегодня мало известные, завтра могут стать известными всему миру в силу экстралингвистических обстоятельств.

Однако возможен и другой подход к этому вопросу. Можно предложить, что в справках (о склонении, написании, произношении) нуждаются не общеизвестные, а малоизвестные онимы (например, склонение топонима *Бологое*). Словники, укомплектованные по этому принципу, привели бы к перегрузке материалом словарей и сделали бы их неудобными для пользования. Косвенно об этом свидетельствует печальный опыт составления словарей-тезаурусов (в старом понимании этого слова), практически стремившихся охватить "все слова" данного языка и вследствие этого не доведенных до конца (независимо от того, включали ли они в свой корпус имена собственные или этого не делали) из-за своего чрезмерного объема и значительной протяженности во времени всего издания²³.

Итак, как бы мы не ограничивали круг включаемых в словари имен собственных, так или иначе они будут перегружать словники общих словарей²⁴. Однако дело не только в том, что ономастический материал трудно включается в общие словари по причине своего объема, но и в том, что он не может быть лексикографирован теми же способами, что и материал нарицательный. Для иллюстрации обратимся к наиболее распространенным типам нормативных словарей и посмотрим, как эти словари эксплицируют ономастический материал.

Т о л к о в о-э н ц и к л о п е д и ч е с к и е с л о в а р и . Толковый словарь, раскрывающий семантику и употребление словесных единиц теоре-

²³ См., например, историю создания академического словаря немецкого языка братьев Гримм (*Deutsches Wörterbuch*) в работе Л. Розе [L. Roze 1982, 30].

²⁴ Ср. в этом отношении цифры, представленные в частотном словаре латышского языка: в газетно-журнальных текстах из 300 000 словоупотреблений 17 311 приходятся на имена собственные, соответствующая цифра для научного текста – 1176 [Jakubaitė 1969, 22].

тически не может включать имена собственные из-за принципиального расхождения значения имени собственного и имени нарицательного [Суперанская 1973, 250–305]. Однако в противоречие с теорией вступает лексикографическая практика. В некоторых толковых словарях, как уже отмечалось, имена собственные в небольших количествах имеются, к тому же отдельные лингвисты считают включение имен собственных в толковые словари целесообразным [Берков 1973, 99; Ступин 1963, 133–145; 1967, 55–62]. Эта проблема неизбежно возникает перед составителями словарей языка писателей (толковых по профилю), включающих в словарь все без исключения слова, встретившиеся в текстах писателя, когда лексикограф должен решать вопрос: как быть с собственными именами, попавшими вследствие тотальной эксперции источника в рабочие картотеки словаря.

Обратимся к опыту таких словарей. В [Словарь языка Пушкина 1956–1961], как известно, имена собственные не включены, вернее, "не помещаются в словаре собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении. Отступление в этом отношении сделано для собственных имен античной, библейской и христианской мифологии, играющих обычно в творчестве Пушкина определенную стилистическую роль, а также для условно-поэтических имен (*Лида, Лилета* и др.)" [Словарь языка Пушкина I, 11]. Итак, в принципе – не включены, но исключения есть. Посмотрим, как они подаются в словарной статье:

Дафнис (2). Юный, прекрасный пастух – герой античных мифов и буколической поэзии. Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...

Диана (8). Древнеримская богиня охоты, отождествлявшаяся с богиней луны Селеной; символ девственности...

Дон Жуан (1). Имя героя ряда литературных произведений в нарицат. употр...

В вокабулярий "Словаря языка Пушкина" включены отономастические прилагательные:

Дидлотов (1). Прил. к Дидло (знаменитый петербургский балетмейстер). Дидлотовы балеты.

Днепровский (5). Прил. к Днепр. Пред ним уже днепровски волны...

Теперь обратимся к "Словарю языка В.И. Ленина", работа над которым в настоящее время ведется в Институте русского языка АН СССР. За пределами его словарника, по-видимому, будет оставлено большинство собственных имен. В картотеку рассматриваемого словаря (так же как и в "Словарь языка Пушкина") не заносятся антропонимы и географические названия, употребляющиеся в прямом значении, но вместе с тем регистрируются имена собственные, употребленные в переносном, символическом значении (*Манилов, Иудушка, Столыпины, Керенские* и т. п.). Помимо того, в отличие от словарей языка писателей в картотеке языка В.И. Ленина эксперции подлежат названия государств, государственных учреждений, политических организаций, выборных организаций, политических систем, государственных договоров, а также названий губерний, уездов и др. (например, *Парижская коммуна, Комиссариат юстиции, Тильзитский мир, Брестский договор, Учредительное собрание*), и собственные имена

в образных выражениях (например, *Николай Кровавый*) [Лилеева 1979, 91]. Решение составителей экспериментировать для картотеки эти названия не случайно, так как их компоненты в большей мере сохраняют свое appellативное значение, хотя все название в целом приобретает новое индивидуализирующее (проприальное) значение, например *Брестский договор* – известный в истории СССР договор, заключенный 3.III.1918 г. в Брест-Литовске (и все же это договор, заключенный именно в Бресте, а не где-нибудь), т.е. картина та же, в принципе онимы не включены, в частности, да.

Имена собственные полностью оставлены за пределами такого издания как [Словарь автобиографической трилогии М. Горького 1975]. Авторы сочли более целесообразным этот материал (около 1000 слов), полученный вследствие сплошной экспертизы данного литературного произведения, поместить в приложении к словарю. Это приложение по сути представляет собой аналог толкового словаря собственных имен. Такое решение обосновано в предисловии: "описание и толкование имен собственных... требует... иного подхода, чем толкование имен нарицательных, даваемых в основном корпусе словаря; в отличие от последних они получают объяснения энциклопедического типа, не претендующие на полноту сведений..." [Там же, 8]. Эти толкования имен собственных представляют большой интерес, так как являются собой попытку их лингвистического толкования.

Мы видим, как в нижеследующих словарных статьях толкования филологическое и энциклопедическое сближаются. Это выражается, с одной стороны, в предельном сокращении объема энциклопедического толкования, с другой – в контекстуальном раскрытии значения онима (путем экспозиции цитат данного горьковского произведения). Приведем образцы:

Бахилов. Один из богатых жителей Н. Новгорода. – тоже ведь и ученые не сладко живут: вон у Бахилова дочь-то училась-училась, да и сама в учительши пошла, ну, а коли учительша, значит – вековуша... (Прачки), Л. 318.

Гребешюк. Район Н. Новгорода, расположенный на высоком холме у Оки, населенный мелкими ремесленниками и торговцами. – У нас на Гребешке одна девица хорошего семейства читала-читала...

И еще одна попытка толкования онимов, отраженная в работе [Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" 1965–1967], которая включает все собственные имена этого литературного памятника. В зависимости от класса онимов они снабжены формально-лингвистическими (номинальными) или энциклопедическими объяснениями. Так, номинальные толкования получают, например, отчества:

Вячеславич... отчество от имени Вячеслав,

в то время как толкования личных имен, топонимов и др. онимов раскрывают суть обозначаемой реалии:

Изяслав... Изяслав Василькович, князь Полоцкий, сын Василька Рогволодовича, брат полоцких князей Брячислава и Всеслава Васильковичей.

Белград... город на берегу реки Ирпень в нескольких километрах от Киева.

Интересный опыт "вынужденного" составления толково-энциклопедического ономастического словаря представляет собой десятитомный

тезаурус латинского языка А. Форчеллини, в котором онины выделены из основной лексики и помещены в последних (VII–X) томах [Forcellini 1859–1867]. Будучи толковым, словарь распространяет этот тип и на данные четыре тома, в которых собственные имена (всех разрядов в общем алфавите) получают сокращенные до минимума, упрощенные типовые толкования, чем и приближаются к толкованиям филологическим. Приведем примеры:

Aestria, ae, f. Insula in mari Hadriatico, memorata Mel... "In Hadria... Diomedia, Aestria, Sason". – Haec aliis ignota videtur Vossio eadem, quae Εὔστρις vocatur a Scylace... ad Liburniam, longitudine 310, latitudine 120.

Agathio, ὀνομα, m. Agnomen Romanum ab ἀγαθός, bonus, ductum, per augmentum, more Latinorum ut Labeo, Culeo, et alia id genus Inscr. apud Grut... "D.M. Libertis et familiae Ti. Claudii, qui et Agathionis"...

Как видно из примеров, употребление онимов, так же как употребление апеллятивов в предыдущих томах, иллюстрируется примерами из римской литературы, дается также и этимологическая справка (ср. статью Agathio). Аналогичный корпус древнегреческих собственных имен, засвидетельствованных в источниках античной литературы, в аналогичной интерпретации находим в словаре В. Папе и Г.Э. Бензелера [Pape, Benseler 1884].

Иное отношение к онимам в Словаре языка Шевченко [Словник мови Шевченка 1964], где общепотребительные апеллятивы приводятся без толкований, а их значение проиллюстрировано цитатами из текстов писателя. Пояснения же даются только к малоупотребительным словам (например, областным). Некоторую аналогию можно заметить и в подаче собственных имен, причем разные разряды онимов лексикографированы по-разному. Так, без какого-либо толкования приведены личные имена и их производные формы (последние получают стилистические ремарки), например, Марія, Мара, Маріула, Максим, Йован и др., они проиллюстрированы цитатами. При именах исторических лиц дана минимальная информация об их носителях. Так, о Мазепе сказано: "фамилия гетмана Украины, предателя русского и украинского народов" (следуют цитаты из текстов); Владимир, Владимир – имя великого князя Киевской Руси (~ 980–1015) и т. п. Поскольку словарь писателя толковый, то объяснения к именам даются в виде толкований, но без этимологических справок. Общий принцип лексикографической подачи имен нарицательных перенесен также на географические названия. Названия крупных хорошо известных топообъектов (Київ, Волга, Волинь и др.) проиллюстрированы только цитатами (без толкований), в то время как названия объектов менее известных получили толкования сокращенно-энциклопедического типа: Майданівка – село недалеко от Лисянки; Любськ – название замка под Вилий и т. п.

Проанализированные образцы толкований собственных имен в различных словарях языка писателей при всем структурном разнообразии этих словарей говорят несомненно о том, что сжатое, лаконичное энциклопедическое определение приближается к толкованию филологическому. Этот наш вывод лишний раз подчеркивает спорадически встречаемую в лингвистической литературе мысль об отсутствии в словарях четкой границы между описанием лингвистическим и описанием понятий и денотатов энциклопедическим [Дале 1963, 153–154; Киселевский 1977; Рей, Делесаль 1983, 265]. Проанализированный материал дает нам возможность

сделать вывод еще и о том, что разные разряды онимов требуют разных толкований. Если для одних разновидностей онимов целесообразным оказывается применение кратких типовых толкований, то другие требуют более полного энциклопедического комментария. К первым относятся обычно личные имена. Представляя собой "номенклатурные заготовки для наименования неограниченного количества людей" [Ступин 1963, 141], они являются наиболее номинативными единицами среди других разновидностей онимов. Их толкование может быть сведено к "формульному" объяснению типа "одно из мужских личных имен" и т. п.; подобным образом могут быть объяснены и традиционные зоонимы: клички собак и кошек, реже коров, лошадей и т. п. Предложенные толкования, по-видимому, можно считать минимальными, но вряд ли они всегда могут быть достаточными. В зависимости от объема словаря (малый, средний, большой) они могут быть расширены или сужены. Так, в словарях большого объема к стандартной дефиниции может быть добавлена некоторая лингвострановедческая информация путем показа комплекса ассоциаций, связанных с конкретным именем в сознании носителей данного языка (о чем подробнее см. ниже). Однако лексикограф в данном случае должен помнить о значительном объеме и об открытости ряда возможной информации, а также о том, что фоновые знания не являются общезвестными и общеобязательными для всех носителей языка, как это бывает с семантикой общеупотребительной лексики. Максимальное включение фоновых знаний можно осуществить только в специальном лингвострановедческом ономатическом словаре (о чем см. ниже).

Аналогичные проблемы возникают и при попытках толковать значение традиционных зоонимов. Разница только в том, что здесь встречаются единицы, сохраняющие мотивы номинации конкретного животного, например, при собачьих кличках типа *Шарик*, *Пушок*, *Полкан*, *Моська* кроме формулообразной дефиниции типа "собачья кличка", по-видимому, может быть указано на некоторые существенные черты собак, которым наиболее часто подобные клички даются [Ступин 1963, 144–145].

Иначе обстоит дело с лексикографированием фамилий, несущих в себе информацию двоякого рода. Во-первых, фамилия, подобно личному имени, может более или менее часто встречаться в качестве номинативной единицы и в данной функции может получить формальное объяснение, например, *Иванов* "русская фамилия в форме мужского рода" или "одна из самых частотных русских фамилий в форме мужского рода" и т. п. Во-вторых, многие фамилии получили широкую известность не только вследствие частой их встречаемости, но также и благодаря известности конкретных их носителей (*Пушкин*, *Достоевский*, *Сервантес*, *Ньютон* и т. п.). О сложности определения языкового значения подобных фамилий для русского литературного языка в свое время писал В.Л. Щерба, подчеркивая, что "самым трудным делом для лексикографии будет выбор такого понятия, под которое следует подводить то или другое имя собственное". Останавливаясь на фамилии *Ньютон*, он с некоторым сомнением предлагал такие вариативные толкования как 'ученый', 'ученый мыслитель', 'английский ученый', 'основоположник современной механики' и т. п. [Щерба 1940, 99]. Размышления Л.В. Щербы, по сути дела, касаются фоновой информации, сопровождающей собственное имя. Однако эта

информация, как и в случае с именами и кличками, оказывается субъективной, окказиональной, зависящей от личного опыта носителей языка. Поэтому представляется, что для фамилий прославленных семантический инвариант заключен в их энциклопедическом значении, выраженному в минимальном толковании типа: Пушкин (Александр Сергеевич) — великий русский поэт (1799–1837); Ньютон (Айзак) — великий английский ученый (1643–1727). А если это так, то функцию толкового словаря в данном случае может выполнять энциклопедического типа биографический словарь или универсального типа энциклопедия, которые включают и наиболее частотные фамилии и фамилии, принадлежащие известным лицам. В качестве примера можно привести словарные статьи из биографического словаря Уэбстера [Webster 1976]:

Ča'pek (cha'pek) Karel 1890–1938, Czech journalist...

A.le'khine or A.lje'chin (ü.lyä'kyin) Alexander, Russ name Aleksandr Aleksandrovich Alekhin 1892–1946. Chess master b. Moscow, Russia...

Статус современной семантики в синхронном аспекте приходится устанавливать также для топонимов. С фамилиями их роднит то, что и за ними обычно закреплено конкретное энциклопедическое значение. Для топонимов энциклопедическое значение неотъемлемо присутствует как дополнительная информация в словарях этимологических, транскрипционных и др. В случаях одноименности, которая в частности, может быть обусловлена миграцией населения и перенесением топонимов одной местности на топообъекты другой, вновь заселяемой территории, топонимы, подобно фамилиям, различаются экстралингвистической данностью (различная локализация, различные координаты на земном шаре и т. п.)²⁵. Приведем пример из [Географический энциклопедический словарь 1983]:

Лача, Лаче, озеро на Ю.-З. Архангельской обл. Пл. 334 км². Глуб. 5,4 м. Впадают рр. Свидь, Ковжа, Лекшма и др. Вытекает р. Онега. Замерзает в нояб., вскрывается в мае.

А также пример из "Словаря географических названий" [Боднарский 1958]:

Везувий, действующий вулкан, расположенный на берегу Неаполитанского залива близ Неаполя. Почти правильной конусообразной формы, выс. 1186 м. Вулканическая почва склонов чрезвычайно плодородна, вследствие чего они густо заселены. Последние извержения в 1906, 1926, 1944 гг.

Таким образом мы видим, что значение имен собственных в синхронном понимании сводится практически к его экстралингвистическому энциклопедическому значению, которое раскрывается не в толковых, а в энциклопедических словарях.

Далее рассмотрим коннотативные элементы семантики имени собственного и возможность их лексикографической экспликации. Эти обертональные значения занимают как бы промежуточное место между конкретным энциклопедическим и общязыковым знанием о предмете. Они не достигают уровня полной семантической объективации для всех носителей данного языка, оставаясь на уровне окказиональных коннотативных сознаний.

²⁵ В географическом словаре Уэбстера [Webster 1977] приведено пять городов под названием Berlin, десять под названием Paris и т. п.

чений. Коннотативные ономастические лексемы, являясь как бы промежуточным звеном в бинарном противопоставлении *nomina propria* – *nomina appellativa* [Отин 1980, 3], представляют несомненный интерес для теоретической ономастики и изучаются в области лингвострановедения. Изучению слова в лингвострановедческом аспекте, т. е. исследованию его как объекта, вмещающего и хранящего в себе знания об окружающем нас мире, в настоящее время в советском языкоznании уделяется немало внимания, особенно в связи с преподаванием русского языка иностранцам [Верещагин, Костомаров 1977, 126–133].

Лингвострановедческий подход²⁶ к слову конкретно выражается в лексикографической практике не только апеллятивных словарей (учебная лексикография), но также и словарей ономастических. Попытки составления последних показывают, что задачи лингвострановедческого словаря их авторы понимают не одинаково, хотя в общих чертах под лингвострановедческим ономастическим словарем имеется в виду такой словарь, в котором объясняются особенности употребления, дополнительная смысловая нагрузка и различные коннотативные оттенки включенных в словарь онимов. Сравним пробные статьи, фрагменты и выдержки из проектируемых (или гипотетически представленных) словарей рассматриваемого профиля Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Н.А. Подольской, Е.С. Отина и Ю.А. Федосюка.

Говоря о фоновой информации, сопровождающей имя собственное, и ее воплощении в словаре, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров приходят к выводу о том, что экспликация семантического элемента или фона имени собственного и составляет тот добавочный компонент, который раскрывает и уточняет типовые определения. Авторы считают, что каждое имя из именника выражает групповую информацию и сигнализирует о своей принадлежности к некоторой совокупности соположенных имен: 1) *Октябрьина, Нинель* – возраст имени; 2) *Альберт, Герман* – происхождение; 3) *Емельян, Федосья* – социальное место и т. п. Кроме того, некоторые имена обладают еще и индивидуальной информацией: а) они могут встречаться во фразеологических сочетаниях, в пословицах и поговорках, имея определенную фоновую окраску, например, *Я про Фому, а он про Ерему*, б) ряд имен приобрел репрезентативный, почти нарицательный смысл, например, *Иван* – именование русского человека, в) другие – устойчиво ассоциируются с персонажами литературных произведений, историческими деятелями и т. п., например, *Герман* (из "Пиковой дамы"), г) личные имена избирательно становятся кличками животных *Михайло Потапыч* – медведь, *Васька* – кот, *Петъка* – петух и т. п. [Верещагин, Костомаров 1977, 123]. Основной характеристикой изъяснения, по мнению авторов, служит исключительно ориентация на современное обыденное языковое сознание. Это значит, что исторические этимологические сведения не войдут в изъяснение, если они не известны нашим современникам. Основным в словарной статье должна быть репрезентация групповой и индивидуаль-

²⁶ При этом подходит кумулятивная функция языковых единиц раскрывается не как самоцель, но для того, чтобы в повседневном учебном процессе дать учащимся одновременно дополнительную информацию о жизни и быте народа, его культуре, истории, социальных и политических особенностях государства и т. п.

ной информации. Следовательно, семантизация, вообще говоря, не будет содержать ничего нового для самих русских, которые, естественно, с детства владеют фоном русских собственных имен. Изъяснение ориентировано только на иностранного пользователя.

Приведенные А.Ю. Федосюком пробные статьи лингвострановедческого словаря для иностранцев [Федосюк 1982] говорят о желании автора показать русские фамилии в "международном контексте", что достигается демонстрацией таких "семантических" параллелей, как рус. *Рыбаков* – англ. *Fisherman* – фр. *Pêcheur* и т. п. Важны для иностранца также элементы грамматической и словообразовательной информации, ср. словарную статью:

Петров, м., Петрова, ж. Одна из наиболее распространенных и древних русских фамилий. До революции встречалась во всех сословиях (кроме дворян), ныне фиксируется во всех социальных группах. От очень частотного, особенно до революции, имени Петр, восходящего к греч. *petra* 'камень'. Из того же источника англ. Peter, фр. *Pierre*, ит. *Pietro*, исп. *Pedro*, польск. *Piotr* и др.

Склонение: м. р. *Петров*, *Петровы*, *Петрову*, *Петровым*, *Петрове*; ж. р. *Петровы*, *Петровой*, *Петровой*, *Петрову*, *Петровой*, *Петровой*; мн. ч. *Петровы*, *Петровых*, *Петровым*, *Петровыми*, *Петровых*.

Наиболее известные носители фамилии: Андрей Петров (р. 1930) – популярный советский композитор, народный артист РСФСР; Василий Петров (1761–1834) – выдающийся русск. физик и электротехник; Владимир Петров (1896–1966) – кинорежиссер, народный артист СССР, постановщик фильмов "Гроза" и "Петр Первый".

Информация несколько иного плана предложена в проектируемом лингвострановедческом словаре Н.В. Подольской, словарная статья которого содержит в себе значительное количество энциклопедической информации, сведения из истории топообъекта, а также развернутую этимологическую справку, из чего явствует, что семантизация в словаре не может быть выведена из "современного обыденного языкового сознания". Такой словарь дает новую информацию не только для иностранца, но также и для носителя русского языка. Ср.:

Ополье (Opoľje) откуда? – из *Ополья*, куда? – в *Ополье*, где? – в *Ополье*. Территория между городами Ростов Великий (см.), Переславль-Залесский (см.) и Владимир (см.), известная своими полями и плодородными землями. В древности здесь был г. Ополе.

Название *Ополье* имеет приставку *O-*, корень *-пол-* (тот же, что в слове *поле*) и формант *-је*. Условно это название можно объяснить так: "кругом поля", что соответствует действительности в прошлом и настоящем. С этим названием связано и название города *Юрьев-Польской* (см.), который находится в Ополье.

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что земли Ополья с давнего времени привлекали людей. Уже в IX–X веках здесь были многочисленные поселения, раскинувшиеся по берегам рек Нерли (см.) и Каменки, на которой стоит город Сузdal' (см.). В летописи под 1024 годом упоминается восстание землевладельцев, охватившее все Ополье. Для усмирения этого восстания туда прибыл князь Ярослав Мудрый (см. о нем *Ярославль*) с дружиной.

Территория эта интересна своей историей, связью с древними городами. Сейчас это один из плодородных районов Центральной России.

Житель – *ополец*; прил. *опольский*, *ополенский*.

Иллюстрация: карта-схема Ополья с его основными городами.

В ином плане предусматривает построить свой словарь Е.С. Отин [Отин 1980]. Правда, автор говорит не о лингвострановедческом словаре, а всего лишь о словаре имен собственных, употребляемых в переносном смысле.

Он отбирает пограничные случаи, когда собственное имя, частично теряя свою проприальную семантику, тяготеет к имени нарицательному. Кроме этого в словаре будут приведены также примеры вторичной топонимизации, вызванной, в частности, своеобразной семантически мотивированной "миграцией" топонимов. Словарь не заявлен как лингвострановедческий, но приведенный в нем материал позволяет отметить именно эту его ориентацию. Ср.²⁷

Афины, Афин, м. ч. Топ., Древнегреческий город. "Один из центров античной культуры".

УКТ₁. Очаг культуры. Вот и построили Афины средь топей северных болот (Винокуров Е. Геометрия).

Топ, периф. Северные Афины – Эдинбург, Сибирские Афины – Томск.

Болдино, -а, ср. Топ., деревня (имение А.С. Пушкина) в Нижегородской губернии, "С пребыванием в этой деревне (осенью 1830 г.) связан самый плодотворный период в жизни А.С. Пушкина".

УКТ₂. Состояние творческого подъема. Не каждой славы или ордена – нам сердцем искренним дано свое – пусть маленькое – Болдино, свое – хоть раз – Бородино (Кортников В.); "У каждого есть свое Болдино..." (название заметки в газете "Вечерний Донецк", 1976, 2 окт.).

Особое место в ряду рассмотренных словарей с лингвострановедческой направленностью занимает справочник [Великобритания. Лингвострановедческий словарь 1978]. Это не собственно ономастический, а общий лингвострановедческий словарь. Основные разряды онимов (первичные антропонимы и топонимы) в нем не представлены, но в нем помещено большое количество вторичных онимов (названий предприятий, спортивных клубов, частных школ и т. п., а также немало депроприативов), например, статьи о реке Темзе нет, но даны вторичные названия от топонима Темза, не помещена статья о поэте Р. Бернсе, но упоминается его музей и т. п. Видно, что составители словаря тщательно отбирали вокабуллы и их значения, не помещая в словаре ничего лишнего (т. е. имеющегося в других словарях) и не пропуская существенного (т.е. не охваченного другими словарями). Ср.:

Burns' Cottage [ˈbə: nz ˈkætidz] коттедж Бёрнса (Дом-музей Р. Бёрнса [*Robert Burns 1759–1796]; находится в городке Аллоуэй, графство Эршир; организован в доме, где родился поэт).

Glasgow ['gla: səʊ] Глазго (крупный промышленный центр и порт Шотландии [Scotland]; третий по численности населения город Великобритании [Great Britain]).

Glasgow Academy ['gla: səʊə ˈkædəmɪ] Глазго-Академи (мужская привилегированная частная средняя школа [public school] в г. Глазго, основана в 1846 г.; ок. 940 учащихся).

Анализ пробных статей ономастических лингвострановедческих словарей показывает, что само понятие "лингвострановедение" для многих лингвистов еще не стало единым унифицированным термином, что это рабочий термин, требующий уточнения. Отсюда исключительная разноплановость самой информации, приводимой в рассматриваемых словарных статьях. Однако эти примеры свидетельствуют и о другом, а именно, при всей разноплановости и разнообразии лингвострановедческие ономасти-

²⁷ ОКТ – окказиональный коннотативный топоним; Топ₁ – первичное топонимическое значение; Топ₂ – лексема, испытавшая вторичную топонимизацию; УКТ₁ – интерлингвистическое переносное значение; УКТ₂ – широко известное узульное интерлингвистическое значение коннотативного топонима.

ческие словари уже сегодня (разумеется, если к проектируемым словарям относиться как к реально существующим) играют важную роль в изучении собственных имен (и в изучении страны, народа, культуры, истории и т. п.). Они в большинстве случаев представляют информацию об ономе, отсутствующую в словарях других типов, и уже это говорит об их необходимости.

Словари передачи иноязычных собственных имен. Несмотря на исключительно древнюю традицию двуязычной (и многоязычной) лексикографии (см. [Берков 1973]), ономастический аналог словарей данного типа столь древней традиции не имеет. Это вполне понятно, поскольку имена собственные не переводятся. Однако необходимость перевода текстов, включающих онимы, ставит перед переводчиком задачу передачи онимов с одного языка на другой.

Эта проблема решается по-разному в зависимости от однотипности или разнотипности алфавитов языка-источника и языка-приемника. При их совпадении (например, в языках латинопищущих) возможна транслитерация, т. е. сохранение оригинального написания (хотя в дальнейшем неизбежно возникает проблема прочтения этих чужеродных вкраплений, а следовательно, появляются предпосылки для создания орфоэпических словарей). При расхождении алфавитов (например, латинского и кириллического) необходимо сразу перекодировать онимы с одного языка на другой. Теория и практика передачи иноязычных собственных имен в первую очередь требует выработки четких правил их транскрипции средствами фонетики и графики другого языка, а в дальнейшем и составление словарей данного профиля. Эмпирическое накопление материала для словарей иноязычных собственных имен во многих языках имеет древнюю историю, которая начинается с первых контактов носителей одного языка с представителями других языков²⁸. В итоге этот материал фиксируется в общих и отраслевых энциклопедических словарях, в частности географических и биографических, которые обязательно включают названия иноzemных географических объектов, а также имена и фамилии иностранцев. Однако энциклопедические словари содержат ограниченное число имен собственных, лимитированное типом словаря по объему (большой, средний, малый словарь) и по профилю (универсальный или отраслевой словарь). Словари энциклопедического типа включают также значительную языковую информацию (правописание, ударение и т. п.). Однако всей информации этого плана энциклопедические словари включить не могут (например, сведения о склонении транскрибированных слов, показ вариативных форм, словообразовательных возможностей и многое другое остается за их пределом).

Восполнить эту информацию призваны словари по передаче иноязычных имен собственных с одного языка на другой. Прежде чем обратиться к этим словарям, следует заметить, что правила передачи разных разрядов иноязычных собственных имен на русский язык в настоящее время не унифицированы. Если для нужд картографии систематически из-

²⁸ О необходимости передачи онимов с одного языка на другой в истории дипломатической практики в Европе и на Руси см. [Суперанская 1978, 12–13].

даются инструкции и словари по передаче топонимов почти из всех языков народов СССР и мира (см. [Волостнова, Тюрина 1960]), то единого центра, регламентирующего передачу на русский язык личных имен и фамилий, в настоящее время нет, хотя работа в этом направлении ведется. Правила передачи иноязычного слова (в основном его фонетической стороны), сформулированные для топонимов, часто переносятся и на антропонимы. Разработка принципов передачи иноязычных имен собственных обеспечивает базу для составления соответствующих ономастических словарей.

В этой связи встает вопрос о том, какие разряды имен собственных, в какой мере подлежат лексикографированию. Говоря о словарях русской транскрипции иноязычных собственных имен, А.В. Суперанская считает, что должны составляться особые словари по каждому типу собственных имен и что построение каждого такого словаря должно определяться спецификой данного типа имен. Прежде всего, по ее мнению, необходимо составить словари личных имен, фамилий, географических названий, словари названий учреждений, организаций, фабрик, заводов, фирм, гостиниц, ресторанов, газет, журналов, пароходов, самолетов и т. п. [Суперанская 1960, 121–122].

Построение и количество информации в словарях практической транскрипции может существенно различаться, что зависит не только от языка-источника и языка-приемника, но также и от класса самих собственных имен и от задач и целей, поставленных перед составителем. Поэтому транскрипционные словари могут иметь разные структуры. В качестве примера приведем образцы из словарей двух типов. К словарю первого типа можно отнести [Справочник татарских личных имен 1973], в который включены наиболее употребительные татарские имена в русской транскрипции с указанием оригинального написания и форм отчеств в мужском и женском роде на русском языке:

Абубакир – Эбубәкәр – Абубакирович, Абубакировна
Амин – Эмин – Аминович, Аминовна

Аналогично построен "Словарь собственных имен людей" [Левченко, Скрипник, Дзятковская, 1972], имеющий украинско-русскую (1) и русско-украинскую (2) часть. Это не словарь транскрипции в собственном смысле, а словарь соответствий имен в близкородственных языках.

(1): – Гнат (Гнàтович, Гнàтівна), Ігнат (Ігнатович, Ігнатівна), і Ігнатій (Ігнатійович, Ігнатіївна) – Игнатий, Игнат; (2): – Сергéй (Сергéевич, Сергéевна) Сергéй.

Написание имен и фамилий на туркменском и русском языках (без образования отчеств) показано в [Орфографический справочник туркменских имен и фамилий 1978]:

Мужские имена

Туркменское написание

Аба, -аев
Акжа, -аев

Русское написание

Аба, -аев
Акджа, -аев

Женские имена

Абадан
Айгул

Абадан
Айгуль

Более богатую филологическую информацию о личном имени находим в справочнике [Словарь английских личных имен 1973], содержащем около 3 000 имен и их производных, употребляющихся в Великобритании, США и других странах английского языка:

Andrew [ˈændru:] м. Э́ндрю, А́ндрю, традиц. Э́ндр(ъ) ю. библ. Андре́й. [Ст.-фр. Andrieu, Andreu < лат. Andreas < греч. Andreas; ср. греч. αῆρ – муж. человек; букв. мужественный, храбрый. Орфография второго слога сложилась, по-видимому, под влиянием орфографии им. Matthew – см.].

В библии Андрей – один из двенадцати апостолов. Сэр Эндрю Эгьючик – действующее лицо в комедии Шекспира "Двенадцатая ночь, или как вам угодно" (1600). Ср. фр. André, ит. Andrea, исп. Andrés, нем. Andreas, датск., швед. Anders, русск. Андрей, болг. Андрей, слов. Andrej, польск. Andrzej, венгр. Andor, Andras, Endre. Дериваты: And, Andy, Drew.

Как видно из примеров, словари иноязычных имен содержат не только корреляты имени в двух языках, но и значительное количество дополнительной информации: отражение оригинального произношения, этимологические справки, соответствующие имена в других языках, сокращенные формы, сведения о первых носителях имени, встречаемость его в художественной литературе и т. п. Действительно словари личных имен могут быть построены самым различным образом. А.В. Суперанская, например, предлагала делать общий словарь для ряда языков, пользующихся определенной системой письма, так как это могло бы избавить от многочисленных повторений, поскольку существуют имена одинаково пишущиеся в нескольких языках, но по-разному передающиеся на русский язык (Charles – англ. – Чарльз, фр. – Шарль; Paul – нем. – Пауль, фр. – Поль). Это предупредило бы переводчика от возможных ошибок и неточностей, потому что немало традиционных имен передается по-русски одинаково, независимо от языка, которому они принадлежат (Walter – Вальтер, David – Давид). При нетрадиционных именах в словаре можно было бы дать несколько транскрипций с пометами с какого языка как их следует передавать [Суперанская 1960, 123]. Научная ценность подобного словаря не вызывает сомнения, хотя предложенная А.В. Суперанской идея в ономастической лексикографии в настоящее время еще не реализована.

К числу пока не реализованных идей можно отнести также и словарь европейских фамилий, работа над которым в свое время была начата в Секторе культуры речи Института русского языка АН СССР²⁹. Словарь европейских фамилий был задуман как особый тип словаря, отличающийся, с одной стороны, отсутствием этимологических сведений, с другой, отсутствием биографических данных о человеке – носителе фамилии, т. е. фамилии не предполагалось соотносить с конкретными людьми. Энциклопедическая информация о носителях фамилий (годы жизни, профессия, национальность и др.) должна была фиксироваться только в рабочей картотеке, в то время как в образцах словарных статей она оставалась "за кадром". В словарь предполагалось включать фамилии, бытующие в странах, пользующихся латиницей. Круг источников включал общие и отраслевые энциклопедии (досоветские и советские), что давало наглядную картину функционирования европейских фамилий в русском языке

²⁹ Принципы составления картотеки и подачи материала в планируемом словаре описаны в ст. [Калакуцкая, Сталтмане 1967].

и представляло возможность выделить из всего обозреваемого массива фамилий корпус традиционных фамилий (или экзонимов). Составители словаря предлагали максимально ограничить круг традиционных фамилий, сохраняемых в форме, не соответствующей современным требованиям транскрипции.

Составив картотеку словаря по буквам А–Г (включительно) объемом около 10 000 карточек, инициаторы словаря имели перед собой достаточно материала, чтобы решить некоторые общие проблемы лексикографической подачи материала. Например, двойные и многочленные фамилии авторы разбивали на составные части и каждую из них помещали в словаре на соответствующем месте алфавита. Так, польскую фамилию *Черни-Стебаньска* предлагалось расщепить на *Черни* и *Стебаньски* и каждый компонент дать в алфавите на буквы *Ч* и *С*, аналогично английской фамилии *Бичер-Стон* – разделить на *Бичер* и *Стон* и давать на буквы *Б* и *С*, и т. п.³⁰

Фамилии с частицами *ван*, *фон*, *да*, *ди*, *де*, *ла*, *ле*, и др. было предложено приводить без этих частиц за исключением тех случаев, когда фамилия пишется в оригинале сплитно с частицей. В таких случаях частицу следовало сохранить и в русской передаче, например, *Деларю* (*Delarue*) – французская писательница, но *Рю* (*De la Rue*) – французский астроном и физик. Шотландскую частицу *мак* и ирландскую *о*, более тесно связанные с фамилиями, предлагалось последовательно сохранять, так же как и частицы *сан*, *сен*, *сент*: *Макдоналд* (*Macdonald*), *Маккини* (*Mac Kinley*), *О'Брайен* (*O'Brien*), *Сент-Бёв* (*Sainte-Beuve*), *Сен-Симон* (*Saint-Simon*), *Сан-Мартин* (*San-Martin*) и т. п. Словарь должен был также включить некоторые орфоэпические и грамматические сведения. К информации первого рода относились, например, пометы, уточняющие ударение, отсутствие редукции в безударных слогах (*Бейрон* (*Beugron*) [o]; *Баубер* (*Bauber* [e])), отсутствие смягчения перед гласной *е* согласных *т*, *д*, *н*, *р*, *с*, *з* (*Баумгартен* (*Baumgarten*) [tЭ]), произношение удвоенных согласных *Аббе* (*Abbe*) [ббэ], *Аббате* (*Abbate*) [аббатэ].

Грамматическая информация должна была выражаться в пометах, характеризующих специфику склонения фамилий: а) помета *нескл.* сопровождала фамилии, оканчивающиеся на *-о*, *-е*, *-и*, *-у*, *-а*, *-я* (две последних только ударные) и *-иа*, например: *Аббе*, нескл.; *Безу*, нескл.; *Дега*, нескл.; б) в фамилиях, оканчивающихся на согласную, для мужского рода должно было приводиться окончание формы падежа, например: *Гофманн*, *-а* (муж.); нескл. (жен.); *Бебель*, *-я* (муж.); нескл. (жен.); в) для неславянских фамилий на *-ин* кроме окончания родительного было предложено давать и окончание творительного падежа мужского рода, например: *Дарвин*, *-а*, твор. *-ном* (муж.); нескл. (жен.); г) для фамилий на *-а*, *-я* безударные предлагалось приводить окончания род. падежа, общие для мужской и женской фамилии, например, *Бёга*, *-и* (муж. и жен.); *Акунья*, *-иы* (муж. и жен.); д) для языков, имеющих самостоятельные формы мужской и женской фамилии, предлагалось указывать обе эти формы, например, чешск. *Бéзруч* (*Bezruč*), *-а* (муж.); *Бéзручова* (*Bezručova*), *-овой* (жен.). Для фамилий польского языка было предложено приводить одну (не-

³⁰ В словаре предлагалось указывать языковую, а не национальную принадлежность фамилии.

маркированную) форму мужского рода для лиц и мужского и женского пола, а также факультативную форму для жены или дочери, если она в экспериментированных источниках встретилась: *Адамович* (Adamowicz) муж. -*а*, жен. нескл.; для жены также *Адамовичова* (Adamowiczowa), -*вой*; для дочери также *Адамовичувна* (Adamowiczówna), -*ы*. Был предложен и образец обработанной словарной карточки:

А́ддисон (Addison) [аддисон], англ., муж. -*а*, жен. нескл.

Бр₁ А́ддисон
Бр₂ А́ддисон (Addison)
Гр А́ддисон (Addison)
СПбЭ А́ддисон
БСЭ₁ А́ддисон
БСЭ₂ А́ддисон
ТЭ А́ддисон (Addison)
КЛЭ А́ддисон (Addison)
БМЭ А́ддисон (Addison)

Итак, словарь европейских фамилий должен был включать весьма разноспекткную информацию об иноязычной фамилии, выходящую далеко за пределы собственно транскрипции. В аспекте общей лексикографии планируемая единая словарная информация должна была бы распределиться по словарям: орфографическим, орфоэпическим, грамматическим и даже словообразовательным. Для лексикографирования ономастического материала подобное членение излишне, всю эту разноуровневую информацию целесообразно скомпоновать в один нормативный словарь.

Мы рассмотрели некоторые типы словарей, представляющих транскрипцию иноязычных антропонимов на русский язык. Далее обратимся к лексикографической практике передачи иноязычных топонимов. Как известно, нормирование, упорядочение и совершенствование практической транскрипции на русский язык географических названий в нашей стране осуществляется в двух главных направлениях: с одной стороны, создаются инструкции, устанавливающие и нормирующие принципы передачи иноязычных топонимов, с другой, издаются сами словари, охватывающие современные названия различных стран, республик и других административно-территориальных регионов. Эти словари предназначены в основном для картографии и, в сущности, представляют собой списки иноязычных топонимов в двояком написании: русском и оригинальном, кроме того указано на вид топообъекта и его локализацию, например [Словарь географических названий Германской Демократической Республики 1975]:

Альт-Тухебанд, окр. Франкфурт Alt-Tucheband; Грамме, р., прав. приток р. Унструт Gramme; Дисбург, г. окр. Зуль, выс. 713 м Diesburg.

В обратном указателе к словарю материал дан в следующем порядке: Elsdorf Эльсдорф; Mieste Мисте и т. п.

[Словарь географических названий Латвийской ССР 1962] отличается от словаря немецких топонимов всего лишь некоторыми чертами лексикографической техники, а не типологией:

Абава – Abava, р., прав. приток р. Вента, Тукумский, Талсинский и Кулдигский районы.

Помимо региональных издаются также сводные словари русской передачи наиболее известных иноязычных географических названий, бытующих в нашей стране – [Словарь географических названий СССР 1962] (1) и за ее пределами – [Словарь русской транскрипции географических названий 1959] (2). Кроме русской транскрипции в этих словарях указан вид объекта (оиконимы не маркированы) и территориальная привязка (в виде географических координат и указаний на административно-территориальное подчинение):

(1)

Балтай, Саратовская обл. 52° сш, 46° вд;
Балхаш, оз. Казахская ССР 46° сш, 76° вд;

(2)

Бургас, Болгария 42,5° сш, 27,5° вд;
Буг, р., прав. приток Вислы; СССР и Польша 52,5° сш, 21,1° вд;

Для сравнения с нормированием передачи иноязычных собственных имен в русском языке обратимся к этой же области ономастической орфографии в латышском языке. Выбор латышского языка не случаен, поскольку он вместе с литовским отличается от большинства других латинопишуших языков своим отношением к иноязычным собственным именам. В нем транскрибируются (а не транслитерируются, как в большинстве европейских языков) не только имена собственные кириллического, арабского, но и латинского письма, т. е. в латышском языке пишется и произносится не Shakespeare [*Seikspīrs*], а *Sēkspīrs*, не Goethe ['gф:tə], а *Gēte* и т. п. Поэтому произношение и написание онимов в латышском языке требует постоянного внимания лингвистов. Вступая в этнические и языковые контакты с другими народами, их литературами и культурами в широком смысле слова, латышский язык, как и другие языки, включает в себя все возрастающее количество имен собственных. В этой связи приходится пересматривать, корректировать, совершенствовать правила транскрибирования, максимально приближая написание и звучание иноязычных собственных имен к оригиналу.

С целью регламентации данной подсистемы орфологии латышского языка в Институте языка и литературы АН Латв. ССР в конце 50-х годов началась работа по подготовке справочников, кодифицирующих передачу иноязычных имен собственных на латышский язык³¹. Они состоят из двух частей. Первая включает инструкции, излагающие основные правила передачи фонемного состава имен собственных всех разрядов, подлежащих транскрибированию, а также основные принципы морфологического оформления транскрибированных собственных имен (поскольку флексивный латышский язык стремится включить в свою систему склонения и иноязычные собственные имена). Особый интерес для нас представляет

³¹ Например, [Norādīumi par citvalodu īpašvārdū pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā. Bulgāru valodas īpašvārdi 14, 1978]. (Справочник по орфографии и орфоэпии иноязычных имен собственных в латышском литературном языке. Имена собственные болгарского языка); имеются также справочники собственных имен английского, французского, немецкого, испанского, итальянского, русского, польского, чешского, финского, эстонского, литовского и др. языков.

вторая часть этих справочников, включающая три алфавитных списка наиболее употребительных личных имен (мужских и женских), фамилий и географических названий. Разумеется, данные списки невелики по объему, это названия самых известных топообъектов, фамилии выдающихся людей, а также наиболее частотные имена и фамилии. При всей ограниченности этих "словариков", их практическое значение несомненно. Обе части справочника дополняют друг друга, так как транскрипцию слова, не содержащегося в словаре, при желании можно вывести не только из инструкции, но и по аналогии с зафиксированными онимами. Приведем примеры из словарной части немецкого справочника [Norādījumi par citvalodu īpašvārdū pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā. III. Vācu valodas īpašvārdi 1960, 37, 38, 58, 66, 67]:

Географические названия:

Altötting p – Altetinga

Baden in der Schweiz p – Bādene Šveicē

Личные имена:

Albert – Alberts [... ēr...]

Charlotte – Šarlote

Фамилии:

Bach – Bahs, -a

Baedeker – Bēdekers, -e

Fichte – Fīhte

Как видно из примеров, словарные приложения латышских справочников кроме практической транскрипции и грамматических сведений содержат также указания на произношение (открытое *e* [... ēr]), на деривационные потенции онимов (образование женских форм фамилий Bach – Bahs, Bahā) и т.п.

В данных справочниках нашли лексикографическое отражение и устанавлившиеся традиционные формы передачи (или экзонимы). Так, звездочка (*) при транскрибированном ониме означает, что в современном языке сохраняется традиционная форма, не соответствующая требованиям инструкции. Если же одно имя передается двумя способами: в соответствии с инструкцией и в традиционной форме, то это значит, что имена современных немцев в латышском языке передаются согласно инструкции, а имена исторические сохраняют традиционное написание. Например, Karl – Karls, *Kārlis; Sabina, Sabīne – Zabīna, *Sabīna, *Sabīne.

Информацию всех этих латышских справочников в принципе можно объединить в одной книге. На русском материале это частично сделано в справочнике Иностранные имена и названия в русском тексте [Гиляревский, Старостин 1985], в котором даны основные правила передачи на русский язык иноязычных собственных имен с 18 европейских языков. Каждый из этих 18 разделов заканчивается небольшим списком имен наиболее употребительных в данном языке. Эти же списки могут быть вынесены в общий словарь в конце свода инструкций. Их, естественно, можно пополнить фамилиями и географическими названиями, что потребует разработки системы помет, указывающих на языковую принадлежность, разряд онима, отнесение к мужским и женским формам фамилий и т.п.

Подобный сводный справочник-словарь вобрал бы в себя регламенти-

рующую и лексикографическую информацию инструкций и словарей типа изданий ЦНИИГАиКа и типа латышских справочников, а также словарный материал справочников типа работы Р.С. Гиляревского и Б.А. Стадорстина. Это дало бы возможность найти в едином алфавите иноязычный оним, не зная его национальной принадлежности. Однако такое универсальное пособие, с одной стороны слишком разрослось бы в объеме, а с другой стороны закрыло бы в действительности открытый ряд языков, передача онимов которых нуждается в регламентации. Особенно это создало бы тупиковую ситуацию в случае необходимости регламентации передачи имен собственных из малоизвестных языков.

Вопрос о передаче имен собственных с языками, пользующимися кириллическим письмом на языки с латиницей в большинстве западных языков решается по-разному. Одно из таких решений – создание справочных пособий (аналогичных рассмотренным латышским), состоящих из двух частей: инструкции и небольшого алфавитного списка презентирующего и иллюстрирующего правила передачи. В качестве примера приведем образцы из справочника по передаче имен собственных русского языка на польский язык И. Дулевичовой [Dulewiczowa 1981], включающего все разряды имен собственных, а также некоторое количество безэквивалентной апеллятивной лексики, подлежащей транскрипции (этнонимы, катойконымы и др. слова):

Abchazi (narodowość kauaska, lp Abchaz m, Abchazka ž): kultura Abchazów.

Abchazja – Abchaska ASRR.

Achmadulina Bella (poetka), d Achmaduliny, c-ms Achmadulinie, b Achmadulinę, n Achmadulinę: poezja Achmaduliny, odczyt o Achmadulinie. 4.2.2.

Achmatowa Anna (poetka), d-c-ms Achmatowej, b-n Achmatową: liryka Achmatowej. 4.2.2.

Afanasijs (imię) – Atanazy: Podróż Afanasija Nikitina za trzy morza 4.4.1.

Agencja Telegraficzna Związku Radzieckiego, skrót TASS – Телеграфное агентство Советского Союза, ТАСС. 4.4.5.

Приведенные примеры обращают на себя внимание вариантностью передачи, к тому же первой приводится менее точная полонизированная форма, при многих фамилиях указано склонение.

Большая работы в области транскрибирования собственных имен с кириллического написания на латиницу ведется в ГДР. Приведем сокращенные примеры из справочника [Allgemeine Richtlinie für die Schreibweise geographischer Namen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken 1981]:

Агдам	Agdam
Айзпүте	Aizpute
Акмяне	Ākmēnē
Актюбинск	Aktjūbinsk

Проведенный анализ транскриptionных словарей имен собственных и обзор опыта и материалов, составляющих базу для словарей такого рода, говорит о разнообразии и разнонаправленности поиска оптимального лексикографического представления нормируемого ономастического материала. Сделанный анализ показывает также, что этот словарный тип характерен только для лексики ономастической и практически является одним из самых необходимых словарей в нашей многонациональной стране.

Словообразовательные словари. Это словари нового типа (см.: [Тихонов 1971], имеющие целью показать пути образования новых слов и выявить реальные деривационные потенции того или иного слова. Эти словари включают только те дериваты, которые сохранили отношения мотивации с производным словом в синхронном аспекте. Они строятся по принципу гнезда, но отличаются от других филологических словарей с гнездовой подачей материала. Так, например, в словарях толковых³² гнездовой порядок – лишь технический лексикографический прием, дающий некоторую экономию в изложении материала. Гнездование же в словаре словообразовательном представляет собой наглядное "графическое" отображение стержня деривационных отношений слова с другими словами, показ последовательности деривационных шагов в ряду однокоренных образований. Общее в обоих типах то, что в принципе и в словообразовательном и в толковом допускается включение в одно гнездо производных, сохранивших деривационную семантику аффиксов. Производные с затухшей словообразовательной семантикой не должны объединяться в одни гнезда с их бывшими производящими основами (например, слова *родить* и *родной* не могут быть объединены в одно гнездо ни в толковом, ни в словообразовательном словаре, сближение их допустимо только при этимологизации). По-видимому, эти запреты не следует нарушать и при анализе ономастического словообразования, которому в современной лингвистике уделяется немало внимания. Это объясняется тем, что для ономастической лексики характерно наличие специальных (обычно финальных) маркеров, сигнализирующих о формально выраженной ономастической специфике.

Однако область ономастического словообразования многопланова, и требует уточнения некоторых положений. Поэтому для удобства интерпретации обширного материала имен собственных целесообразно провести разграничение ономастических явлений, относящихся к морфемному составу онимов, согласно их уровневому лингвистическому статусу. Прежде всего необходимо различать словообразование живое, при котором сохранены отношения мотивации между производящим и производным словом, и словообразование историческое [Суперанская 1969, 5; Чучка 1970, 20–21], когда речь идет о морфемном членении тех или иных онимов на сегменты, исторически восходящие к конкретным морфам, встречающимся в апеллятивном словообразовании ныне. Деление это сложное и не всегда может быть осуществлено последовательно и однозначно, поскольку в ряде случаев в "неживых" ономастических формантах может налицествовать не полностью "выветрившееся" деривационное значение. Тем не менее, такое разграничение представляется необходимым не только для удобства систематизации и упорядочения разнородных ономастических и отономастических образований, но и для более глубокого теоретического осмысливания разноуровневого ономастического материала (об этом [Сталтмане 1986, 162–173]).

В современных ономастических исследованиях по словообразованию, подавляющее большинство работ посвящено так называемому формантно-

³² См. первые три тома 17-томного "Словаря современного русского литературного языка". М.; Л., 1950–1954; последовательно этот принцип проведен в словаре В.И. Даля.

му анализу, при котором рассматриваются структурные типы и модели исторически производных онимов. Что же касается живого словообразования, то оно чаще всего остается вне внимания исследователей. Сложность в том, что деривация онимов, как правило, не полно отражена в общих грамматиках. Таким образом, исходя из разграничения финальных элементов онимов по степени их синхронной деривационной значимости, представляется возможным составление двух типов ономастических словообразовательных словарей, интерпретирующих морфемное строение онимов в двух различных аспектах: словарей исторического словообразования и словарей собственно деривационных³³.

Прежде всего остановимся на словарях, интерпретирующих словообразование в историческом аспекте (в классификации ономастических словарей их следует отнести к историческим словарям особого рода). В этих словарях необходимо дать комментарий к словообразованию онимов одного или нескольких хронологических срезов. Словари этого профиля будут информировать об образовании и структуре онимов.

Работу над историческим ономастическим словообразовательным словарем в настоящее время ведет Н.В. Подольская. Ею предложены пробные словарные статьи восточнославянских антропонимов и топонимов. В качестве примера приведем статью *баб-* — *baba с авторским комментарием [Подольская 1983, 113–114]:

*баб- – **baba**

стар.-рус. антропонимы	стар.-рус. апеллятивы	стар.-рус. топонимы
Баб а	баб а	Баб ин-ъ, -о, -а
Баб ин-ъ	баб ин-ъ	Баб к-а
Баб к-а	баб ий	Баб к-и
Баб к-ин-ъ	баб к-а	Баб к-ин, -о
Баб ик-ов-ъ	баб к-ин-ъ	Баб ик-ов-о
Баб ич	баб к-ин-ск-ий	Баб'я, -је, -ји
Баб ич-ев-ъ	баб н-ий	Баб-јев-о
Баб иц-а	баб оват-ый	Баб'ј-ин-о
Баб иц-ин-ъ	баб ск-ий	Баб ейц-а
Баб ей	баб ун- (ы)	Баб ен-ец
Баб'јев-ск-ий	баб ушк-а	Баб енц-ов-о
Баб ен-ов-ъ		Баб ах-а
Баб ун-ец-ъ		Баб ач-ев-о (-ово)
Баб ушк-а		Баб ун-ов-о
Баб ушк-ин-ъ	предславян. <i>*bab a</i>	
Баб ух-а	<i>bab ak-ъ</i>	<i>bab uš-ka</i>
Баб ух-ин-ъ	<i>bab ic-a</i>	<i>bab ūk-a</i>
Баб ул'-а	<i>bab in-ъ</i>	<i>bab ьсъ</i>
Баб ул-ин-ъ	<i>bab on-ъ</i>	<i>bab ьјъ</i>
Баб ан-ъ	<i>bab un-ъ</i>	<i>bab ūsk-јъ</i>
Баб ах-а	<i>bab uh-a (?)</i>	<i>baba ēga</i>
	<i>bab uš-a</i>	<i>baba roga</i>

³³ Отметим, что подобных словарей в нашей лексикографической практике пока нет. Информация, касающаяся деривации онимов встречается в словарях других типов, например, образование отчеств от личных имён – в словарях транскрипционных, передающих имена народов СССР на русский язык, деривация гипокористик от личных имён приведена в словарях личных имён, формы женских фамилий – в словарях фамилий и т.п.

современные топонимы

Бабы (бел.)	Баб цы (бел.)
Бабин, -о, -а	Баб к-а (укр.)
Бабин-ка	Баб к-ин
Бабин-ци (укр.)	Баб ен-ка
Бабиничи	Баб ен-ов-ка
Бабинец (бел.)	Баб ен-ов-ск-ой
Бабинский	Баб ен-ск-ой
Бабинавичы (бел.)	Баб ан-ка (укр.)
Бабий, -ей	Баб ушк-и (укр.)
Баб'и, -я, -и	Баб ушк-ин, -а, -о
Бабичи	Баб уш-ев-ск-ой
Бабичеве (укр.)	Баб ус'-а
Бабичи-ка (укр.)	Баб ун-ичы (бел.)
Бабча (бел.)	Товст-о-баб и (укр.)
Бабче (укр.)	Баб озеро
Бабчин (бел.)	Баб а-Людова (укр.)
Бабчин-ци (укр.)	Баб ин-о-Плля (укр.)
Бабица	

Комментарий к статье *баб-* – *baba

Стар.-рус. апеллятивы с основой *баб-* служат для именования, как правило, женщин: 'бабка, бабушка, баба, повивальная бабка', исключение составляет среди них слово *бабуны* в значении 'чары, колдовство', а также 'еретики, богомилы' ..., в то время как в антропонимной лексике все представленные в парадигме имена – мужские. В праславянской лексике отмечены мифологические персонажи: *baba ёга, *baba тога; слово *babakъ имеет несколько значений: болг. 'птица цапля', 'растение 'медвежье ухо', чеш. 'муж повитухи', 'страшилище, пожирающее детей' и некоторые др... В связи с этим интересно следующее наблюдение: "сравнение с праслав. *baba показывает преобладание у производной формы производных (– переносных) значений" (ЭССЯ). Видимо это могло послужить к разнообразию антропонимных форм и их отнесенности к лицам мужского пола, а также наличию у некоторых производных значения 'бабник'.

Формы топонимической парадигмы, как правило, антропонимного происхождения, что подтверждается, в частности, и многочисленными топонимами *pluralia tantum* среди ныне существующих географических имен. Однако в укр. языке известно слово *баба* в значении 'сугроб, бугор снега'; в Северной Житомирщине *баба* отмечено в значении 'трясина, топкое место на болоте' ..., следовательно некоторые топонимы м.б. свободны от посредничества личных именований, то же подтверждают и материалы Г.П. Смолицкой ..., где *баба*, *бабка* известны в значении 'старое русло реки' ...; имеет место соотношение бабка – дѣдъ (в дальнейшем и старица – старица)...

Составляемый словарь наглядно показывает историческую специфику ономастического словообразования путем конфронтации словообразовательных потенций онимов и апеллятивов. Что касается топонимов, то их эволюция показана при помощи сопоставления старорусского и современного материала.

Теперь обратимся к словарям живой ономастической деривации. Гипотетичность словарей этого рода можно объяснить, по-видимому, тем, что живым деривационным отношениям между однокоренными единицами одного или разных ономастических рядов лингвисты, как правило, не уделяют достаточного внимания. Тем не менее собственно деривационные процессы характерны для ономии многих языков. В значительной мере они свойственны славянской и балтийской ономастике (ср. в этом аспекте работу В. Бланара и Я. Матейчика, посвященную "живым" собственным

именам в словацком языке [Blanář, Matejčík 1978], работу П.П. Чучки об украинских андронимах [Чучка 1980].

Ряды производных, представленные в современных словообразовательных словарях, должны существенно отличаться от соответствующих рядов дериватов в словарях исторических, прежде всего – реально существующей современной семантической наполненностью деривационных аффиксов, например, в паре слов *Иван* (имя) – *Ива́нович* (отчество) супф. *-ович* говорит о том, что человек, названный отчеством *Иванович* действительно является сыном Ивана; в то время как между именем *Богдан* и фамилией *Богданович* в настоящее время мотивационные отношения отсутствуют, следовательно формант *-ович* в последнем случае лишен актуальной словообразовательной семантики. А это значит, что имя *Богдан* и фамилия *Богданович* могут быть помещены рядом только в историческом, словообразовательном словаре.

Еще одно существенное различие: исторические словообразовательные словари всегда остаются словарями фиксирующего или регистрирующего типа, естественно лишенными кодифицирующей силы, в то время как современные деривационные словари могут быть и нормативными, так как они отвечают не только на вопрос: как "образуются" производные деривационные формы от онимов, а одновременно и как их следует образовать³⁴. Однако относить безоговорочно словари последнего типа к нормативным вряд ли правомерно по той причине, что определенные фрагменты живой ономастической деривации нередко реализуются только в диалектных или разговорных и просторечных речевых сферах. Включение последних в словари допустимо при наличии ограничивающих помет типа *разг.*, *прост.*, *обл.* и т.п., позволяющих словарю сохранить его нормативный статус.

При составлении словарей, отражающих актуальную ономастическую деривацию, антропонимический и топонимический материал, по-видимому, целесообразно не объединять в одном словаре. Это пожелание продиктовано не только стремлением ограничить объем словаря, но также избежать разноструктурных форм и разноплановой информации, содержащейся в отантропонимных и оттопонимных дериватах, требующих различной лексикографической подачи, а частично и адресованных разному кругу читателей.

Оттопонимическая деривация пополняет, как правило, апеллятивный ряд, создавая наименования жителей (катойконимы), имеющие некоторую традицию лексикографирования. Интересно отметить, что наряду с катойконимами, образованными от русских топонимов, в том числе дериватами, представляющими отмирающие реликтовые непродуктивные модели (ср. *смоляне*, *смоляки*, *смоленцы* и т.п. от назв. города Смоленск [Словарь названий жителей СССР 1975], в русском языке, как средство межнационального общения, возникает необходимость образовать названия жителей от нерусских топонимов, нередко даже морфологически весьма "экзотических". Инвентаризация подобных форм, по-видимому, сможет выявить самые продуктивные и регулярные деривационные модели. Приведем

³⁴ Словари этого типа в принципе могут быть и историческими, если в них будут показаны актуальные деривационные потенции тех или иных классов онимов на определенных хронологических срезах.

примеры из Словаря названий жителей Киргизской ССР [Шеломенцева 1968]:

Барска́унцы, -ицев	Барска́ун с.,
Барска́унец, -ица	Барска́унский с/с., Джеты́-Огузский р-н.

Барскаунцы не растерялись и повели ответные атаки на ворота соперников ("Маяк Коммунизма", 31 марта 1967 г.).

Военноантоновцы, -цев	Во́йно-Анто́новка с.,
Анто́новцы, -ицев	Во́йно-Анто́новский с/с.,
Анто́новец, -вца	Сокулукский р-н.

Военноантоновцы собрались на митинг, чтобы выразить солидарность с народом борющегося Вьетнама ("Народная трибуна", 20 февраля 1967 г.).

Другой большой разряд – это имена прилагательные, пополняющие и апеллятивный (*московское произношение, тульские оружейники* и т.п.) и проприальный ряд (*Курская железная дорога, Бородинская панorama, Витебская область, Россонский район*). Как видно, некоторые примеры представляют собой процесс иррадиации топонима. Выход в топонимию имеет достаточно продуктивная словообразовательная модель, порождающая вторичные топонимы типа *Приуралье, Подмосковье*, и др. Словарь, раскрывающий деривационные возможности топонимов, показал бы целостную картину оттопонимической деривации, в настоящее время рассредоточенной по разным словарям: оттопонимические прилагательные (далеко не все) представлены в толковых словарях; те из них, которые входят в состав названий единиц административно-территориального деления (их много), зафиксированы в официальных справочниках (см. [СССР. Административно-территориальное деление союзных республик 1958]). Первый лексикографический опыт представлен Словарем прилагательных от географических названий [Левашов 1986]. Наиболее полно собраны и лексикографированы в специальных словарях катойконимы; вне сферы фиксации остались депроприативы типа *Полтавщина, Заочье* и др. (например, их нет в [Географический энциклопедический словарь 1983]). Толковые словари литературного языка не включают эти образования как собственные имена, специальные же географические словари вводят их в свои словарники очень ограниченно, поскольку как географические имена, они не "узаконены", официально не признаны (подробнее об этой топонимической модели [Никонов 1965, 85; Суперанская 1969, 146; Отин 1976, 113–117; Миськович 1981, 54–65]).

Словарную статью в сводном словообразовательном топонимическом словаре можно себе представить следующим образом:

Ижевск, -а, прил. ижевский, жители ижевцы, -цев, ижевец, -вца, ижевчане, -chan, ижевчанин, -a^{3,5}.

Обь, -и, р., прил. обский; террит. Приобье; Заобье; прил. приобский, заобский.
Байкал, -а, оз., прил. байкальский; террит. Прибайкалье, Забайкалье; прил. прибайкальский, забайкальский.

Содержание и архитектоника словарной статьи оттопонимического словообразовательного словаря будет в большой мере зависеть от строя языка. Так, для балтийских языков этот словарь будет, очевидно, более

^{3,5} Формы катойконимов взяты из [Словарь названий жителей СССР 1975].

бедным, чем для русского, по той причине, что в первых невозможны оттопонимические прилагательные, исключительно скучно в них представлены также неофициальные обозначения территорий. Такой словарь содержал бы преимущественно названия жителей Литвы и Латвии. Приведем примеры возможных словарных статей, раскрывающих оттопонимические дериваты в латышском языке:

Bauska г. – назв. жителей: ед.ч. baušķenieks³⁶ м.р., baušķeniece ж.р.; мн.ч.: baušķenieki м.р., baušķenieces ж.р.

Daugava р. – назв. человека, живущего на берегах реки daugavietis м.р. daugaviete ж.р.; мн.ч. daugavieši; Pārdaugava часть города за рекой Daugava (pār 'через'), назв. жителей мн. ч. pārdaugavieši.

Что касается производных от антропонимов, то они рассеяны по различным лексикографическим справочным изданиям. Например, образование гипокористик от личных имен можно найти в словарях личных имен (ср. [Словарь английских личных имен 1973]). В словарях русских личных имен приводятся обычно и отчества [Петровский 1966]. Они же приводятся также и в справочниках личных имен народов СССР (ср. [Справочник татарских личных имен 1973]). Женские формы фамилий могут даваться в словарях фамилий.

Значительные звенья отантропонимной деривации принадлежат диалектной и разговорной речи. К сожалению, при сборе диалектного материала онимиya обследуемого региона часто остается за пределами программ диалектологов. Представляет интерес предложение Г.Г. Мельниченко включить онимию в сбор областной лексики, а также намеченный автором план охвата конкретных единиц языка, подлежащих исследованию [Мельниченко 1957]. Автор отмечает, что в неофициальных формах собственных имен может быть немало местных фонетических и морфологических вариантов, что даже такие неофициальные формы имен, которые можно считать общеизвестными и существующими параллельно в качестве равноправных дублетов, имеют иногда зоны преимущественного распространения. В качестве примера автор приводит варианты имени *Дмитрий* (*Дима, Димочка, Митя, Митюха, Митрий* и т.п.), каждый из которых оказывается характерным только для определенной местности и совершенно отсутствует в другой.

Г.Г. Мельниченко определяет состав словарика областного антропонимического словаря (и частично структуру словарной статьи) следующим образом: в состав словаря должны войти: 1) все собственные имена людей во всех формах (официальных, ласкательных, фамильярных, грубых, уничижительных и др.); 2) отчества во всех их формах (*Ивановна – Ивановничка*); 3) названия членов семьи по имени ее главы (*Иваниха – жена Ивана, Иванята – дети Ивана*); 4) фамилии; 5) клички, которые дают друг другу взрослые и дети. Из предложенного нам представляется существенным следующее: а) при каждой официальной форме имени должны быть приведены все ее неофициальные эквиваленты *Анна – Аненька, Анечка, Анка, Аннушка, Анька, Анюта, Анютка, Аня, Нюня, Нюра, Нюрка, Нюрок, Нюрочка, Нюся, Нюша, Нюшка*; б) при редких именах, встречающихся только у представителей старшего поколения или, наоборот только

³⁶ Примеры катойконимов взяты из [Dambe 1970].

у людей, родившихся в нашу эпоху, обязательно указывать год рождения носителей имен, в) при всех неофициальных формах необходимо указывать их эмоционально-стилистическую окраску и сферу употребления (обращение матери к ребенку, ребенка ко взрослому, в обращении детей друг к другу, в обращении к любимому человеку и пр.), г) если какая-нибудь форма характерна не для всей территории, а только в отдельных местах, следует указать эти места.

Осуществление предложенных Г.Г. Мельниченко мероприятий создало бы базу для составления словообразовательных антропонимических словарей. В сводном деривационном антропонимическом словаре все некодифицированные дериваты имен и фамилий, рассредоточенные территориально и по речевым ситуациям должны были бы быть объединены в единый корпус (естественно снабженные соответствующими стилистическими пометами и указанием на местность их распространения).

Регистрация в словарях всех возможных неофициальных форм антропонимов чрезвычайно важна для типологического изучения ономастики вообще и для ее словообразовательного уровня в частности, поскольку то, что в одном языке функционирует в наддиалектных сферах речи, в другом (особенно в кругу родственных языков) может встречаться в более низких сферах общения. Однако последовательное включение в словарь всевозможных неофициальных производных форм от всех антропонимов вряд ли возможно. Последовательная лексикографическая экспозиция соответствующего материала, с одной стороны, перегрузила бы страницы словаря однообразно повторяющимися формами, с другой, вряд ли показ диалектных дериватов возможен при любой фамилии. Теоретически любая (особенно распространенная фамилия или имя) может встретиться на любой территории, а это значит, что в соответствии с региональной словообразовательной системой от нее могут быть образованы все дериваты. Однако, если областные андронимы типа *Дроздиха*, *Рыбачиха*, *Акулиха*, *Иваниха* (разумеется с надлежащей стилистической пометой) легко можно себе представить наряду с их производящими основами мужских фамилий *Дроздов* (или *Дрозд*), *Рыбаков* (*Рыбак*), *Акула* или имени *Иван*, то нашему эстетическому восприятию покажутся неуместными формы андронимов от прославленных фамилий типа *Пушкин* или *Лермонтов* и т.п. Хотя на самом деле фамилия *Пушкин* в принципе может встретиться на территории, где форма *Пушкиниха* вполне правомерна. Итак, вопрос о включении разговорных и диалектных отантропонимических дериватов в словообразовательный ономастический словарь остается открытым.

Грамматические словари. Естественно, что при отсутствии словарей, охватывающих весь или основной массив онимов того или иного разряда, подобный словарь может показаться преждевременной роскошью. Более того — для большинства языков таких словарей нет даже на апеллятивном материале. И все же для некоторых языков словари, отражающие словоизменение онимов, не менее необходимы, чем апеллятивные словари.

Начало работы в этом направлении в русистике положил "Грамматический словарь русского языка", автор которого А.А. Зализняк [Зализняк 1977]. Составленный в обратном алфавитном порядке, словарь групп-

пирает слова со сходными окончаниями, что предполагает одинаковый или сходный тип словоизменения. Нужен ли и возможен ли аналогичный словарь, построенный на ономастическом материале? Ответ на заданный вопрос не может быть однозначным: он решается соответственно со спецификой исследуемого языка.

Необходимость грамматических словарей зависит в большей мере от типологии самого языка, в том числе и от создавшихся в нем традиций адаптации иноязычного материала, которые непосредственно сказываются и на словоизменительном статусе заимствованных собственных имен³⁷.

В грамматических словарях, по-видимому, не нуждаются балтийские языки, склонение имен собственных в которых стабильно, т. е. исконные собственные имена не отклоняются от соответствующих апеллятивных парадигм, а иноязычные онимы, претерпевая структурные изменения в финалях, также максимально уподобляются исконному склонению. Например, в латышском несклоняемыми в принципе остаются только те онимы, конечные элементы которых не находят аналога в наборе флексий латышского языка. Согласно этой закономерности осуществляется и натурализация иноязычных апеллятивов, вследствие чего сформулированное единое правило может быть отнесено ко всем существительным латышского языка (как именам нарицательным, так и собственным). Подобным образом поступает с финалями заимствований и литовский язык. Более того, и в латышском и в литовском (в последнем в большей мере) выработаны приемы приспособления заимствований к системе морфологии и морфонологии с характерными чередованиями согласных этих языков, например, в литовском американская фамилия Kennedy превращается в Kenedis (род. пад. Kenedžio), Togliatti в Toljatis (род. пад. Toljačio) и т. п.; геогр. названия Сухуми, Батуми, Helsinki превращаются в Suhumis (род. пад. Suhumio), Batumis (Batumio), Helsinkis (Helsinki). Менее последовательна трансформация финальных элементов в латышском, где сосуществуют натурализованные и ненатурализованные (или полунатурализованные) фамилии, имевшие однотипные исходные формы: Kenedijs, Garibaldijs, но: Toljati, Neni, Suhumi, Batumi (последние, правда, воспринимаются как pluralia tantum и склоняются). Учитывая эту особенность двух балтийских знаков (относительно просто формулируемое правило морфологической натурализации заимствованного элемента) – грамматические словари для обоих языков менее нужны (информация о склонении собственных имен в них может быть включена как дополнительная в словарях смешанного типа).

Если же мы обратимся к русскому языку, то увидим, что онимы в нем отличаются не только многообразием словоизменительной парадигмы, но и ее лабильностью, объясняемой непоследовательностью регламентации. Этим подтверждается необходимость грамматического ономастического словаря русского языка. Однако составление такого словаря, построенного по типу труда А.А. Зализняка, связано с рядом трудностей. В первую

³⁷ Флективные языки по-разному "осваивают" заимствования: одни из них (литовский) пользуются единой морфологической системой (с незначительными исключениями); другие же (русский) допускают значительные иносистемные вкрапления в морфологию, когда наряду со склоняемыми словами сосуществуют слова иноязычного происхождения с нулевым склонением.

очередь это касается набора самих лексикографируемых единиц. Если словником для апеллятивного словаря может служить корпус толкового словаря (или словарей), составленный в обратном порядке, то с комплектованием вокабулария онимов дело обстоит по-иному. Это обусловлено уже тем, что русский язык не располагает достаточным по объему массивом лексикографированной онимической лексики. В силу этого грамматический словарь онимов приходится строить на основе имеющихся словарей: для имен таким исходным фондом мог бы быть словарь личных имен М.А. Петровского [Петровский 1967], для фамилий – словарь М. Бенсона [Benson 1967], телефонные книги городов и т. п.

При создании словарника рассматриваемого словаря необходимо, по-видимому, учесть то, что словарь онимов должен включать в себя не только исконные онимы, но и значительное количество имен и фамилий (а также топонимов и др. разрядов онимов) иноязычных, поскольку склонение последних часто оказывается проблематичным. В этом отношении русский ономастикон находится на особом положении, так как он органически связан с именами собственными других народов СССР. Поэтому, думается, что фамилии типа *Захава*, *Окуджава*, *Данелия*, *Белякович* и многие другие должны найти место в словоизменительном словаре антропонимов русского языка. В то же время, чтобы словарь не оказался перегруженным инонациональным и иноязычным элементом, не следует забывать о существовании словарей транскрипционных. Иными словами практическая лексикографическая задача состоит в том, чтобы весь массив онимии (исконной и иноязычной) разумно распределить между двумя типами словарей, допуская некоторое повторение небольшого количества широко известных иноязычных собственных имен в словарях национальных.

Несомненная ценность обратного словаря в том, что он иллюстрирует картину распределения суффиксальных элементов и флексий, вырисовывающуюся на данном массиве лексики. Он эмпирически подтверждает продуктивность тех или иных финалей, ощущаемую нами чисто интуитивно. Однако в грамматическом словаре подача материала в обратном алфавитном порядке не самоцель, а средство для более наглядного и более экономного представления информации о словоизменении тех или иных морфологических типов слов. Легко представить, что сгруппированные все вместе фамилии на *-ов*, получили бы одну типовую помету, говорящую о парадигме их склонения с одновременным указанием на их ударение. Конечно, в этом огромном массиве найдутся отдельные антропонимы, не подчиняющиеся общей закономерности, например, фамилии типа *Иванов* и *Ивановъ*, ударение которых зависит от фамильных традиций. И все же размещение фамилий в обратном алфавитном порядке вряд ли целесообразно, поскольку в отличие от словаря апеллятивного, охватывающего все части речи, словарь антропонимов включает практически только существительные (в том числе и субстантированные прилагательные), а это значит, что преобладание у русских стандартных фамилий с формантами *-ов* и *-ин* сделало бы словарь однообразным и малоинформационным (страницами повторялись бы однотипные фамилии (*Иванов*, *Кузнецов*, *Петров*) со стереотипным склонением, снаженные одной и той же грамматической информацией, отдельные типы составляли бы тысячи).

Над словарем склонения фамилий и личных имен в русском литератур-

ном языке в настоящее время работает Л.П. Калакуцкая. Приводим образцы словарных статей из этого словаря:

Алексей имя м. -е́я

Алексий имя м. -йя, предл. -и́и

Бабий фам. м. -йя, предл. -и́и; ж., нескл.

Белый фам. м. -ого; ж. Белая, -ой

Горожанин фам. м. -а, твор. -ым и доп. твор. -ом; ж. Горожанина, -ой и доп. нескл.

Живаго фам. м. и ж. нескл.

Заяц фам. м. Заяца и Зайца; ж. нескл.

Зубок фам. м. Зубока и Зубка; ж. нескл.

Зульфия имя ж. -ий, дат. и предл. -и́е

Илья имя м. -ий, дат. и предл. -ий

Илья имя м. -ый, дат. и предл. -ье

Короленко фам. м. и ж. нескл. и доп. м. и ж. -и

Наталия имя ж. -ии, дат. и предл. -ии

Наталья имя ж. -ьи, дат. и предл. -ье

Сивый фам. м. -ого; ж. Сивая, -ой

Хитрово фам. м. и ж. нескл.

Чаплин русск. фам. ("Цаплин") м. -а, твор. -ым; ж. Чаплина, -ой

Чаплин европейск. фам. м. -а, твор. -ом; ж. нескл.

Черных фам. м. и ж. нескл.

Для украинского языка нормативный словарь-справочник, показывающий не только написание и произношение украинских фамилий, в которых наиболее часто встречаются ошибки, но и их склонение и частично словообразование (формы женских фамилий) составил Ю.К. Редько [Редько 1969]. Приводим из него примеры:

Авéдик, Р-ка, Д-кові а.-ку, О-ком, мн. Н-кі, Р-ків; ж. нзм.

Ав'ю́цкий, Р-кого, Д-кому, О-ким, мн. -кі, Р-кіх; ж. Н-ка, Р-кої.

Как из примеров видно, создание свода антропонимов, склонение которых вызывает затруднение, дело достаточно субъективное, так как не может быть основано на формальных критериях. Такая задача может быть решена лингвистами, хорошо знакомыми с орфологическим узусом, чисто интуитивно. Зыбкость словоизменительной нормы вынуждает составителей допускать вариативные формы.

Орфографические и орфоэпические словари. Правописание собственных имён — один из тех вопросов, который всегда был и остается недостаточно кодифицированным в общих сводах орфографических правил. Если учесть еще и то, что имена собственные практически не включаются в современные филологические словари, то необходимость в пособиях по правописанию онимов, в том числе и в словарях, становится очевидной. Однако вопрос о том, как конкретно могут и должны быть построены эти орфографические словари, оказывается чрезвычайно сложным и, по всей вероятности, не может быть однозначно решен по отношению ко всем разрядам имен собственных. С точки зрения орфографического оформления различные их классы ведут себя по-разному. Но все вместе взятые имена собственные отличаются тем, что они неохотно "подчиняются" общим правилам правописания. А.А. Реформатский об этом писал: "Если в написании нарицательных имен императивом служит обязательная общность на базе общенационального языка и общего орфо-

графического принципа.., то при написании имен собственных многое зависит от регионального и индивидуального, что зависит от ареалов, и от традиций и даже от описок паспортистов и картографов” [Реформатский 1965, 8].

В отношении возможностей орфографической нормализации весь массив онимов, функционирующих в данный момент в данном языке – не однороден. В нем условно можно выделить два пласта. Первый составляют исконные (или полностью натурализованные заимствования) собственные имена, т.е. те, которыми обычно именуются носители языка, принадлежащие к данному этносу, или же которыми обозначены топообъекты населенной ими территории. Второй – это именования иностранцев или топообъектов, находящихся за пределами данной страны. Эти два слоя по-разному связаны с нарицательной лексикой, различна их частотность в речи и т.п. А отсюда и разное отношение имен собственных национальных и “не своих” к орфографической норме языка.

Что касается орфографической кодификации иноязычных и инонациональных онимов в нашей стране, то здесь эту задачу в большой мере берут на себя словари транскрипционные: списки имен, представленные в двух написаниях, являются одновременно и рекомендательными. Другое дело онимы “свои”. Они близки к нарицательной лексике и оформляются орфографически аналогично ей. Однако наблюдение за “поведением” онимов показывает, что ставить знак равенства между написанием нарицательных и созвучных с ними онимов мы не вправе. На практике часты случаи “нарушения” общих правил орфографии в именах собственных.

В первую очередь правилам не подчиняются фамилии. Они выполняют юридическую функцию и пишутся в соответствии с их написанием в официальных документах. Среди специалистов существует мнение, что неправомерно говорить об искажениях фамилий, когда их написание не соответствует слову, от которого они, по всей видимости, произошли. Фамилия есть фамилия, как бы она ни была записана. Основное требование к орфографии фамилий – максимально точно, без каких-либо отклонений писать каждую фамилию так, как она пишется носителем, поэтому, например, написание русских фамилий *Лошкин* (но: *ложка*), *Саласкин* (но: *салазки*), нельзя считать ошибочным [Калакуцкая 1974, 74, 75, 84].

Если согласиться с этим мнением (а возразить ему трудно), то надо принять, что кодифицировать написание фамилий невозможно и тогда вопрос орфографического словаря фамилий окажется беспредметным. Но так ли это? На наш взгляд, необходимо в первую очередь регламентировать написание фамилий конкретных исторических лиц (особенно, если орфография этих фамилий неустойчива). Но словари фамилий должны строиться не так, как словари обычные. Они должны включать минимальные сведения о человеке (годы жизни, национальную принадлежность, область деятельности и т.п.), необходимые для идентификации личности. Во всяком случае, хорошо составленные биографические словари неплохо выполняют и орфографическую функцию (ср. [Webster 1976]).

В какой-то мере поддается регламентации написание географических названий, однако и этот разряд собственных имен не вполне свободен от внерелистической действительности. Названия крупных топообъектов, или объектов широкоизвестных, закрепившиеся в лингвистически неоправ-

данном написании, также охраняются законом. Поэтому словари-справочники, рекомендующие официально установленные написания топонимов, так же обязательно должны включать минимальную энциклопедическую информацию о топообъекте – сведения о разновидности объекта, о месте его расположения и т.п. (ср. [Webster 1977]).

Проблемы возникают также при нормировании написания личных имен. Последние, как правило, имеют значительное количество вариантов, имеющих разный звуковой состав, разную словообразовательную форму и, естественно, по-разному пишущиеся. Словари имен в первую очередь должны дифференцировать различные формы одного имени по их сферам употребления и по их стилистической значимости (в этой связи о русских именах [Петровский 1966; Верещагин, Костомаров 1977, 121–129]).

Вопрос об одной стабильной официальной форме имени, в том числе и орфографической, неоднозначно решается у разных народов. Так у народов, исповедовавших в прошлом православие, где на протяжении столетий закрепился авторитет списков канонических имен (святцев), церковная форма служила как бы связующим звеном между всеми народными вариантами (а их очень много). У этих народов (русских, белорусов, украинцев, болгар) долгое время сохранялся питет к основной форме имени (в досоветский период у восточных славян в первичной метрической записи писалась церковная форма имени, например, *Гавриил, Феодор, а в паспортах светская Гаврила, Федор*).

Особенно неустойчивыми первоначальные формы личных имен оказались у протестантов (но также и в некоторых ареалах православия и католицизма), где сокращенные в речи формы имен с большой легкостью приобретают права гражданства и могут быть занесены в официальные документы наряду с исходными. В этих случаях вопрос о "правильности" или "неправильности" имен теряет свой смысл. Поэтому в данном случае функцию орфографического словаря может взять на себя нормативный словарь личных имен, отражающий личное имя во всем его деривационном и стилистическом многообразии.

Нормативные орфоэпические словари, отражающие современное состояние имен собственных, по-видимому, должны включать информацию, диктуемую спецификой данного языка и сложившимися в нем традициями при адаптации заимствований. Например, показ произношения обязателен во всех английских ономастических словарях, включающих не только иноязычные, но и собственно английские онимы. Ср. в этом отношении орфоэпический словарь английского языка Д. Джоунса [Jones 1980], включающий не только апеллятивы, но и значительное количество собственных имен, например, в нем дано произношение географических названий *Moscow, Newfoundland, Honolulu, Canberra, фамилий: Mozart, Newton, Degas, имен: Catherina, Abraham, Lucian* и т.п. Приводить произношение онимов, очевидно, необходимо также и в подавляющем большинстве других латинопишуших языков, в которых заимствования транслитерируются. Для иллюстрации приведем примеры из немецкого орфоэпического словаря-справочника, включающего иноязычные географические названия [Täubert 1964]:

Aba (Nigeria)
Abadan (Irak)

aaba
abadaan

Acapulco (Mexiko)	akapul'ko
Achtuba, Fluss (UdSSR)	achtuba
Adamello, Berg (Italien)	adamállo
Hantan (China)	chan dan
Rēzekne (UdSSR, Lettland)	reesekne
Šubice (Polen)	šwuubiitþe
Žilina (CSSR)	shilina

Думается, что онимы русского языка не нуждаются в специальном орфоэпическом словаре. Поскольку показ произношения нужен в основном для прочтения иноязычных собственных имен, то функцию орфоэпического словаря онимов в русском языке, по-видимому, может взять на себя словарь передачи иноязычных собственных имен, при условии, что в нем будет показана произносительная норма. Разумеется, мы не отрицаем практическую полезность орфоэпических словарей типа вышерассмотренного.

В латинопишуших латышском и литовском языках иноязычные онимы, как известно, последовательно транскрибируются. Поэтому, например, в словаре иноязычных онимов, переданных латышской графикой и орфографией, никаких указаний на произношение не нужно.

В подобных же русских словарях, если такие когда-нибудь будут созданы (частичное лексикографирование иноязычных собственных имен уже осуществляется в словарях для дикторов радио и телевидения), орфоэпические пометы обязательны во многих случаях, поскольку русский язык допускает в нем сосуществование разных фонологических систем [Толстой 1964, 119]. Если в русских общих орфоэпических словарях даются пометы типа *фонема* [нэ], *тотем* [тэ], то соответственно они должны приводиться и в словарях ономастических: *Декарт* [дэ], *Нерон* [нэ] и т.п. В качестве примера организации словарной статьи можно привести "Словарь ударений для работников радио и телевидения" [Агеенко, Зарва 1984]. Материал в названном словаре разделен на две части (два алфавита): имена нарицательные и имена собственные. Кроме собственно орфоэпической приводится также грамматическая, словообразовательная и др. лингвистическая информация. Одноименные онимы разграничиваются указанием элементарных энциклопедических сведений:

- AAP – Острэ́лиан Ассошиэ́йтед Пресс [аáp; тэ, рэ] (Австралия, а-во)
 Абазá, -ы (гор.) (прил. – абазинский)
 Абдаллá аль Ахмар, Абдаллы аль Ахмара (Áхмар)
 Абду́лино, -а
 "Абенд" [бэ] (Западный Берлин).
 Абернети Ральф, -а [бэ, нэ]
 "Абесалом и Этери" (Этериáни) [тэ] (груз. нар. эпос)
 "АБЦ" [а-бэ-цэ] (Югославия, вокально-инструментальный ансамбль)
 Акаригуа, нескл.
 Альянде Ли́ура, -ы [дэ] (сестра Сальвадора Альянде).

ГЛАВА II

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ ОНИМОВ

Лексикографическая практика сосредоточена преимущественно на материале двух разрядов онимов: антропонимов и географических названий. Словарей других классов (космонимов, теонимов, зоонимов, эргонимов и др.) в современной лексикографии исключительно мало. Новые типы словарей составляются или проектируются опять-таки, как правило, для антропонимов и топонимов. В данной главе мы попытаемся проследить, как распределяется по определенным типам словарей все "ономастическое пространство" и особенно обратим внимание на те разделы онимов, которые не имеют лексикографической традиции.

АНТРОПОНИМЫ

Личные имена. Фонд современных личных имен у большинства европейских народов имеет много общего: набор христианских имен (более или менее варьирующийся и адаптированный системе данного языка) определенный фонд национальных имен (древних и новых) и некоторый пласт имен, заимствованных из других современных языков. Словарь личных имен, раскрывающий их происхождение, желателен для каждого народа.

На практике в словарях личных имен с информацией об активной живой деривации зачастую объединяется историческая информация (в виде этимологической справки). В нормативные современные словари личных имен включается также информация орфографическая и частично орфоэпическая (если показано место ударения в слове). В таком словаре может присутствовать также грамматическая и более специальная орфоэпическая информация, например, при заимствованных неосвоенных именах (ср. лтш. *Gvido m.*, нескл., русск. *Орлен* [лэ] и т.п.). Показ передачи имен с одного языка на другой в словаре может быть объединен с добавочной информацией (ср. [Словарь английских личных имен 1973]), в котором показана не только передача английских личных имен на русский язык, но также дана этимологическая справка и набор экзонимов из других языков, восходящих к одной основе). Что касается личных имен народов СССР, то кроме оригинального и русского написания в них, как правило, приводится образование отчеств.

Интересный аспект анализа традиционного пласта христианских имен представлен в словарях контрастивных. К словарям этого направления можно отнести словарь немецких личных имен Г. Михаэлиса [Michaelis 1856]. Элементы сопоставительного словаря находим и в различных антропонимических словарях, например, в словаре А. Доза (ср. словарную статью Nicolas [Dauzat 1951]). Богатую информацию об именах в контрастивном плане можно обнаружить в первом словарном приложении к [Справочник личных имен народов РСФСР 1987, 416–615]. Приведем из него примеры:

Абрáм и Абрáмий рус. в-ты библ. им. *Авраáм** [из др.-евр. 'ab-râhám 'отец множества (народов)'; имя библейского патриарха, от которого, по легенде, произошли люди, заселившие Палестину]; арабск. *Ибráhím*, англ. *Abram*, *Abraham* Эйбрахам, Эйбрахам, фр. *Abraham* Абра́м, нем. *Abraham* Абрахам, традиц. Абра́м.

Андрéй* рус. [из греч. *Andreas* < *andreios* 'мужественный'; лат. *Andreas*]; англ. *Andrew* Андрю, нем. *Andreas* Андреас, фр. *André* Андрé, ит. *Andrea* Андрéа, исп. *Andrés* Андрéс, швед. *Anders* Андерс; рус. сокр. и ласк. *Андрóша*.

Анна* рус. [из др.-евр. *hanna* от корня *h-n-p* 'милость'; арабск. *hanna(tu)*; лат. *Anna*]; англ. *Anna* Анна, нем. *Anna*, фр. *Anne* Анн, ит. *Anna* Анна, англ. сокр. и ласк. *Anny*, *Nancy* Анни, Нэнси; фр. *Annette*, *Annina*, *Nannina*, *Nina*, *Nappa* Аннэт(a), Аннина, Нанина, Нина, Нани; нем., исп. *Anita* Анита; рус. *Аня*, *Аннушка*, *Анка*, *Анюта*, *Анюра*, *Нюра*, *Нюта*, *Анюша*, *Нюша*, *Анюся*, *Нюся*, *Анета*, *Нета*, *Ася*.

Однако думается, что сопоставительный словарь личных имен имеет право на существование в "чистом" виде, т.е. в виде списка имен, снабженных набором их коррелятов в других языках. Это дало бы возможность увеличить количество конфронтируемых антропонимов, не ограничиваясь только именами главных европейских народов, но привлекая для сравнения имена малых народов, в том числе и народов СССР.

В справочниках личных имен народов РСФСР и СССР накоплен богатый материал, который в дальнейшем может быть использован при составлении сводных сопоставительных словарей личных имен. Материал имен последних, как известно, содержит также данные для другого сводного словаря – словаря личных имен народов, исповедовавших в прошлом ислам (в каких-то своих фрагментах антропонимикон христианских имен, по-видимому, будет перекрециваться с антропонимиконом мусульманским, ср. в этом отношении вышеупомянутую словарную статью *Абрáм*), которые были бы исключительно интересны не только для широкого круга читателей, но и для специалистов.

Какой может быть специализация словарей личных имен народов СССР? Прежде всего необходимы словари, охватывающие основной корпус имен, правая сторона которых снабжена этимологической справкой и в которой приведены наиболее характерные дериваты-квалитативы. Нужны также словари передачи национальных имен на русский язык. Дальнейшим этапом изучения личных имен с последующим обязательным лексикографированием охваченного материала может быть ареальное изучение варьирования личных имен¹. Работа над словарем вариантов русских личных имен в настоящее время ведется П.Т. Поротниковым. Материал, положенный в основу словаря, относится к XIX–XX вв. Предлагаемые образцы словарных статей включают фонологические, фонетические, морфологические и графические варианты полных личных имен, не зафиксированных в "Словаре русских личных имен" Н.А. Петровского, и могут рассматриваться как дополнения к последнему. Приведем образцы словарных статей [Поротников 1979]:

¹ Следует заметить, что составление полного словаря русских личных имен, который учитывал бы все известные их варианты как по данным письменных памятников, так и по данным русских народных говоров, приходится пока считать для ономастической лексикографии делом неблизкого будущего, хотя исследователи различных видов онимов уже сейчас испытывают острую нужду в таком словаре. Ясно также и то, что создание этого словаря может быть осуществлено при наличии материалов региональных словарей вариантов русских календарных полных личных имен.

Абдей м. – Авдий
Аболон м. – Аполлон
Абонас м. – Афанасий

Авдотия ж. – Евдокия
Автоттия ж. – Евдокия
Авдоцца ж. – Евдокия

Примеры показывают, что материал в словаре ареально не дифференцирован. Территориальная же привязка форм значительно увеличила бы его информативность.

Аналогичного типа словарь предложен А.В. Суперанской, с той лишь разницей, что в последнем предусмотрены стилистические пометы, дифференцирующие старые календарные, древние и современные церковные и др. формы (знаком + отмечена современная церковная форма):

Авангард нов.

Авва ст. календ.

Аввакир⁺

Аввакум⁺ см. Абакум

Авгарь ст. календ., книжн. Аугар

Август 1 ст. календ.; 2 нов. календ., разг. Густей

Августин 1 ст. календ., 2 нов. календ.

Авда⁺

Авдакт⁺ см. Адавкт

Авдей, церк. Авдий⁺, др. церк. Аудий, разг. Овдей, Овидий, Обдей

Авделай⁺

Авдидий см. Авдикий

Авдисес⁺, ст. календ. Авдисус

Ономастическая наука остро нуждается в информации о живом отыменном словообразовании (образовании квалификов, патронимов, андронимов и т.п.). При лексикографировании подобного материала обязательна документированная территориальная привязка фиксируемых форм. Такая подача материала показала бы одновременно и локализацию данных форм на обследуемой территории.

Словарь такого профиля нужен в первую очередь для исследователей фамилий данного и родственных языков, поскольку в основе фамилий нередко оказываются в обычных словарях не зарегистрированные более или менее распространенные областные дериваты личных имён. В качестве примера можно привести поиск этимологии латышской фамилии *Zeps*, распространенной в Латгалии, которую обычно возводят к эстонской фамилии *Sepp* (от *sepp* 'кузнец'). Последнее подтверждается наличием в прошлом эстонских поселенцев в данных местностях. Однако в Латгалии очень распространено личное имя *Jāzeps*, от которого встречается диалектная гипокористика *Zeps*, *Zepīš*, *Zepka* [Laganovskis 1972] (наличие нескольких вариантов квалификов с однотипной инициалью увеличивает вероятность соотнесения фамилии *Zeps* с именем *Jāzeps*). Таким образом, наличие полного хорошо документированного словаря областных производных от личных имён помогло бы раскрыть истоки не одной "темной" фамилии или как в случае с лтш. фамилией *Zeps* этимология фамилии могла бы получить две допустимые версии: 1) < эст. фам. *Sepp*; 2) < *Zeps* – гипокористика от личн. им. *Jāzeps*.

Кроме бесценной информации о происхождении фамилий, областные словари отантропонимного словообразования дают исключительно полезные сведения для теоретического осмысления лингвистической специфики имени собственного на словообразовательном уровне, многие фрагменты

которого проявляются только в диалектах. Впрочем, что в одном языке может быть свойственно только говорам, то в другом родственном языке может быть широко представлено в литературном языке. Например, образование форм андронимов от фамилий мужчин создало официальные наддиалектные формы женских фамилий в литовском языке (*Vaitkevičius* – *Vaitkevičienė*), в то время как в латышском андронимы остались на уровне диалектных нестандартизованных отантропонимных (реже оттопонимных – от названия хутора) дериватов.

Фамилии, так же как и другие классы собственных имен, могут изучаться с разных точек зрения. Однако есть некоторый необходимый минимум информации. На наш взгляд, это – удельный вес в антропонимике исконных фамилий; источники заимствованных фамилий; структура исконных фамилий; основные принципы номинации, лежащие в их основе; базовый материал их создания (проприальный или апеллятивный); соотношение апеллятивного и проприального в фамилиеобразующих основах; круг семантических полей апеллятивной лексики, конституирующих исконные фамилии; степень использования апеллятивного деривационного аппарата; степень морфологической стандартизации фамилий и т.п. Разумеется, мы перечислили далеко не все вопросы, на которые должен ответить раздел антропонимики о фамилиях того или иного народа, к тому же круг проблем, возникающих перед лингвистом, определяется степенью изученности данной антропонимии и лингвистическим своеобразием самих фамилий.

Выше нами была высказана мысль о неэффективности лексикографирования русских фамилий в инверсионном алфавитном порядке. Это положение естественно не распространяется на системы других европейских фамилий (латышских, эстонских, литовских, чешских), в которых значителен элемент заимствований и фамилии морфологически не стандартизованы. Для таких фамилий обратный словарь может оказаться исключительно информативным. Он может сразу ответить на несколько вопросов. В первую очередь обратный порядок словаря дает возможность сгруппировать в одном месте фамилии, имеющие одни и те же финалы. Таким образом наглядно выявляются "островки" или массивы иноязычных финалей, например, у латышей фамилии немецкого происхождения на -sons, -bergs, у литовцев – фамилии славянского происхождения на -skas, -vičius и т.п. Одновременно выявляется и их частотность². Далее при помощи элементарных подсчетов легко установить удельный вес исконного и заимствован-

² Словари, отражающие частотность тех или иных разрядов имен собственных, играют важную роль в современных ономастических исследованиях. Особенно они ценные в антропонимии. Ономастические словари, в которых приводятся цифровые или словесные (например, в словаре А. Доза) пометы, различающие широко распространенные онимы от малоупотребительных, также полезны для изучения ономастиконов других языков (как родственных, так и неродственных). Разумеется, частотность встречаемости онимов может быть показана и в словарях иных типов, в качестве второстепенной или дополнительной информации наряду с основной (как например, в словаре А. Доза распространенные антропонимы и их формы помечены одним плюсом +, а очень распространенные – двумя ++; словесные характеристики о большем или меньшем распространении тех или иных антропонимов приведены в словаре болгарских антропонимов [Илчев 1969]).

ного в своде фамилий данного народа. Более того – обратный словарь показывает, заимствования из каких языков преобладают. Рассматриваемый словарь показывает также структурные особенности фамилий исконных. В какой-то мере в нем прояснены и мотивы номинации, так как выявленное наличие и количественные соотношения фамильных формантов, восходящих к суффиксам патронимических образований, катойконимов, суффиксов существительных от *помina agentis* и т.п., дают возможность судить об именовании по отцу, по происхождению из определенной местности, по профессии и т.п. Обратный словарь "идеальным образом" показывает, как в фамилиях используется словообразовательный апеллятивный аппарат и в какой степени фамилии морфологически стандартизованы.

Разумеется, объяснительные возможности обратного словаря, как простого реестра слов без вкраплений лексикографической метаречи, весьма ограничены по сравнению со словарем прямым. Набор финалей обратного словаря не дает представления об удельном весе отпроприального и отапеллятивного начала в фамилиях, равно, как и о презентации тех или иных семантических полей лексики в фамильных основах. Не выстраиваются в ряд в этом словаре словообразовательные "гнезда" однокоренных фамилий, и многое другое, доступное только словарю, составленному в прямом алфавитном порядке. Менее информативным окажется лексикографирование фамилий в обратном алфавите и в тех случаях, когда фамилии полностью или преимущественно морфологически стандартизованы по финалям, как это имеет место, например, в армянском и русском языках и т.п.³

Что касается обычного "прямого" словаря, то в нем чрезвычайно важно дать территориальную привязку лексикографируемой фамилии. Несмотря на постоянную миграцию населения, концентрация определенных фамильных основ или их формантов в обследуемой местности, с одной стороны, может быть исторически обусловленной. Это интересно для культурно-исторических аспектов антропонимики. Данная информация, как "побочный продукт", может быть использована также в сопредельных областях науки (в истории, этнографии и т.п.). С другой стороны, "сгустки" или отсутствие данных фамилий на конкретных территориях значительны для исследователей фамилий смежных территорий или стран. В качестве примера такого частотного регистрирующего антропонимического словаря можно

³ Вообще для элементарного знакомства с фамилиями и для дальнейшего их изучения необходим словарь, включающий основной корпус фамилий. Если материал для него извлечен из многих источников, то это обычно дает возможность определить их частотность. В этой связи надо заметить, что оптимально следует стремиться выявить абсолютную частотность фамилий на данном синхронном срезе путем регистрации фамилий исключительно всех жителей в конкретном обследуемом районе, городе, стране по данным загсов, адресных столов и т.п. Однако окончательное выявление "абсолютных" показателей частотности в принципе невозможно из-за непрерывных демографических процессов (рождение и смерть носителей фамилий, вступление в брак женщин с последующей сменой фамилий и т.п.), колеблющих количественный статус тех или других фамилий. Поэтому частотность фамилий, выявленная на определенном хронологическом срезе всегда будет относительной. Тем не менее данные о частотности исключительно важны для того, чтобы разграничить фамилии, широко распространенные от раритетных, поскольку у последних значительно больше шансов быть заимствованными, чем у первых.

привести словарь хорватских фамилий [Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske 1976], представляющий "готовые" данные для картографирования и статистической интерпретации фамилий, что и сделано в посмертной публикации А.В. Никонова [Никонов 1988, 118–127].

Для изучения фамилий данного народа в историческом аспекте необходимы исторические словари имен и фамилий, прослеживающие историю имен и фамилий по письменным памятникам данного языка и вне зависимости от его генетических связей с другими словами этого языка, тем более других языков. Однако исторический словарь составляет привилегию языков с многовековой письменной традицией.

Исключительно интересный материал для теории ономастической номинации может представить словарь юридической смены фамилий, протекающей практически постоянно. В одни исторические периоды эти процессы затухают, в другие же – активизируются. Известно, что социальные перевороты могут сопровождаться бурным процессом смены фамилий, семантика первооснов которых ассоциируется со старым режимом, чуждой идеологией и т.п.⁴ Думается, что материал смены фамилий можно лексикографировать, взяв в качестве "черного" слова новую фамилию, в правой же стороне можно привести старую фамилию, так как выбор новой фамилии нередко обусловлен старой: новая фамилия может калькировать прежнюю, если последняя иноязычного происхождения и прозрачна; в новой фамилии также часто сохраняется инициальная преемственность, например, лтш. фамилия Kalējs (kalējs 'кузнец'), нередко заменяет прежнюю Kuzpescovs (рус. Кузнецов); Krūms (krūms 'куст') заменяет фамилию Kučinskis и т.п. (об этом подробнее [Сталтмане, 1977]). В словаре смены фамилий желательно указать обстоятельства и мотивы, обусловившие выбор новой фамилии, например, если смена произошла в сельской местности, в досоветской Латвии, то основой для вновь выбираемой фамилии в некоторых случаях служили названия крестьянских усадеб.

Прозвища и псевдонимы – два разряда антропонимов, материал которых редко бывает представлен в филологических словарях (псевдонимы попадают в словари фамилий, как правило, лишь тогда, когда они перестали быть собственно псевдонимами и превратились в наследуемые фамилии). Общим в этих двух разрядах онимов является то, что они придуманы и не являются официальными именованиями лиц. Расхождений в них больше, поэтому рассмотрим их отдельно.

Прозвища представляют неофициальные именования людей, присвоенные им их согражданами (соседями, товарищами по работе, учебе и т.п.). Прозвища, как правило, не долговечны и не всегда регистрируются в ономастиконах. Известны они небольшому кругу лиц и функционируют чаще в разговорной речи (нередко жаргонной), поэтому неудивительно, что на них не распространена норма языка, а следовательно, и нет никакой необходимости включать их в корпусы нормативных словарей. Это так с практической точки зрения. Однако лингвистика имеет свои собственные интересы, согласно которым сбор материала прозвищ можно

⁴ Например, газета "Известия" на протяжении 20-х годов XX в. регулярно публиковала материалы о переносе фамилий граждан СССР.

было бы сравнить со сбором и систематизацией "отрицательного материала" речи⁵, без накопления которого невозможна и "положительная" кодификация языка. Собирание и изучение прозвищ нужно для науки примерно так же как необходимы для фольклористики сбор и исследование анекдотов, народных песен непристойного содержания, без учета которых невозможно получить полное представление о соответствующем фольклорном жанре данного народа в целом.

Словари прозвищ, в которых правая семантизирующая сторона словарной статьи характеризует среду и условия, в которых прозвище появилось и приводит мотивы его возникновения, были бы весьма полезны, так как они представляют ценный материал в области проприальной (а косвенно и апеллятивной) номинации лиц. Прозвище это антроним в стадии его зарождения. Правда, раскрыв картину процесса номинации, воплощенную в современном "прозвищетворчестве", мы не можем смоделировать процессы присваивания прозвищ в условиях бесфамильности в старину. Такая модель была бы неадекватной прежде всего с точки зрения социолингвистической. Что же касается психолингвистической стороны, то и в древности и сегодня эти процессы имеют много общего.

Словари прозвищ имеют свою историю. Образцы этого жанра за рубежом во многих случаях представляют собой открытый набор самых различных общеизвестных случаев присвоения вторичных, неофициальных именований людям, городам, организациям, предметам и т.п. Не будучи построенными по строгим лексикографическим принципам (в первую очередь в отношении комплектования словарника), подобные словари все же содержат богатый и полезный материал, иллюстрирующий разнообразные модели вторичной номинации.

В качестве примера приведем образцы словарных статей из популярного словаря Э. Лейтема [Latham 1904]:

Abderian Laughter – A name given to derisive laughter, from Abdera, Democritus' birthplace (v. Laughing Philosopher, The).

Clermont, The – The name of the steamboat used by Robert Fulton on his first trip from New York to Albany (1807), in the beginning of steam navigation. Nicknamed in derision "Fulton's Folly". Cf. Charlotte Dundas.

Teutonic Order – A military order founded at Acre, in Palestine in 1190...

Terrible, The – A surname of Ivan IV, Czar of Russia (1530–84).

Young Yuvenal, The – A surname given (by Robert Greene) to Thomas Logde, an English novelist, dramatist.

Young Italy – An association of Italian republican agitators...

Составление научных словарей прозвищ у нас – дело будущего. Но некоторый задел уже имеется. В этой связи можно еще раз упомянуть работу по составлению антропонимического словаря русских сел Одесчины, ведущуюся в Одесском университете под руководством М.В. Карпенко. Проектируемый словарь кроме имен и фамилий включает также и прозвища [Карпенко 1980, 194–202]. Отметим, что большая картотека прозвищ, бытующих в Кемеровской области, подготовлена З.П. Никулиной. Интересный прозвищный материал собран П.Т. Поротниковым, а также покойным Н.Н. Ушаковым. Многолетняя работа по сбору и лексикограф-

⁵ Ср. в этом отношении недавно вышедшую книгу: Городское просторечие / Под ред. Е.А. Земской и Д.М. Шмелева. М., 1984.

фированию прозвищ всей республики ведется в Литве А.Б. Буткусом, в словаре которого апеллятив, лежащий в основе прозвища, переводится на русский язык; если возможны разные версии мотивации, то они указаны, женские прозвища помечены буквой f, мужские не помечены; шифры Ps, Pg, Krs и др. указывают на место (село, район), где прозвище записано. Приведем фрагмент из этого словаря, любезно представленный нам автором в переводе на русский язык:

Edrūnas ['обжора'] много ест Ps.

Eglinis ['еловый'] живет у ельника Pg.

Eglis ['можжевельник'] близ усадьбы именуемого можжевельник Krs.

Eglisakis ['еловая ветвь'] 1. семантические ассоциации [имя именуемой Эле 'ель']
f. Krž; 2. носит прическу 'ежик' Sk.

Eivilas родом из хутора Эйвиляй St.

Ejė присловое именуемой f. Klov.

Elektrine ['электрическая'] быстрая, шустрая f. Adrj.

Elēnias сын Эляны [мать вдова] Skr.

Псевдонимы представляют собой именования, искусственно созданные их носителями и употребляющиеся параллельно с официальным именованием (или вместо него). В русской традиции псевдоним теснее всего связан с фамилией, хотя это не вполне фамилия, но в то же время — и не только фамилия [Суперанская, Суслова 1981, 134]. С прозвищем псевдонимы роднят то, что они придуманы и функционируют наряду с официальным именованием. Отличие же заключается в том, что прозвища создаются окружающими и представляют своеобразную общественную оценку, а псевдоним создается самим человеком как особое средство самовыражения. Различает их также сфера функционирования: псевдоним — сфера умственного труда, литературная, художественная, театральная, научная, общественно-политическая деятельность, прозвище — сфера бытового общения. В отличие от прозвищ, которые часто создаются в диалектах и в разговорной речи, псевдонимы — принадлежность литературного языка, что обеспечивает им широкую известность и долговечность (ср. псевдонимы *Жорж Санд* и *Максим Горький*, которые более известны, чем настоящие имена их носителей *Аврора Дюдеван* и *Алексей Пешков*). Существенно еще и то, что псевдониму чаще свойственны положительные экспрессивно-эмоциональные сознания, в противоположность отрицательным коннотациям, обычно сопровождающим прозвища.

Псевдоним в сущности является "слугой двух господ". Как специфический факт художественной ономастики он должен изучаться лингвистом-ономастом. Как "литературный факт", составляющий "большую и сложную тему стилистики художественной литературы" [Виноградов 1963, 38]⁶, он остается в сфере интересов литературоведов. Вполне понятно, почему к псевдониму в первую очередь обращаются литературоведы. Ведь интерес к названной проблеме обусловлен возможностью полнее исследовать арсенал выразительных средств языка, уяснить в какой-то мере индивидуальные особенности стиля писателя, углубить характеристику персонажей и идейной направленности произведения, а также творчества писате-

⁶ Литературные псевдонимы — одна из разновидностей псевдонимов вообще. Излагая данный материал, мы не упоминаем из виду всего объема псевдонимов.

ля в целом, поскольку наличие имени автора входит в процесс восприятия произведения [Суркова 1979, 51] и даже в состав самого произведения.

Лингвистами псевдонимы изучены мало [Реформатский 1963; Суперанская, Суслова 1981, 134–147], хотя теоретически они представляют такой же интерес, что и случаи смены имен и фамилий. Лингвисты обращаются к псевдонимам, как к разряду собственных имен, и ставят перед собой по сравнению с литературоведами иные задачи. Их интересует место и специфика псевдонима в ряду других онимов и структурные особенности псевдонима, присущие именно данному разряду собственных имен.

Однако лингвистическое исследование не может быть независимым и автономным, от литературоведческого, ономастический анализ псевдонима всегда должен быть соотнесен с его литературоведческой интерпретацией.

Одной из специфических черт псевдонима является во многих случаях его неделимость. В отличие от обычных фамилий, которые не связаны с именами личными в одно целое (*Иван Иванович Захаров, Капитолина Федоровна Захарова, Маша Захарова, Сережа Захаров*), в псевдонимах всё — и инициалы, и имя, и фамилия, и титул — объединяется в неразрывное целое, например, актриса *Рина Зеленая*, но не просто *Зеленая*. Артистические и писательские имена с трудом сворачиваются до инициалов, а инициалы — с трудом разгадываются [Суперанская, Суслова 1981, 145–146].

Лексикографирование псевдонимов, как правило, начинается библиографами, ведущими учет атрибуций псевдонимных произведений, встречающихся в различных печатных изданиях (историю словарей русских псевдонимов см. в работе [Старущенко 1980]). Особое место среди словарей этого направления занимает известный труд И.Ф. Масанова "Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей" [Масанов 1956]. Этот словарь, расшифровывающий псевдонимы писателей, ученых и общественных деятелей, публицистов и журналистов, предназначен для литератороведов и библиографов и представляет для них бесценное справочное пособие. Словарь состоит из двух разделов. В первом разделе (т. I–III) даны алфавитные указатели псевдонимов (отдельно для русского, латинского и греческого алфавитов). Второй раздел (т. IV) содержит алфавитный список авторов, псевдонимы которых раскрыты в настоящем издании. Приведем примеры:

А.А.И.-Арк. Ал-др. Ильин. "ЖМНП", 1905.

А.В.-А. Валентинов. "Оконная правда", 1917, № 26. Ист. "Залп", 1933, № 2–3, 73.

Алабина-Т.П. Сократова. Ист. "Кн. лет.", 1912, 22013; 1916, 6234.

Алонзо-Ал-сеев Ал-сеев. Боровой "Утро России". 1915 (Из I раздела).

Карпов Василий Парfenovich, писатель и драматург 1870–80-х гг. Псевд.: 1) Квазимодо, 2) Кулик, Петро, 3) Don Basilio (Из II раздела).

Словарь-справочник И.Ф. Масанова, составленный для литератороведов, оказался исключительно ценным материалом для лингвистов-ономастов. Тщательно собранный, профессионально лексикографированный, он даже без лингвистического комментария, раскрывает много существенных черт данного разряда онимов. Например, легко обнаруживаются структурные отличия псевдонимов от других разрядов имен собственных и в первую

очередь от прозвищ и фамилий. Употребляемые преимущественно в письменной речи, псевдонимы нередко отличаются своим внешним оформлением, своей графической подачей, среди них много разных буквенных сокращений, таких как *A*; *A.A.*; *A-Б*; *Ант-Д*; *Ч-е Аи*; ...*вч*, *К-о*, *Б-ский*, *-ский*, *-з* и т.п. Орфографической подачей отличаются псевдонимы типа *Не-Критик*, *Не-Артист*, *Не Гомер* и т.п. В качестве псевдонимов иногда используются знаки препинания, геометрические фигуры, математические знаки и т.п. Например, $\sqrt{-1}$ – псевдоним декабриста Г.С. Батенькова, цифровой псевдоним 201 = 1 – С.Т. Аксакова и т.п. (об этом [Старущенко 1980, 86; Суперанская, Суслова 1981, 140]). Различные сокращения могут встречаться также среди прозвищ, но здесь они, по-видимому, более редки. Своей структурой псевдонимы отличаются также от фамилий, официальный статус которых требует "фамилеобразного" вида. К тому же псевдонимы в противоположность фамилиям не передаются по наследству.

Можно отметить, что словари, составленные на материале псевдонимов других народов СССР⁷, дадут не только ценные сведения для литературоведения, но и большую культурно-историческую информацию для массового читателя. Словари подобного рода создадут надежную базу для исследования псевдонимов как класса ономастической лексики, а также для освещения материала псевдонимов в типологическом плане⁸.

ТОПОНИМЫ

Основные типы и подтипы топонимических словарей достаточно подробно рассмотрены и проиллюстрированы в первой части нашей работы. Это словари этимологические, историко-этимологические, исторические, дополненные характерной и необходимой для топонимики информацией о самом топообъекте и его истории. Базой и материалом для будущих капитальных топонимических словарей служат различные реестры топографической лексики и микротопонимов. Для нашей многонациональной страны большое значение имеют словари передачи топонимов с языков других народов СССР на русский и топонимов русских территорий на другие языки народов СССР. Сюда же относятся также словари передачи топонимов зарубежных стран на русский язык и на другие языки народов СССР. По всем названным направлениям в настоящее время ведется активная работа, составляются и издаются разноспектные (с разным материалом и разного объема) топонимические словари (или словари оттопонимической лексики).

⁷ Словарь И.Ф. Масанова стал основой для работы по расшифровке псевдонимных произведений в ряде союзных республик и областей. В 60–80-е годы вышел ряд словарей псевдонимов русских, украинских, грузинских, азербайджанских, эстонских, марийских персонажей. В ближайшее время планируется издание словаря псевдонимов XVI–XX вв. в Белорусской ССР. Подобные словари готовятся в Литовской, Молдавской, Эстонской ССР [Старущенко 1980, 5].

⁸ Можно предположить, что в дальнейшем материал псевдонимов будет изучаться по отраслям: отдельно писательские и артистические псевдонимы, отдельно подпольные псевдонимы революционеров и т.п. При этом каждый из этих разрядов псевдонимов будет исследован и инвентаризован специалистами соответствующих областей, что даст ценный материал и для ономастических штудий.

В данном разделе мы остановимся на тех аспектах исследования топонимов, по которым в нашей стране отсутствуют, либо имеются единичные лексикографические труды. Прежде всего, это вопрос о смене географических названий. Обычно этот материал включается в словари других типов. Неполные списки измененных названий населенных мест имеются в справочниках административно-территориального деления союзных республик. Словарь, специально посвященный лексикографированию переименованных объектов разных стран, опубликован А. Румом [Room 1979]. В нем зарегистрированы официальные смены географических названий, начиная с 1900 г., наибольшее количество которых падает на СССР и Китай. Словарь включает переименования во всем мире и тем самым охватывает названия только наиболее известных топообъектов. Материал в словаре дан в следующем порядке: 1 – современное название, 2 – вид объекта, 3 – его локализация, 4 – прежнее название, 5 – год или годы переименования⁹.

Приведем примеры:

Westwold. Town, British Columbia, Canada: Grande Prairie (–1900), Adelphi (1900–26). Stalingrad, see Volgograd.

Volgograd. Capital of Volgograd Oblast, RSFSR: Tsaritsyn (–1925) Stalingrad (1925–61). Kennedy [John F. Kennedy]. International airport, New York City, USA: Idlewild (–1963). Gagarin (1) Town, Smolensk Oblast RSFSR: Gzhatsk (–1968). Gagarin (2) Town, Dzhizak Oblast, Uzbek SSR: Yerzhar (1974).

Богатый материал переименований внутригородских объектов находим в различных справочниках по городам, содержащих алфавитные реестры названий улиц, площадей, и др. урбанизмы с более или менее развернутой информацией о локализации объекта, его истории и исторической мотивации присвоенного ему названия, о названиях бывших и современных, о времени смены названия и т.п. Переименования, сопутствующие росту городов, наблюдались всегда, но особенно широко они представлены в XX в. Смена ойконимов, в том числе и урбанизмов, подобно смене фамилий обусловлена в большей мере социально-исторически. Однако немалую роль в этих случаях играют также культурно-исторические традиции, эстетические критерии, сложившиеся у конкретных народов и определяющие отношение к древности, в том числе и к старым названиям. Поэтому сравнение городской топонимии в разных странах могло бы косвенно дать сведения о специфике национального "ономастического мировоззрения" того или иного народа.

В ономастических исследованиях могут быть успешно использованы справочники названий внутригородских топообъектов, составленные в утилитарных целях (для ориентации человека в городе, а также для расширения культурно-познавательного уровня). Так, в словаре-справочнике [Имена московских улиц 1975] все современные названия улиц, переулков, проездов, бульваров и площадей расположены по алфавиту. Вслед за современным названием указана (в скобках) дата его

⁹ Подобный словарь, составленный на русском языке и включающий в себя топонимию только нашей страны, дал бы возможность представить переименования более полно и всесторонне. Словари переименований топообъектов по разным странам дали бы возможность выявить общие универсальные тенденции и одновременно обнаружить национальную специфику переименований.

появления и последнее из предшествующих наименований. Звездочка, поставленная после прежнего названия, указывает на то, что переименование произведено в 50–60-е годы с целью ликвидации дублирующих названий. Приведем примеры:

Авиационная улица (1965), бывш. Центральная* ул. и присоединенная к ней новая улица. Отходит от Волоколамского шоссе. Названа по своему направлению к Тушинскому спортивному аэродрому, на котором проводились воздушные парады в дни праздников советской авиации. Центральной улица называлась по своему положению среди других улиц этой местности.

Гарибальди улица (1961). Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – народный герой Италии, активный борец за национальное освобождение и объединение Италии революционным путем, талантливый военачальник, участвовал в освободительной борьбе народов Южной Америки. Расположена между Ленинским проспектом и Новочеремушкинской улицей.

В конце справочника приведен список измененных названий. Первым приводится прежнее название, за ним следуют современное название и дата переименования:

Авдеевский пр.	Лосинский пр.	1922
Александровский пер.	Институтский пер.	XIX в.
Архиерейская наб.	Шитова наб.	1922
Борисоглебский пер.	Писемского ул.	1962
Брянский* пер.	Киевская ул.	1956

По-иному представлен материал урбанонимов в справочнике [Имена улиц города Иванова 1976]. В этой книге четыре раздела. В первом приведены сведения о каждой улице и о ее переименованиях, здесь же объясняется происхождение названия. Второй раздел содержит алфавитный перечень старых наименований улиц, сведения о времени их переименования, указано настоящее название улицы. В третьем разделе перечисляются улицы, ныне не существующие, т.е. в разное время перекрытые или застроенные новыми зданиями. Четвертый раздел содержит список всех населенных пунктов (местечек, слобод, сел, деревень и других поселений), которые были в различное время включены в городскую черту, и приводит краткие исторические справки по каждому из них (в скобках указан год присоединения к городу).

Приведем примеры:

I.

Александрова танкиста улица (1965), Фрунзенский р., бывш. 3-я Авиационная (1927). Александров Геннадий Петрович (1918–1945). Танкист. Герой Советского Союза (с 1945). Отличился при захвате плацдарма на левом берегу р. Одер. Находился в группе войск, удерживавшей плацдарм в течение десяти суток.

II.

Александровская ул.	1872	Ленина просп.	1960
Бабиковский пер.	1899	Комсомольская Б. ул.	1950
Павловская ул.	1915	Рабочая ул.	1927

III.

Бабенковский переулок (1899), Фрунзенский р., бывший Гришечкин пер. (1896), располагается между ул. Станко и пер. Белинского. Название получил по фамилии домовладельцев. Застроен в 1930-х годах.

Авдотыно – село (1958). Центр бывш. Авдотынской волости. В 1926 году при укрупнении волостей, вошла в состав Ивановской волости. Село располагалось на левом берегу реки Уводи в северо-западном направлении от города, вдоль современной Авдотынской улицы. В XVIII столетии село принадлежало Воронцову Р.И. – губернатору Владимирского наместничества. С 1958 года, когда село вошло в черту города, к тому времени уже обширное поселение официально называют местечком Авдотыно. Магистральными улицами являются улицы Революционная и Дюковская.

Несмотря на различную компоновку материала, оба справочника включают схожие сведения. В справочнике московских улиц вся основная информация о настоящем и прошлом улицы и ее названиях объединена в словарной статье в основном корпусе словаря, в то время как в ивановском справочнике этот материал распределен по четырем разным спискам. Исторических данных в ивановском справочнике, пожалуй, больше, чем в московском. В общем, справочники типа выше рассмотренных дают ценный материал для изучения урбанизации в разных аспектах, в том числе для решения общих проблем номинации (и ее частного случая – переименований).

К числу "экзотических" можно отнести Словарь коррелятивных топонимов в двух языках: немецком и лужицком, употребляющихся в двуязычных округах Дрездена и Котбуса [Słownik wjesnych a městskich mjenow dwurečnych wokrjesow wobwodow Drježdany a Choćebuz 1969]. Он имеет два раздела. В первом – левую часть составляют топонимы лужицкого языка, правую – их немецкие соответствия. Во втором левая часть состоит из немецких топонимов, а в правой приведены коррелятивные лужицкие формы. И в первом и во втором разделах иллюстрируется словоизменение и словообразование лужицких форм:

Čerwjene Noslicy – Rothnaußlitz; wjes. dž.: Carlsdorf, Chanecy, Počaplycy: do Čerwjennych Noslic; w Čerwjennych Noslicach; Čerwjennonosličan; Čerwjennonosličanski, -a, -e.
 Arnšdorf (Dretschen) – Warnočicy; do Warnočic; we Warnočicach; Warnočan, Warnočanski, -a, -e.
 Brehmen (Großdubrau) – Brěmjo; do Brěmjenja; w Brěmjenju; Brěmjenjan; Brěmjenjanski, -a, -e.

Рассматриваемый словарь по типу можно было бы отнести к словарям передачи иноязычных топонимов. Однако здесь соотношение между двумя коррелятами не сводится к транскрибированию, а к "переводу": лужицкому топониму противопоставлено слово, ему соответствующее в немецкой речи. Можно допустить, что в условиях билингвизма эти корреляты функционируют как юридически равноправные. С точки зрения нашего узуза практической транскрипции, подобную немецко-лужицкую передачу собственных имен можно квалифицировать как реестры экзонимов типа Paris – Париж, Roma – Рим, Wien – Вена и т.п.

В двуязычных русско-национальных местностях нашей страны со смешанным населением топонимы также фигурируют в двух видах: натурализованном и адаптированном, например, Аզау – Азово, Балаеош – Бала-гушево. [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980]. Сбор и изучение подобного материала интересны и с точки зрения истории языка, поскольку в нем могут быть представлены архаическая лексика и грамматические

формы, и с точки зрения естественного сосуществования и интерференции двух топонимических систем.

В топонимических исследованиях немало внимания уделяется микротопонимии — обширному пласту онимов (названий полей, нив, пастбищ, уроцищ, лесных участков, лугов, мест рыбной ловли, мелких ручьев, дорог, мостов и т.п.), не нанесенных, как правило, на карту, остающихся за пределами официальных изданий и хранящихся лишь в народной памяти. Микротопонимы, подобно прозвищам, во многих случаях воплощают "историческую память" апеллятива, лежащего в их основе. Причиной того, что микротопонимия не стала предметом массового лексикографирования, является, по-видимому, ее сугубо неофициальный юридический статус и исключительно узкая сфера употребления.

Тем не менее для специалистов микротопонимы представляют значительный интерес, нередко являя собой зародышевую стадию топонима (подробный обзор и анализ исследований по микротопонимии см. [Ященко 1977]). Интересны микротопонимы также для изучения истории языка и диалектологии, так как в них нередко запечатлены основы и формы, утраченные в современном языке. В микротопонимах часто сохраняются местные географические апеллятивы, о чем писал еще И.П. Филевич [Филевич 1899, 327]. На конкретных примерах эту мысль продемонстрировала Е.А. Черепанова [Черепанова 1984, 3]. На примере народной географической терминологии Черниговско-Сумского Полесья она показала, что из всего корпуса местных географических терминов в состав микротопонимов этих же территорий вошло около 50% терминов.

В отечественном языкоznании накоплен весьма незначительный опыт по составлению региональных словарей микротопонимии. Микротопонимы часто включаются в состав региональных топонимических словарей наряду с прочими топонимами, что имеет свой резон, так как в узко локальных условиях важен каждый топообъект и разница между микротопонимом и собственно топонимом нивелируется. Таким образом, например, представлен материал в книге "Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края" [Смирнов 1929]. По такому же принципу объединены собственно топонимы с микротопонимами в работе [Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории 1969], которая кроме незначительного количества широко известных топонимов содержит преимущественно микротопонимы:

АНДРЕЯ ЛАЗАРЕВИЧА НОВИНА, ы, ж. (Ондрея Лазаревича новина) — дальнее поле в дер. Ура, которое расчистил А.Л. Варзумов, жив.

ОФОНЬКИНА ЯМА, ы, ж. — плёсо на р. Уре у местности Тороканиха, под мельницей.

Там еще на памяти жителей утонул Офонька Еркомёнской (из дер. Ёркино). **ЮЛА** — река, впадающая в р. Пинегу слева. Исток из Верхояльского болота. Протяжение реки 245 км. Река очень порожиста; весной, по большой воде, сплавная. В писцовой книге 1686 г. отмечена во многих местах: на Юле реке (стр. 173), по реке Юле (176) и др.

Микротопонимию в "чистом виде" включает словарь "Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья" [Черепанова 1984]¹⁰.

¹⁰ Чр, Пп, См, Гл, и т.п. — условные обозначения названий населенных пунктов.

Боровівка ж. часть села См, Гл, Сл, (а +)

Брильєве ср. луг См, Ям, Нк, (а +)

Будлянська дорога ж. дорога Чр, Щр, Пп, (а ++)

Василева Сеча ж. низина, в которой выкопали лозу См, Пт, Йн, (а ++).

Приведенные примеры говорят о том, что отечественные словари микротопонимов строятся как регистрирующие и следуют одним и тем же принципам. Основная информация в словарной статье (кроме грамматических помет) заключается в характеристике микротopoобъекта и его локализации. Работа "Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории" отличается только более эксплицитным раскрытием мотивов номинации вocabул.

Некоторые зарубежные ученые ставят перед собой более широкие задачи. В качестве примера можно привести Словарь микротопонимов округа Фредена, составленный Э. Пиирайнен [Piirainen, 1984]. Это образец лексикографической обработки результатов исследований немецких микротопонимов (в синхронном и историческом аспектах). К словарю приложен топонимический атлас — восемь карт, отражающих локализацию современного материала, полученного путем полевого сбора. Исторический материал отражен только в словаре, но не нанесен на карты. Названия крестьянских усадеб даны для ориентира. В словаре эти названия отражены только в тех случаях, когда от них образованы названия угодий. Словарь построен гнездовым способом с богатой сетью перекрестных отсылок. Материал в словаре фиксируется в диалектной (нижненемецкой форме). Примеры¹¹:

Abbing

1. Zum HofN Abbing, Am-S:

U Fl. 27 gen. Abbing

Abbing Beld G 5, ein Bildstock an Hof Abbing...

1665 Abbing bre, Nähe Stockmass (GV VA 62)

Abbing Brügge H 7, eine kleine Brücke über den Huningbach nahe bei Hof Abbing

Abbing Feld H 4

Abbing Häijde H 7

1858 Abbing Marken Parzelle, Nähe Huningback (St V A 647)

Abbing Meene H 3

2. Zum Hof- un FamN Abbing, mehrfach im UG:

Abbing Endekes N 4

Abbing Kohwäide H 11

Abbing Stück G 7

U 30 Abbingweide

Verdeken

1728 das ~(AH ub 23)

Der Name ist nicht zu deuten. Er kann zu → veer oder → Vöoreken gehören.

¹¹ Примеры внутри словарной статьи даны в алфавитном порядке. По порядку документации первым приводится материал полевого сбора 1980–1982 гг., помеченный одними лишь координатами на карте, без указания года приводятся также далее следующие примеры из Прусского кадастра 1828 года. Остальные примеры помечены шифром источника и голом. Знак (→) употреблен в двух значениях: 1) указание на параллельное название в случаях двуименности топообъекта, 2) отсылка к словарной статье, где данное слово объяснено.

ЗООНИМЫ

Зоонимы или клички животных по сравнению с основными разрядами собственных имен изучены мало и почти не лексикографировались (по крайней мере в нашей стране). По-видимому, это можно объяснить тем, что сами денотаты, обозначаемые зоонимами, хотя и играют важную роль в жизни человека, все же недолговечны. Поколения животных, окружающих человека, подвержены частой смене. К тому же отдельных их представителей знает весьма ограниченная часть общества, а отсюда вытекает главное – конкретные реальные животные, носящие те или иные клички, не обретая общенародной известности, не попадают в энциклопедические словари, как это бывает с именами и фамилиями и географическими названиями¹². Более известна древняя поэтическая зоонимия: именования животных в мифологии, фольклоре, художественной литературе, разряд онимов, который, по-видимому, не следует смешивать с именованиями реальными. С другой стороны, некоторую общенародную или общедиалектную известность приобретает небольшой закрытый ряд традиционных кличек, благодаря их лингвистическому статусу, так как эти клички находятся на грани между ономом и апеллятивом, притом с сильным тяготением к последним. Словари русского языка при их в целом негативном отношении к собственным именам все же фиксируют такие массово распространенные клички животных как *белянка*, *чернушка* и др. Дело в следующем. Если в городе для собак и кошек возможен относительно свободный выбор имени, то в крестьянской среде для коровы, овцы, барана такой выбор уже почти заказан. Н.И. Толстой отмечал, что в некоторых южнославянских диалектах в Хорватии коровье наречение достаточно строго предопределено внешними признаками животного, так, черная корова носит кличуку Čede, рыжеватая – Rume, рыжая – Rije или Rijafka, ни белая, ни рыжая – Plafka, белая с черными пятнышками на голове – Breza или Briza и т.п. Автор заключает, что такая система кличек не только напоминает микросистему нарицательных имен, но даже является своего рода терминологической системой [Толстой 1964, 110].

На это свойство кличек животных обращает внимание также П.Т. Поротников, говоря о максимально мотивированных кличках, по отношению к которым вполне закономерен вопрос о том, не являются ли они просто именами нарицательными, указывая на признак животного и тем самым коннотируя. Действительно, каждую серую лошадь можно назвать *серком*. Но этот *серко* может иметь и другую кличуку. Тогда *серко* в применении к нему остается именем нарицательным. Однако, когда другой клички нет, кличкой становится само обозначение масти [Поротников 1972а, 223]. Значение проприальности в подобных кличках усиливается, если в данном диалекте соответствующие апеллятивы мало употребительны. Эта двойственность данных слов отражается также нередко в апеллятивных

¹² Реальная история человечества не может быть написана без упоминания имен людей и мест исторических событий, но она ничуть не страдает от того, что в ней не упоминаются клички того или иного домашнего животного, если даже оно в свое время было в какой-то мере известно (как, например, *Буцефал* – лошадь Александра Македонского, *Даймонд* – собака Ньютона, *Сметанка* – родоначальник известной орловской породы лошадей-рысаков и т.п.).

словарях, где они характеризуются чаще всего как имена нарицательные. Для некоторых отмечается и функционирование их в качестве кличек, ср. примеры из 17-томного академического словаря русского языка:

Буланка, -и, м. и ж.; буланко, -а, м. Лошадь буланой масти; кличка лошади по масти; Буренка, -и, ж.; буренушка, уменыш-ласк. Кличка бурой коровы. Гнедко, -а, м. Лошадь гнедой масти, кличка такой лошади.

На границе между зоонимами и апеллятивами находятся также распространенные в латышском обозначения бурой коровы *brūnaļa*, пестрой *raibaļa*, гнедой лошади *bērīs*, белой *baltiņš* и т.п. Однако в Толковом словаре латышского языка [Latviešu literārās valodas vārdnīca 1973] эти слова объяснены как апеллятивы, без указания на возможную их функцию в качестве клички. О возможности перехода апеллятивных обозначений животных по масти в клички у удмуртов говорится в статье [Архипов, Иванов 1971]. Особую разновидность зоонимов, граничащих с апеллятивами, — образуют групповые клички в том случае, если нет необходимости различать отдельных животных внутри данного класса, но важно различать, например, животных в разных помещениях. Так, по этому принципу на одной из свиноферм Горьковской области из 160 свиней 110 носят кличку Чушка, 20 — Зюнька, 30 — Муська [Смирнов 1971]. Несколько иной метафорический (а может быть и табуированный?) характер имеют групповые именования гиен, верблюдов, змей и т.д. в арабской зоонимии [Суперанская 1973, 178].

К сожалению, общие словари включают очень мало зоонимов, а их узко локальный характер является причиной неотражения его в письменных источниках, что осложняет развитие исторической зоонимики. Но клички животных представляют несомненный интерес для ономастической науки, особенно, если учесть, что в зоонимах больше, чем в других разрядах онимов "проявляется ономастическое творчество человека" [Ташицкий 1961, 3]. Изучение кличек в их отношении к именам нарицательным и другим собственным именам должно дать определенный материал для решения общего вопроса о значении собственного имени и его положении в языке. В принципах номинации индивидуальных животных много общего с созданием человеческих прозвищ, а также с процессами возникновения древних личных имен [Eis 1964, 126; Смирнов 1971; Суперанская 1973, 180]. Изучение зоонимов может раскрыть также некоторые закономерности в процессах вторичной номинации, поскольку в основе многих кличек лежат готовые непереоформленные онимы других классов.

Изучение зоонимов, отражающих историю общения человека и домашнего животного, может дать полезную информацию для истории языка и диалектологии, поскольку клички животных чаще всего функционируют в диалектной речи. Кроме того, пласт зоонимических именований имеет свою собственную лингвистическую специфику, обусловленную конкретной экстралингвистической данностью функционирования этих единиц [Суперанская 1986, 28]. Но так как энциклопедические словари эти факты не отражают, общелингвистические же включают только самые распространенные ("классические"), традиционные клички домашних животных, близкие к именам нарицательным, то мы считаем, что данный разряд онимов может быть собран и лексикографирован специально и

преимущественно лингвистами. Специалист по ономастике должен использовать любые письменные фиксации кличек животных. Особенно ценен массовый материал. Его можно искать в работах по животноводству, а также в административно-хозяйственной документации. Списки кличек имеются на госсплемзаводах, молочнотоварных, свинофермах и др. сельскохозяйственных предприятиях. Поэтому их экспертиза возможна только на местах. Однако при выведении пород фиксируется "генеалогическое древо" той или иной породы или ее ответвления, составляются списки бонитировки скота и т.п., в которых фигурируют под кличками отдельные животные, имеющие значение в развитии всей породы. Этот материал отражен в соответствующей животноводческой литературе. К таким исключительно ценным для филолога материалам можно отнести, например, публикации по истории Хреновского конного завода (например [Хреновский завод 1897], рассказывающие о выведении в нем породы рысистых лошадей. Эти книги содержат списки всех лошадей (названных "поименно" в алфавитном порядке). "Статья" о каждой лошади раскрывает ее "родословную", а для кобыл перечисляется потомство, даются годы жизни животного. Можно назвать также книгу "Родословные (pedigree) жеребцов-производителей государственных конских учреждений" [Ильин 1897], в которой ценен уже сам корпус кличек, представляющий хронологический срез иппонимов. Приведем примеры из названных работ:

[Хреновский завод 1897]:

Заводские жеребцы, бывшие производители в рысистом отделении Хреновского завода с основания до приобретения его в казну:

Араб 3-й

Сер. р. 1785 от Араба 2-го см. выше. Мать Девка от гнед. жер. вывед. из Англии, бабка Белая из Кизляра. Пал 1802.

Заводские матки, бывшие в рысистом отделении Хреновского завода с основания до приобретения его в казну.

Абрикоса

Вор. р. 1821. От Ловкого 1-го. Мать Койба от Любезного 1-го, бабка Рында от Силинского 1-го, пр.б. Черничка от Араба 2-го, пр.пр.б. Голландская.

1826 в.к. Ловкая от Доброго 2-го. Отпр. в Москву 1829 зав. м. у г. Смесова.

1827 в.ж. (ч.п.) от Кречета. Отпр. в Москву 1831

1832 в.к. Абрикоса от Догоняя. Прод. г. Бойцову 1835 зав. м. у г. Рогова.

1834 г.ж. (ч.п.) от Мамонта,

Холоста 1828–1831, 1833 и 1835. Пала 1835.

Алфавитный указатель всех упомянутых лошадей

Абрикоса от Догоняя	27
Агнесса от Айданilia	260
Айданиль от Ахтыркина	202
Ай-Люлю от Айданilia	1
Ахил от Любезного	325
Бабка от Балагура	392
Базар от Богатого	203

Из книги [Ильин 1897] приведем родословную жеребца под кличкой Виенну (Viennois) (род. в 1883 г., привезен из Франции).

		Stockwell 1849	The Baron 1942
		Blink Bonny 1854	Pocahontas 1837
		Kingston 1850	Melbourne 1834
		England's Beauty 1850	Queen Mary 1843
		The Nabob 1849	Vension 1833
		Vermeille 1853	Queen Anne 1843
		Melbourne 1834	Birdcatcher 1833
		Snowdrop 1838	The Prairie Bird 1844
			The Nob 1839
			Hester 1832
			The Baron 1842
			Fair Helen 1837
			Humphrey Clinker 1822
			Cervantes mare 1825
			Dr. Syntax 1830
			Princess Victoria 1827

Как видим, и в той, и в другой книге нет сквозного алфавита: материал сгруппирован по разным периодам истории завода. Поэтому в конце дан сводный алфавитный список всех перечисленных в книге лошадей. Что касается современного материала, то его можно почерпнуть, в частности, из литературы по коневодству (например, из журнала "Коневодство"), списков лошадей на ипподроме и т.п.

Рассматривая собачьи клички, отметим, что по сравнению с кличками лошадей они соотносятся с породой, это обязательно должно быть отмечено при лексикографировании. Так, например, в регулярно выпускаемой в нашей стране "Всероссийской родословно-племенной книге охотничьих собак" перечисляются все собаки с полной пятиколенной родословной, установленно принадлежащие к данной породе¹³. Собаки здесь

¹³ Для сравнения современных собачьих кличек с теми, которые имели хождение в конце XIX в., можно обратиться к охотничим календарям, опубликовавшим перечни собачьих кличек (см., например, список из 2000 кличек борзых, гончих и легавых собак; для каждой породы и для сук и для кобелей отдельно свой алфавит) в книге [Сабанеев 1892, 107–117]; богатейший материал для истории кинонимии представляет также [Родословная книга охотничьих собак 1902] и др. публикации.

переписаны в 16 списках согласно шестнадцати породам, отдельно кобели и суки в алфавитном порядке (об этом [Дубова 1980, 145–149]). Приведем примеры [Всероссийская родословно-племенная книга охотничьих собак 1979]:

Русские псовые и борзые:

Кобели

Амур 1173/бп, красно-пегий, р. 15.4.71 от *Вихря* 1070/бп и *Альбы* 1093/бп. Экст.: I оч.хор., I отл.; дипл.: I–III. Владелец Волокитин В.П., Волгоградская обл., Ново-николаевский р-н.

Суки

Астра... от *Даура* ... и *Вихры*...

Астра ... от *Быстрого*... и *Волны*...

[Родословная книга охотничьих собак 1902], Здесь материал представлен несколько по-иному:

357. *Запойка*, выжловка черно-красно-подпалая, род. 14 марта 1898. На I-й выст. Общ. мал. сер. медаль. Заводчик П.А. Кривошеин. Владелец он же.

Запойка	{ Галка П. Кривошеина	{ Крикса Кутило	{ Хорошовка Хлестало
			{ Крутишка Панчулидзея Бушуй М.В. Мажарова
	{ Рыдало П. Кривошеина	{ Бондарка Турило	{ Заливка Нудило
			{ Тревожка Вопило

Эта книга показывает, что такие породы, как ирландские сеттеры, пойнтеры и др., получают исключительно нерусские клички: *Фак*, *Гранузель*, *Шагрус*, *Фан*, *Чиф*, *Нель*, *Пат*, *Белль*, *Даш*, *Рюби*, *Меджор*, *Барло* и т.п. (об этом [Дубова, 1980, 145]).

В ономастической номинации отражается тот интерес, который составляют для зоологии вымирающие редкие породы животных. Так, например, в связи с введением строгой охраны зубров создана особая международная ономастическая система для их именования (об этом [Зволиньски 1975]. Полный перечень европейских зубров дан в книге [*Księga rodo-wodowa żubrów* 1972].

К сожалению, материалы зоонимов, извлеченные из животноводческой литературы, как правило, содержат только списки кличек и "молчат" о том, в силу каких характеристик животного или других обстоятельств данная кличка появилась. Из родословных лошадей в лучшем случае можно установить преемственность инициалов клички (по отцовской или материнской линии).

При составлении рабочих картотек для зоонимических словарей первостепенное значение имеет полевой сбор материала, как способный максимально вскрывать мотивы наименования. Априорно можно предположить, что, например, клички деревенских и городских собак будут раз-

личаться своим репертуаром, это обусловлено более "высоким положением" городской собаки (собака — "член семьи")¹⁴. Собаки в городе, как известно, получают клички обычно путем трансонимизации. Для этого часто используются иностранные личные имена, особенно германские [Щетинин 1966, 183]¹⁵, к тому же в форме гипокористик [Дубова 1980, 145]. Поэтому в зоонимических словарях клички деревенских и городских собак должны иметь различные пометы. Частично это можно отнести также к кошачьим кличкам, употребляемым в деревне и в городе.

Материал для составления зоонимических картотек можно черпать из Перечней животных в делопроизводстве ипподромов, конных спортивных клубов, зоопарков и т.п. Последние интересны еще и тем, что исключительно расширяют диапазон "зоонимического пространства". Представленные в зоопарках редкие, необычные животные и птицы могут соответственно иметь экзотические клички [Eis 1964, 128].

В таких ситуациях, когда накопление массового зоонимического материала исключительно осложнено, повышается значение любого сбора зоонимов, а их словари, как наиболее удобная и наглядная форма интерпретации зоонимической лексики, должны представлять для ономастики особую ценность.

Для того, чтобы определить возможности и условия лексикографирования зоонимического материала, обратим внимание на те, пока еще немногочисленные работы в области зоонимии, выполненные в нашей стране, которые мы имеем в своем распоряжении. Это преимущественно описания зоонимических систем, функционирующих на небольших (обычно диалектных) территориях (русских и нерусских), ср. работы [Гарипов 1960; Фельде 1971; Смирнов 1971; Архипов, Иванов 1971; Бузакова 1973; Петкевич 1973; Кочнев 1974; Баирова 1975; Ураксин 1976; Архипов 1976; Баскаков 1978; Дубова 1980; Рядченко 1984]. Даже эти небольшие по объему описательные работы, классифицируя ограниченный региональный материал, выявляют существенные черты зоонимии, которые должны быть учтены при анализе и лексикографировании материала. Конкретные наблюдения подытожены в немногих обобщающих работах

¹⁴ В этой связи необходимо обратить внимание еще на одно белое пятно в наших зоонимических исследованиях, а именно, на клички животных, содержащихся в семьях. В настоящее время в городских квартирах содержатся очень разные животные, привезенные из разных стран (от попугаев и колибри до змей и черепах), клички их пока никак не учитываются, но беглое наблюдение показывает, что иной раз в кличках отражается специфика страны, откуда привезено животное. Но иной раз в качестве клички выступает самое обычное слово из родного языка хозяина животного, очевидно для удобства именования.

¹⁵ Л.М. Щетинин считает, что к собачьим именам в большей мере, чем к именам других домашних животных, предъявляются требования фонетического благозвучия, звуковой ясности и удобства для слухового восприятия. Это объясняется целым рядом причин, связанных с физиологическими особенностями собак и их местом в жизни человека. Проанализировав значительное количество кличек из списка собак, представленных на выставке служебного собаководства, автор приходит к выводу, что для этих именований характерна звуковая одновершинность. Среди них преобладают односложные слова (Блек, Бим, Джек, Джо, Ральф и т.п.) и двусложные слова с безударным конечным слогом (Альфа, Арфа, Дези, Джем и т.п.). Такой набор объясняется по-видимому удобством произношения кратких имен при служебных командах [Щетинин 1966, 182].

[Поротников 1972а; Мокиенко, Фонякова 1976] и др. Так, оказывается, что система зоонимической номинации в личных и общественных хозяйствах принципиально различна: в личных хозяйствах типичны клички, мотивированные определенными характеристиками животного, в то время как в общественных стадах мотивированность в присвоении кличек чисто формальная (например, кличка молодого животного должна начинаться на ту же букву, что и кличка животного матери, она может быть произведена от названия месяца рождения животного и т.п.)¹⁶. Имеющиеся исследования обращают внимание на разную степень мотивированности зоонимов, на использование вторичной номинации, а также показывают, что различные виды животных различаются спецификой ономастической номинации (обычно индивидуальные именования получают лошади, коровы, собаки, кошки).

Зоонимия в разных республиках имеет свою специфику, например, казахи не дают наименований кошкам, так как их не любят: кошки – принадлежность оседлого населения, а казахи в прошлом были кочевниками [Фельде 1971]. Некоторые исследователи указывают на подзывающую функцию кличек, а также взаимообусловленность употребления специальных подзывных слов (которые ареально дифференцированы) и кличек. Материальное родство некоторых зоонимов с подзывными словами говорит о родстве многих кличек с междометиями [Поротников 1972а].

Выявленные советскими ономастами характеристики, по-видимому, окажутся релевантными при составлении региональных зоонимических словарей. Однако в настоящее время это может быть рассмотрено только как подготовительная работа на пути к созданию национальных зоонимиконов по всем видам кличек животных. Сравнительный же анализ зоонимов разных языков позволит выявить их универсальные черты и идиознические особенности. По-видимому, на этом этапе работы во многом будут отбираться и выкристаллизовываться основные параметры, по которым должен освещаться накапливаемый материал.

Что касается непосредственно словарей, то их можно себе представить весьма разными по своему объему, составу словарника и т.п.¹⁷. Вероятно для того, чтобы составить общий национальный сводный зоонимикон, предварительно необходимо иметь частные ареальные зоонимические словари, составленные на материале всех видов кличек животных данной местности в пределах административно-территориальной единицы (села, района) или говора, диалекта и т.п. Собранный материал может быть представлен в двух видах: в одном общем алфавитном списке или в разных списках для каждой разновидности животных. В первом случае словарную статью можно себе представить следующим образом: к зоониму, презентирующему заглавное слово, в правой части обязательными

¹⁶ На крупных конных заводах Германии все лошади одного года рождения получают клички на одну букву, что отражает возраст лошади [Eis 1964, 128]; этот же принцип частично представлен у нас в собаководстве: щенки одного помета нередко получают клички на одну и ту же букву.

¹⁷ Поскольку в нашем распоряжении нет образцов опубликованных зоонимических словарей, то рассуждения о лексикографических возможностях в этой области можно рассматривать как исключительно предварительные и гипотетические.

должны быть такие сведения как частотность клички, вид животного. Если кличка может быть отнесена к разным животным, то это следует указать, отмечая одновременно установленную частотность для каждого животного. Для животных, которые могут быть использованы и в общественном, и в личном хозяйстве, нужно указать эту принадлежность, отметив, в городе или в деревне клички встретились. Обязательно раскрытие мотивации, если она имеет место. Мотивация зоонима является центральной информацией для ономастики, поэтому она должна быть указана всегда, в том числе и в очевидных случаях, таких как *Белоножка* (корова), *Ревуня* (овца). Обязательно потому, что такие клички как *Ночка*, *Вечёра*, *Зорька*, когда-то указывающие на время рождения животного, теперь во многих случаях превратились в типовые, ничем не мотивированные коровы клички и даются независимо от времени рождения, так что могут вызывать и другие ассоциации, например, *Ночка* – корова черной масти (об этом [Поротников 1972а, 231]). В словаре обязательно должна быть помечена и формальная мотивация, если она известна. Например, если теленка от коровы *Черная* в общественном стаде назвали *Чернышем*, то тут возможна двоякая мотивация: реальная (теленок черный) или формальная (повторение инициальной части материнской клички). Так же, если быка, родившегося в апреле назвали *Авангардом*, то важно знать, случайно ли это или все телята, родившиеся в апреле, носят клички на *A*. Только выяснение действующих принципов именования в соответствующем общественном стаде, в собачьем питомнике, на конном заводе и т.п. может раскрыть истинные мотивы их называния, что и должно обязательно быть указано в словаре. В таком сводном словаре кличек всех пород животных имплицитно будет содержаться также и информация о специфике именования каждого из разрядов зоонимов (клички лошадей, коров, собак и т.п.). К тому же такой словарь экономен тем, что клички, которыми в пределах одного социума называют разных животных (например, *Звездан* – бык, лошадь, *Лыско* – лошадь, бык, собака и т.п.) получают объяснение в одном месте. Если мы решим составить словари кличек для каждой породы животных отдельно, то повторение неизбежно.

Словарь зоонимов на ограниченном региональном материале составляется П.Т. Поротниковым. Многое вышесказанное им лексикографически осуществлено. Ср. образцы:

Апрель, бык, Б.¹⁸

Апрелька, корова, Б., Басм., Боровск., Вихл., Гомз., Дан., Дубр.,

Апреля, корова, Вихл., Н-Дер.; лошадь, Каз.

Аркашка, лошадь, Б.; кошка, Зар.

Артистка, корова; Ос.; Пн., ферма.

Астра, собака, Бер., Неп.; Н-Тр.; корова. Каз, Неп., Н-Тр. Пн., ферма; "Колх. пр." № 55, 1959.

Атаман, лошадь, Зар.; петух, Пн.

Если пожертвовать принципом экономии и составлять словари для каждой разновидности животных отдельно, то это даст возможность более наглядно показать специфику подвидов зоонимов. Здесь можно будет объединить материал, собранный из старых письменных источников с мате-

¹⁸ Б., Басм., Вихл. и др. – цифры названий обследованных местностей.

риалом современным (при условии последовательной документации и того и другого). При этом клички, выписанные из различных реестров, не дающих возможность судить о мотивах их присвоения, должны быть снабжены специальными пометами, указывающими на то, что мотив номинации не выяснен. Указание на отсутствие информации обязательно. Нет сомнения в том, что материал разных хронологических срезов, инкорпорированный в одном словаре, показал бы не только специфику именования животных одной породы, но обнаружил бы, по-видимому, и расхождения в самих наборах кличек, присваиваемых в разные исторические периоды (например, значительный рост количества имен и фамилий, использованных для наречения животных в наше время, о чем см. подробнее ниже).

Возможно еще и третье, компромиссное, решение, часто используемое при лексикографировании разнопланового материала. После основного корпуса словаря, объединяющего в общем алфавите зоонимы всех разрядов обследуемого региона, в конце можно привести отдельные списки кличек по разновидностям животных. От этих наглядных индексов в любой момент можно легко переключиться на словарь, содержащий весь комплекс информации.

И, наконец, нельзя не затронуть еще один немаловажный вопрос, поднятый во многих зоонимических работах. Он касается целесообразности нормирования зоонимического "словотворчества". А именно, ряд авторов [Фельде 1971; Смирнов 1971] и др. обнаруживают появление в общественных стадах "нежелательных" кличек. Этот отрицательный материал может быть подразделен на несколько групп: 1) клички, неприемлемые с идеологической точки зрения, например, коровы: *Комсомолка*, *Пионерка*, *Коммунарка* [Смирнов 1971]; 2) неудачные грамматические образования, спр. коровы клички: *Яблочка*, *Ериша*, *Фазана* и т.п.; 3) именование животных человеческими именами и фамилиями: *Маня*, *Света*, *Жанна*, *Полина* [Архипов, Иванов 1971], бык *Фонвизин* и т.п. Сюда, по-видимому, можно отнести такие "неуклюжие" коровы клички как *Дедукция*, *Репродукция*, *Дислокация* и т.п. [Фельде 1971, 239].

Надо сказать, что использование личных имен (реже фамилий) для наречения животных – явление чрезвычайно распространенное в современной животноводческой практике. В зоонимиках народов СССР отмечаются аналогичные явления (в отдельных случаях может быть под влиянием русской зоонимии). Так, например, у башкир встречаются клички животных, производные от личных имен: *Фалима*, *Захира*, *Забира*, *Садира* – явление новое, не встречавшееся тридцать лет тому назад [Гарипов 1960]. Личные имена *Валя*, *Валерка* в качестве собачьих кличек зарегистрированы в мансийском языке [Кочнев 1974, 98]. Конечно, без изучения массового материала зоонимов разных народов в историческом аспекте делать какие-либо утверждения преждевременно, однако позволим себе гипотетически предположить, что усиливающаяся тенденция именовать животных "человеческими именами" явление нового времени. Интересный пример в этом плане представляет немецкая зоонимия, счастливым образом имеющая в своем распоряжении списки лошадей рыцарского ордена примерно 1400 г. Лошади в них перечислены по кличкам, и среди них нет кличек, образованных от личных имен; не отмечены таковые и в сохранившихся списках лошадей графа Каунца (Kaunitz) от 1717 г. Однако исследование

собачьих кадастров 20-х, 30-х, 60-х, 70-х годов XIX в. уже показывает наличие отименных кличек типа Bartl, Hansl, Hiesl, Marl, Traudl [Eis 1964, 124]¹⁹. О том, что не все общество принимает подобную номинацию животных, говорит полемика в швейцарской прессе, вызванная присвоением в Базельском зоопарке клички Christopher обезьяне [Eis 1964, 131]. Можно понять тревогу и озабоченность языковедов, вызванную появлением пошлых и бесактных кличек в общественных стадах (а в частности может быть и в личных хозяйствах). Однако рекомендательные издания в этой области, по-видимому, еще преждевременны. Без основательных описательных работ они могут оказаться беспочвенными. Только всестороннее исследование зоонимии в разных аспектах, сопровождающееся изданием научных зоонимических словарей, может создать реальную основу для выяснения типичного "инвариантного", обусловленного спецификой "национального вкуса", присущего зоонимии обследуемого социума. И только на этой базе возможно "нормировать" процессы зоонимической номинации путем создания рекомендательной литературы (а может быть и рекомендательных списков).

МИФОНИМЫ

Мифологические имена – имена вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках [Подольская 1978, 124–125]. В мифонимию входят именования людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т.п. в действительности никогда не существовавших. Особое место в мифонимии занимают теонимы – имена богов [Суперанская 1973, 180]. Мифонимы вместе с обозначаемыми ими феноменами глубоко коренятся в духовной культуре народа и ее отражают. Последнее очень важно, так как именования в мифологии представляют значительный интерес для исследования предыстории человечества [Суперанская 1973, 180–181]. В нашем исследовании закономерно может быть поставлен вопрос о целесообразности лексикографической инвентаризации всего корпуса национального мифонимикона в целом.

Решение этого вопроса вряд ли может быть однозначным, так как количество дошедших до наших дней древних мифов (а следовательно и содержащихся в них онимов) у разных народов представлено в неравной мере. В лучшем положении оказываются народы с древней письменной традицией. Мифологические системы народов, дошедшие до наших дней фрагментарно, могут быть частично восстановлены путем конфронтации мифологий родственных народов, поскольку они всегда системны и отражают некоторый древний пантеон или замкнутый круг единиц более низкого

¹⁹ Интересно в этом плане наблюдение Л.М. Щетинина: "руssкие личные имена по древней традиции считаются неприемлемыми для животных, в особенности для собак. Ни один хозяин не рискнет назвать собаку именем, которое прочно ассоциируется в русском языковом сознании с человеком" [Щетинин 1966, 183]. Гипокористики от русских личных имен, особенно нечастотных, все же, по нашему наблюдению, для этой цели используются, ср. встреченные нами собачьи клички: Тишка (< Тихон), Кеша (< Иннокентий), Филя (< Филипп), кошечка: Даша (< Дарья) и т.п.

ранга (ср. в этом плане статьи "Лайма" и "Балтийская мифология" в книге "Мифы народов мира" [Иванов, Топоров 1980].

Правда, незапечатленная в источниках мифонимия не исчезает бесследно, она может сохраняться в других разрядах ономастики: в антропонимии, топонимии или в этнонимии. Так, например, в словаре адыгейской антропонимии Дж.Н. Кокова зарегистрировано около 150 имен из эпоса "Нарты" (в терминологии автора фиктонимов)²⁰, употребляющихся ныне в качестве личных имен [Коков 1973]. Впрочем, формы бытования собственных имен в эпосе "Нарты" и произносительные варианты этих имен у различных народов Кавказа приведены в приложении к литературоведческой книге [Гадагатль 1967]. Таким образом, мы видим, что возможность появления лингвистических мифологических словарей в какой-то мере обусловлена полнотой (или фрагментарностью) дошедших до наших дней мифологических материалов, которыми располагает тот или другой этнос. Так, богатство греческой мифонимии обусловило возможность ее лексикографирования. Например, "Краткий словарь греческой мифологии" [Кулагина 1958] включает в себя значительное количество собственных имен таких, как *Аргус, Деймос, Клио, Лета, Майра* и др. и характеризует соответствующие мифологические образы.

Очевидно при малом количестве мифологических имен нет необходимости их специального лексикографирования. Функцию специальных словарей в данном случае должны взять на себя энциклопедические и общеязыковые словари. Мифонимы должны включаться в национальные энциклопедии (не говоря уже об общих мифологических энциклопедиях типа "Мифы народов мира"). Энциклопедические словари дают исключительно важную информацию: излагая соответствующую легенду и показывая место данного образа в системе других образов, они раскрывают суть обозначаемого мифонимом денотата. Энциклопедические словари (как общие, так и национальные) нередко приводят также этимологическую справку.

Мифонимы должны входить также в словари общеязыковых словарей: в первую очередь словарей историко-этимологических и толковых. Включение собственных имен в филологические словари в данном случае оправдано следующими аргументами: 1) мифонимы органически связаны с духовной культурой народа²¹; 2) мифонимы составляют закрытый ряд словесных единиц²²; 3) на базе мифонимов имеется богатая деривация, а сами мифонимы включаются в состав фразеологизмов (например, *Перуново войско*); 4) мифонимы и их дериваты легко подвергаются апеллятивации (например, *самовлюбленный Нарцисс*); 5) в мифонаимах, как

²⁰ Фиктоним — вымышленное собственное имя, употребляющееся в художественной литературе.

²¹ О необходимости помещать в исторические словари собственные имена, несущие культурно-историческую информацию, см. [Смолицкая 1984б, 178].

²² Последнее очень важно, поскольку одна из основных причин невключения они-мов в общие словари — беспредельность материала основных классов собственных имен (антропонимов, топонимов, зоонимов). Список мифонимов у многих народов не велик (например, в словарь латышского языка Мюленбаха — Эндзелина [Mülenbachs 1923–1932] включено не более десятка теонимов из латышской дохристианской мифологии).

правило, сохранена древняя реликтовая лексика и древние словообразовательные модели, что важно для истории языка.

Думается, что не было бы лишним включение мифонимов в вокабулярии исторических и этимологических словарей также и для тех языков, в которых мифонимы сохранились в значительном количестве.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

Значительный разряд ономастической лексики составляют имена собственные, встречающиеся в художественной литературе, чаще всего это имена персонажей — поэтическая антропонимия, реже — топонимы, зоонимы и другие классы собственных имен²³. Подобно писательским псевдонимам, эти вымышленные, а иногда и реальные имена прежде всего — литературный факт и следовательно их изучение находится в компетенции литературоведения. Однако, как единица языка, они представляют интерес и для лингвистики. В.В. Виноградов говорил об исследовании истории имен и фамилий персонажей русской художественной литературы XVIII—XIX вв., как одной из задач истории русского литературного языка [Виноградов 1946, 227]. Нас же главным образом будет интересовать их соотношение с реальными онимами.

Объективное описание процессов, происходящих в языке художественной литературы, не может быть удовлетворительным, если из анализа искусственно элиминируются имена собственные. В нашей стране проделана значительная работа по изучению собственных имен, встречающихся в художественной литературе (см. библиографию [Зинин, Степанова 1970]). Как правило, это работы, рассматривающие оним, во-первых, как словесную единицу, во-вторых, как единицу, входящую в систему поэтических средств произведения. Так, например, рассматривается материал в работах Э.Б. Магазаника [Магазаник 1963, 1967, 1971].

Непосредственным стимулом для лексикографирования ономастики художественных текстов стала работа по составлению словарей языка писателей²⁴. Необходимость включения в такой словарь всех слов, встретившихся в выборке, поставила перед составителями вопрос об именах собственных.

Характеризуя историю лексикографирования собственных имен художественной литературы в нашей стране, С.И. Зинин [Зинин 1980, 88–89] определяет три позиции в вопросе о соотношении собственных имен и апеллятивов при составлении словаря писателя или художественного произведения: 1) включение всех собственных имен в общий словарь слова писателя или произведения [Словник мови Шевченка 1964]; 2) включение в словарь собственных имен с явно филологическими характеристиками и вынесение энциклопедической информации о собственном имени в дополнительные указатели²⁵; 3) невключение собственных имен в общий словарь языка писателя, а создание в качестве приложе-

²³ Ср. например, кличуку собаки Эзол в романе К. Гамсунна "Пан".

²⁴ Подробный анализ словарей языка зарубежных писателей см.: [Григорьев 1973, 22–25].

²⁵ Так это решают, например, составители поэтического словаря русского языка [Поэт и слово 1973].

ния особых словарей, объединяющих в себе все собственные имена, встретившиеся в соответствующих текстах²⁶. Третий подход оценивается как наиболее перспективный [Зайцева 1976; Карпенко 1976, Зинин 1980].

Создание словарей языка отдельных писателей и специализированных антропонимических словарей писателя за рубежом началось раньше чем в России [Зинин 1980, 84]. Широкое распространение получили англоязычные антропонимические словари по литературным произведениям, подробный анализ которых дала К.Б. Зайцева [Зайцева 1976, 77–81]. Она показала, что такие словари по своим задачам, информации и лексикографической архитектонике являются особым типом ономастического словаря. Автор выделяет две большие группы, одну составляют антропонимические словари-индексы, а другую можно обозначить как антропонимические словари-энциклопедии. Те и другие, по мнению автора, носят справочный характер и границы между ними часто оказываются стертыми. В качестве примера словаря индексного типа К.Б. Зайцева называет словарь Б. Поллина [Pollin 1968], включающий в себя собственные имена в произведениях Э. По. Словарная статья этого словаря выглядит следующим образом:

Devil ("Bon-Bon"): 2, 133 f.

Это означает, что антропоним Devil из произведения "Bon-Bon" упоминается на стр. 133, второго тома полного собрания сочинений Э. По и является именем вымышленного персонажа. К словарям второй разновидности автор относит сводный словарь Уилера [Wheeler 1965], в котором собраны имена персонажей художественной литературы. Этот словарь включает сведения о сюжетной линии произведения, с которой данный герой связан, сведения об употреблении соответствующих имен в сочинениях других авторов и т. п. Много внимания уделяется также прототипам данного персонажа.

Зарубежные словари поэтической ономастики рассчитаны в основном на литературоведа. Чтобы придать словарю языковедческий характер, К.Б. Зайцева предлагает несколько изменить набор лексикографических параметров. Так, проектируемый ею словарь языка канадского писателя Ст. Ликока (1869–1944) должен включить все антропонимы, встречающиеся в анализируемых произведениях. Предлагается следующая структура словарной статьи: 1) заглавное слово; 2) его частотность в тексте; 3) название произведения; 4) характеристики стилистической окраски именования (нейтральное, официальное, фамильярное, возвышенное и др.); 5) реальность/нереальность имени (имя вымышленное или относящееся к историческому лицу); 6) модель имени (личное имя, фамилия, сочетание того и другого и т. п.); 7) роль персонажа в произведении, его отношения с другими персонажами; если историческое лицо, то краткая энциклопедическая справка; 8) минимальный контекст (цитата); 9) варианты именования; 10) этимологическая справка (только к именам вымышленным); 11) стилистическое обыгрывание имени, коннотации, ассоциации, вызванные именем; 12) сведения о прототипах или протонимах. Как видим, набор характеристик к поэтическому огуму, предложен-

²⁶ См.: рассмотренный в гл. I Словарь автобиографической трилогии М. Горького.

женный К.Б. Зайцевой, сохраняя сведения релевантные для литературоведения, дополнен лингвистической информацией (ср. пункты 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11).

Р.У. Таич предложила опыт антронимического словаря по произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина [Таич 1970]. В качестве заглавного слова словарной статьи автор предлагает не официальное именование, а наиболее часто встречаемое в тексте. Разные имена, относящиеся к одному и тому же персонажу, входят в разные словарные статьи, варианты одного имени объединены в одной словарной статье. На первый план выдвигается собственно лингвистический комментарий оноима, который включает: 1) принадлежность имени; 2) его структуру; 3) его грамматическое и фонетическое оформление; 4) характер минимального языкового контекста; 5) этимологическую справку; 6) сведения о стилистической сфере употребления и эмоционально-экспрессивной окрашенности; 7) указание на то, в чьей речи имя употреблено (с данными о частоте употребления). Важное место Р.У. Таич отводит этимологической справке, которая в литературных именах является существенным элементом в отличие от справки о реальном имени, где этимологическое значение имени для современного его состояния не актуально.

Ряд конструктивных идей по поводу построения антронимического словаря писателя высказан М.В. Карпенко [Карпенко 1976]. Эти высказывания во многом созвучны К.Б. Зайцевой и Р.У. Таич. Но между тем М.В. Карпенко поднимает и другие, весьма актуальные для развития теории ономастических словарей, проблемы. Так, говоря о комплектовании словарика, М.В. Карпенко обращает внимание на то, что составитель словаря должен дифференцировать тексты. А именно, тексты, в которых писатель несвободен при создании или отборе антронимического материала, не должны подвергаться лексикографом экспертизы. К таким текстам прежде всего относятся письма, автобиографии, воспоминания. Что же касается собственно художественных текстов, то здесь важно обобщить всю антронимию, в том числе и имена исторических деятелей (например, Кутузов в "Войне и мире" Л.Н. Толстого).

Обоснованным представляется разграничение М.В. Карпенко антронимических словарей на общеязыковые и литературные, различающиеся между собой степенью абстракции. В первых обобщаются данные языка и представляется информация об именах людей вообще, в то время как в антронимическом словаре писателя каждое имя имеет своего конкретного носителя. Словарь приобретает некоторые черты энциклопедии, сообщая сведения не только о личном имени, но – так или иначе – и о его носителе. Из этого положения автор делает практический вывод для лексикографии: группировку антронимов в словаре производить не по самим именам (как в общеязыковом антронимическом словаре), а по их носителям. Таким образом в антронимическом словаре языка Пушкина имена героинь "Полтавы" и "Бахчисарайского фонтана" не должны быть сведены в одну словарную статью *Мария*. Группировка материала по персонажам хорошо согласуется со спецификой литературной антронимии и повысит значение словаря для литературоведения [там же 194–195]. Объединение разных слов, указывающих на одно лицо, создает тонкий детализированный антронимический рисунок, которым

писатель очерчивает социальное положение персонажа, его возраст, характер и т. п.

Дадим образец словарной статьи из антропонимического словаря А.П. Чехова [Карпенко, Стычишина 1976, 196–199]:

Велелептов – персонаж рассказа "Либерал", важный чиновник, начальник, к которому подчиненные приходят с поздравлениями. Встречается 12 раз, называет автор и окружающие. Фамилия образована от слова *велелепие* (в значении "великолепие") и подчеркивает положение и значимость его в обществе. "В одиннадцать часов приехал Велелептов" (III, 167).

Таким образом, в словаре, предложенном М.В. Карпенко, при минимальной (но существенной) литературоведческой информации даны оптимальные лингвистические сведения, о чем говорит следующее строение словарной статьи: 1) заглавное слово – фамилия персонажа (при отсутствии в тексте фамилии – имя, отчество и т. п.) в именительном падеже и число употреблений; 2) краткое определение, если фамилия по своей форме отличается от русских фамилий; 3) иллюстрация в тех случаях, когда оным может быть неправильно понят; 4) название произведения; 5) том; 6) страница сочинения; 7) варианты имени. Лингвист в таком словаре найдет полезную информацию о процессе номинации, о внутренней форме имени, варьировании имен в художественном тексте и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся в настоящее время практика апеллятивной и ономастической лексикографии показывает, что, наряду с научными исследованиями специфики собственных имен, в Советском Союзе издаются также словари, инвентаризирующие онимию самых разных разрядов и освещдающие ее в разных аспектах. Этим компенсируется и в какой-то мере объясняется невключение проприальной лексики в общие словари. Однако на фоне апеллятивной лексикографии выявляется специфика ономастических словарей. Ономастика, как особый пласт лексики требует новых словарей, доныне в ономастической лексикографии не зарегистрированных, что в свою очередь обуславливает изучение в широких масштабах национальных ономастиконов и ономастической типологии в целом.

Онимический ряд представляет собой не всю лексику языка, а только некоторый ее пласт. С точки зрения проприальной семантики за онимами стоят только определенные разряды денотатов реальной действительности, способные приобретать индивидуальные именования и составляющие тем самым отдельные сегменты общего ономастического пространства. По сравнению с исключительно разносторонней экстралингвистической данностью, обозначаемой апеллятивами, круг реалий, обозначаемых именами собственными, относительно узок, так как он ограничен только лицами, животными, предметами, продуктами духовной культуры, воспринимаемыми в опредмеченнем виде. Это значит, что в структурном отношении онимы всегда относятся к именам существительным и частично прилагательным (исходные адъективные, глагольные и др. основы всегда претерпевают субстантивацию, являются ее результатом). Из всего набора частей речи, которыми располагает язык, ономастическая лексикография интересуется только существительными. По этой причине применяемый в ономастических словарях лексикографический аппарат оказывается редуцированным, по сравнению с лексикографическим аппаратом словарей апеллятивных.

Положением имени собственного в языке и спецификой проприального значения обусловлено также неравномерное распределение проприальной и апеллятивной лексики по различным типам и жанрам словарей. Так, если центральным типом словаря апеллятивной лексики является академический нормативный толковый словарь, то функцию толкового словаря для проприальной лексики выполняет энциклопедический словарь и частично лингвострановедческий.

Толковый словарь, как известно, призван также отражать богатство общенонациональной лексики во всем ее объеме и раскрывать системные отношения лексики. Последнее достигается путем показа синтагматиче-

ских и парадигматических отношений слова. Синтагматика иллюстрируется типовыми свободными сочетаниями слов (речениями), цитацией из литературы и устойчивыми словосочетаниями; лексическая парадигматика слова раскрывается экземплификацией синонимов (и реже антонимов), которые могут выступать вместо определения к заглавному слову или же (чаще) в дополнение к нему. Обильное приведение синонимов, антонимов, речений, фразеологизмов и др., чрезмерно перегружает толковые словари и во избежание этого отражение парадигматики и синтагматики словарного состава берут на себя специализированные словари синонимов, антонимов, словари сочетаемости слов, фразеологизмов и др. Однако для имен собственных все названные типы словарей не релевантны, так как спецификой проприальной семантики имени собственного обусловлена невозможность его вхождения в синонимические и антонимические ряды с другими словарями.

Словари сочетаемости слов для имен собственных бессмысленны, так как синтаксические отношения ограничены неизменным частеречным статусом имени существительного. Встречающаяся фразеологизация словосочетаний с собственными именами, например, с топонимами типа *жить в Крыму, в Белоруссии*, но: *жить на Кавказе, на Украине* не достаточна, для того, чтобы составлять специализированные словари сочетаемости.

Показ элементарной синтагматики собственных имен могут взять на себя другие типы онематических словарей (грамматических, словообразовательных, лингвострановедческих и др.) в зависимости от степени структурных расхождений имени собственного и имени нарицательного в данном языке. Иное дело употребление онимов во фразеологических сочетаниях, ему могут быть посвящены специальные словари.

В силу принципиального различия семантики *nomina appellativa* и *nomina propria* словарь, построенный на онематическом материале не может иметь лексикографическую форму, аналогичную апеллятивному словарю. Эти неизбежные расхождения мы наблюдаем в этимологических словарях онимов. Этимологическая глубина последних в силу лексической асемантичности проприальных основ, существенно ограничена. Это настолько важно, что некоторые ученые вообще отрицают возможность онематических этимологий.

Необходимость лексикографирования онематической лексики с точки зрения орфографического и орфоэпического нормирования в большой мере зависит от принципов орфографии данного языка. Так, языки, орфография которых построена на традиционном принципе всегда остро нуждаются в орфографических словарях как апеллятивных, так и проприальных, в то время как языки, орфография которых подчинена строго фонематическому принципу, столь острой необходимости в орфографических и орфоэпических словарях не испытывают.

Специфическое отношение к нормам орфографии сложилось у фамилий, пользующихся в современном обществе правом "юридической заповедности", вследствие чего правильной формой считается та, которая записана в официальных документах ее носителя. Лингвистической норме правописания фамилия практически не подвластна. Поэтому словари, содержащие регистры фамилий, являются, как правило, дескриптивными, они показывают, как в официальных документах записаны фамилии тех или

иных носителей. Но эти словари не могут быть прескриптивными, т. е. предписывающими написание этой фамилии.

Специфика, отличающая онимы от апеллятивов в структурном отношении, в большинстве языков изучена недостаточно. Грамматические описания различных языков, как правило, включают ономастический материал спорадически и фрагментарно. Поэтому для языков, онимы которых имеют значительные расхождения с апеллятивной морфологией, необходимы а) специальные исследования склонений и словообразования, б) словари склонения и деривации. Словари составляют базу для дальнейших орфологических исследований и для выявления морфологической специфики онимов ряда родственных языков. Наконец, они представляют в самом широком смысле материальную базу для исследований в области теоретической ономастики.

Особый круг лингвистических проблем, свойственных преимущественно ономатической лексике, связан с непереводимостью собственного имени, чем обусловлена необходимость его передачи с одного языка на другой путем транскрипции, или транслитерации. Параллельно с разработкой теоретических основ транскрипции, составлением конкретных транскрипционных правил, необходимо составлять и транскрипционные словари. Они заслуживают особого внимания лексикографической теории и с полным правом могут быть названы типично ономатическими, поскольку обычные апеллятивные словари (за исключением словарей специальной лексики) подобных словарных типов не имеют.

Нами рассмотрены наиболее распространенные и необходимые типы ономатических словарей. Можно предположить, что открытость ряда словарной типологии вызовет к жизни новые типы лексикографических трудов, представляющих новые сведения для теории ономатической лексикографии.

Проанализированные словари рассмотрены нами в теоретическом плане как типы "идеального вида", несущие информацию только одного лингвистического уровня (грамматическую, словообразовательную, орфографическую, транскрипционную и др.). Такой подход был необходим для анализа, хотя на самом деле он искусственен, так как лексикография не мыслима вне прагматического аспекта. Практика словарного дела диктует свои условия: издавать словари, содержащие только "одноплановую" информацию непрактично, нерентабельно. Обычно в словарях объединяется информация разноплановая.

Классы онимов изучены неравномерно, не по всем из них собран и лексикографирован материал. Что касается тех разрядов собственных имен, материал которых до сих пор еще не подвергался лексикографической инвентаризации, то они различаются между собой в зависимости от того, представляют ли они интерес только для лингвистов или их сбор, систематизация и изучение полезны и нужны еще для других областей знания.

Изучение практики, потенциальных путей и целесообразности составления словарей по различным разрядам онимов будет продолжаться. По мере изученности отдельных классов собственных имен последует и лексикографирование соответствующих материалов. Думается, что первоочередно будут лексикографированы те виды онимов, которые нуждаются

в орфологической кодификации, о чем свидетельствует и практика. Уже созданы словари сокращенных слов, включающие значительное количество эргонимов (названий предприятий, учреждений, обществ, союзов и т. п.). Эргонимы богато представлены также в словарях, нормирующих написание прописной буквы. Начались исследования космонимов, названий пароходов, органов периодической печати, генонимов и др. разновидностей онимов¹. Одновременно выявляются и потенциальные источники материалов, составляющих базу для дальнейших исследований.

---

¹ Так, правописание, произношение и склонение сокращенных слов дано в справочнике [Словарь сокращений русского языка 1984]; региональный эргонимический словарь разрабатывается в Донецком университете З.И. Бузиновой; см. также словарь-справочник "Прописная или строчная" [Розенталь 1984]; над словарем тюркских родо-племенных названий (генонимов), класса имен, находящихся на грани имени собственного и нарицательного, в настоящее время ведут работу А.В. Супранская и И.Н. Лезина.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* О принципах этимологического словаря// ВЯ. 1952, № 5.
- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958, Т. 1.
- Абаев В.И.* Тюркские элементы в осетинской антропонимии// Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.
- Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1984.
- Агрикола Э.* Микро-, medio- и макро-структуры как содержательная основа словаря // ВЯ. 1984, № 2.
- Адамович Е.М.* О принципах составления региональных словарей белорусских микротопонимов // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980. Вып. 1.
- Архипов Г.А.* Зоонимы одного колхоза // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
- Архипов Г.А., Иванов В.И.* Зоонимы в Удмуртии // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.
- Атаниязов С.* Толковый словарь географических названий Туркменистана. Ашхабад, 1980. На туркм. яз.
- Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Ахманова О.С.* К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики // ВЯ. 1961, № 5.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ачарян Р.А.* Словарь армянских личных имен. Ереван, 1942–1962. Т. 1–4. На арм. яз.
- Баирова Д.В.* Клички домашних животных в бурятском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10.
- Баскаков Н.А.* Клички собак у каракалпаков // Ономастика Средней Азии. М., 1978.
- Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Беленькая В.Д.* Очерки англоязычной топонимики. М., 1977.
- Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии: Словарь. Л., 1973.
- Бірыла М.В.* Беларусская антропанімія. Мінск, 1966.
- Бірыла М.В.* Беларусская антропанімія. Мінск, 1969.
- Бірыла М.В.* Беларусская антропанімія. Мінск, 1982.
- Боднарский М.С.* Словарь географических названий. М., 1958.
- Бондалетов В.Д., Никонов В.А.* Вопросник для сортирования космонимов Поволжья // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
- Ботвинник М.Н.* Мифологический словарь. М., 1965.
- Бузакова Р.Н.* Особенности мордовских зоонимов // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973.
- Букчина Б.З.* О типах орфографических словарей: (Обзор) // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Буткус А.Б.* Литовские прозвища: Автотреф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984.
- Великобритания: Лингвострановед. слов. / Сост. А. Рум и др. М., 1978.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: Ономаст. слов. // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
- Верховский А.Т.* Библейский словарь. СПб., 1871.
- Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерус. имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Виноградов В.В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1946. Т. 5, вып. 3.
- Виноградов В.В.* О некоторых вопросах

- теории русской лексикографии // ВЯ, 1956, № 5.
- Виноградов В.В.** О языке художественной литературы. М., 1959.
- Виноградов В.В.** Проблема авторства и теория стиля. М., 1961.
- Виноградов В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов В.В.** О теории художественной речи. М., 1971.
- Виноградов В.В.** Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Волостнова М.Б., Тюрин С.А.** Работа по транскрипции географических названий в Главном управлении геодезии и картографии // Транскрипция географических названий. М., 1960.
- Всероссийская родословно-племенная книга охотничьих собак за 1973–1975 гг. М., 1979. Т. 4.
- Гадагатль А.М.** Героический эпос "Нарты" и его генезис. Краснодар, 1967.
- Гак В.Г.** О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях // Тетради переводчика. М., 1971. Вып. 8.
- Гак В.Г.** От толкового словаря к энциклопедии языка: (Из опыта соврем. фр. лексикографии) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971а. Т. 30, вып. 6.
- Гак В.Г.** Учебный словарь – краткая энциклопедия языка // Рус. яз. за рубежом. 1971б. № 4.
- Гак В.Г.** Лексикография // БСЭ. 1973. Т. 14.
- Гак В.Г.** Словарь // БСЭ. 1976. Т. 23.
- Гак В.Г.** О некоторых закономерностях развития лексикографии: (Учеб. и общ. лексикография в ист. аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
- Гак В.Г.** Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978.
- Гак В.Г.** Лингвистические словари и экстралингвистическая информация: (В связи с выходом в свет второго издания словаря "Большой Роберт") // ВЯ. 1987. № 2.
- Галаванова Г.П., Я.К.** Грот как лексикограф: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.
- Гарипов Т.М.** О кличках животных у башкир // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1960.
- Гафуров А.Г.** Лев и кипарис: О вост. лич. именах. М., 1971.
- Географический энциклопедический словарь. Географические названия / Под ред. А.Ф. Трещникова. М., 1983.
- Гильяревский Р.С., Старостин Б.А.** Иностранные имена и названия в русском языке: Справочник. М., 1985.
- Городецкий Б.Ю.** Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14.
- Григорьев В.П.** Введение // Поэт и слово: Опыт словаря. М., 1973.
- Григорян Э.А.** Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
- Гуковский Г.А.** О русском классицизме // Поэтика. Л., 1929. Вып. 5.
- Дале П.К.** О кратких и подробных определениях значений слов в словарях филологического и энциклопедического типов // Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.
- Данчев А.** Българска транскрипция на английски имена. С. 1982.
- Денисов П.Н.** О толковом словаре русского языка для иностранцев // Рус. яз. за рубежом. 1972. № 3.
- Денисов П.Н.** Основные проблемы теории лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
- Денисов П.Н.** Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
- Денисов П.Н.** Практика, история и теория лексикографии в единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978.
- Денисов П.Н.** Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1983.
- Денисов П.Н., Морковкин В.В., Новиков Л.А.** Проспект учебного словаря сочетаемости слов русского языка. М., 1971.
- Дмитриев В.Г.** Скрывшие свое имя. М., 1977.
- Дуброва Н.Г.** Некоторые особенности кличек охотничьих собак // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980.
- Думбрэяну А.М.** Краткий словарь молдавских диалектных личных имен. Кишинев, 1983. На молд. яз.
- Етимологічний словник української мови. Кіїв, 1982–1985. Т. 1–2.
- Забегайлова З.И.** Из истории русской лексикографии первой трети XIX в.:

- Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968.
- Заводская книга рысистых лошадей Хреновского государственного конского завода / Сост. Н. Лодыгин. М., 1882.
- Зайцева К.Б.** Антропонимический словарь писателя // Вопросы ономастики. Самарканд, 1976.
- Зализняк А.А.** Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977.
- Зволиньски П.** Место зоонимов в ономастике // Namen in Kontakt: XII. Intern. Kongr. für Namenforschung, 25. – 29. Авг. 1975. Вена, 1975.
- Земзаре Д.** Латышские личные имена // Антропонимика. М., 1970.
- Зинин С.И.** Имена собственные и русская лексикография // Материалы науч. конф. профес.-преподават. состава Ташк. гос. ун-та: Филол. науки. Ташкент, 1967.
- Зинин С.И.** О "Словаре личных имен русской художественной литературы XVIII в." // Науч. тр. аспирантов Ташк. гос. ун-та. Гуманит. науки. Ташкент, 1968. Вып. 319.
- Зинин С.И.** Создадим словарь современных русских фамилий // Рус. яз. в школе. 1969, № 6.
- Зинин С.И.** О границах этимологической справки словаря русских фамилий // Науч. тр. Ташк. гос. ун-та, 1974. Вып. 466.
- Зинин С.И.** Из истории лексикографирования собственных имен художественной литературы // Вопросы теории и истории языка. Ташкент, 1980.
- Зинин С.И.** Принципы построения "Словаря русских фамильных прозваний XVII в." // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980а.
- Зинин С.И., Степанова А.Г.** Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре: (Библиография) // Антропонимика. М., 1970.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Балтийская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Велес // Там же. М., 1980а. Т. 1.
- Ильин Ст.** Речник на личните и фамилни имена у българите. С., 1969.
- Ильин Н.Н.** Родословные (pedigree) жеребцов-производителей государственных конских учреждений и русских Зак. 1677
- дербистов с указанием карьеры этих жеребцов. СПб., 1897.
- Имена московских улиц / Под ред. А.М. Пегова. М., 1975.
- Имена улиц города Иванова / Сост. Ф.Е. Прокуроров и др. Ярославль, 1976.
- Иностранный печать: Крат. справ. / Под ред. П.И. Егорова, Р.Н. Ращбам. М., 1964.
- Инструкция по русской передаче географических названий Азербайджанской ССР / Сост. Е.М. Бушуева. М., 1972.
- Инструкция по русской передаче географических названий Дагестанской АССР / Сост. Л.И. Розова. М., 1959.
- Инструкция по русской передаче немецких географических названий / Сост. В.С. Широкова. М., 1974.
- Исаева Т.А.** Названия волжских пароходов // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
- Калакуцкая Л.П.** Орфография фамилий // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Калакуцкая Л.П.** Словоизменение антропонимии в русском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982.
- Калакуцкая Л.П., Сталтмане В.Э.** Карточка словаря европейских фамилий // Лингвистические источники: Фонды Ин-та рус. яз. М., 1967.
- Караулов Ю.А.** О некоторых лексикографических закономерностях: (Семиот. аспекты слов.) // ВЯ. 1974. № 4.
- Караулов Ю.Н.** Словарь и его свойства // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974а.
- Караулов Ю.Н.** Общая и русская идеография. М., 1976.
- Карнович Е.П.** Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.
- Карпенко М.В.** Состав антропонимического словаря писателя // Питание сущности ономастики. Киев, 1976.
- Карпенко М.В.** Антропонимический словарь русских сел Одесской области // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Карпенко Ю.А.** История этимологического метода в топонимике // История топонимики в ССР: Тез. докл. М., 1967.
- Карпенко Ю.А.** Названия звездного неба. М., 1981.

- Карпенко Ю.А.** Специфика ономастики // Русская ономастика: Сб. науч. тр. Одесса, 1984.
- Карпенко М.В., Стычшина Л.П.** Структура словарной статьи в антропонимическом словаре А.П. Чехова // Питання сучасної ономастики. Київ, 1976.
- Карпович А.Е.** О лексикографической терминологии // Современная русская лексикография. Л., 1977.
- Касарес Х.** Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Киселевский А.И.** Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск, 1977.
- Ковалева Н.Б.** Русская топонимия бассейна рек Ини: (Семант. анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1972.
- Ковтун Л.С.** Основная идея шахматской лексикографии // ВЯ. 1971, № 2.
- Ковтун Л.С.** Древние словари как источник русской исторической лексикографии. Л., 1977.
- Козлов А.М., Малышева Л.И.** Административно-территориальное деление США: (слов.-справ.). М., 1964.
- Койчубаев Е.К.** Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.
- Коков Дж.Н.** Вопросы адыгейской (черкесской) антропонимии: (Исслед. и слов. лиц. имен). Нальчик, 1973.
- Коков Дж.Н.** Из адыгской космонимики // Ономастика Востока. М., 1980.
- Кондратьева Т.Н.** Русские словари личных собственных имён как ономастический источник. Казань, 1969.
- Копецкий Л.В.** Теоретические предпосылки двуязычных словарей. Прага, 1972.
- Корнилов Г.Е.** Продолжение пробных статей этимологического "Словаря собственных имён Поволжья и сопредельных территорий" // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1975. Вып. 3.
- Кочнев В.В.** О кличках собак в мансийском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974.
- Кулагина Г.А.** Краткий словарь греческой мифологии: Боги, богини, божества. Свердловск, 1958. Т. 1.
- Курилович Е.** Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Кусимова Т.Х.** Башкирские имена. Уфа, 1976. На башк. яз.
- Ларин Б.А.** Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. Псков, 1962.
- Левашов Е.А.** Словарь прилагательных от географических названий. М., 1986.
- Левин Б.Ю.** Названия объектов на поверхности луны // Теория и практика топонимических исследований. М., 1975.
- Левченко С.Ф., Скрипник Л.Г., Дзятковская Н.П.** Словарь собственных имен людей. Киев, 1976.
- Лексикографический сборник.** М., 1957–1963. Т. 1–4.
- Лилеева Е.Д.** Картотека словаря языка В.И. Ленина // Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.
- Литвин И.П.** Словарь топонимической лексики Латинской Америки. М., 1983.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.** Миф – имя – культура // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1973. Вып. 308.
- Магазиник Э.Б.** Эзопов подтекст и римские имена в "Вие" Гоголя // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Н.С. 1963. Вып. 123, ч. 2.
- Магазиник Э.Б.** Поэтика имен собственных в русской классической литературе: Имя и подтекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967.
- Магазиник Э.Б.** К поэтической ономастике Ф.М. Достоевского: (О худож. функции имени главного героя "Идиота") // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Н.С. 1971. Вып. 214.
- Максютова Н.Х.** Башкирская космонимия // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973.
- Малаховский Л.В.** Оксфордский словарь английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
- Масанов И.Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956–1960. Т. 1–4.
- Матвеев А.К.** Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология, 1967. М., 1969.
- Матвеев А.К.** Топонимические этимологии: Геогр. термины, имеющие соответствия в прибалт.-фин. и саам. яз., в субстрат. топонимике Рус. Севера // Сов. финно-угроведение. 1969, № 4. И последующие издания.
- Матвеев А.К.** Тезисы по топономасти-

- ке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974.
- Матвеев А.К.** Географические названия Урала: Крат. топоним. слов. Свердловск, 1980.
- Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район Архангельской области) / Сост. Г.Я. Симина. Л., 1969.
- Мельниченко Г.Г.** Словари собственных имен людей // Мельниченко Г.Г. О принципах составления областных словарей. Ярославль, 1957. (Учен. зап. Яросл. пед. ин-та. Рус. яз.; Вып. 26).
- Мельхеев М.Н.** Географические имена: Топоним. слов. М., 1961.
- Менющиков Г.А.** Местные названия на карте Чукотки: Крат. топоним. слов. Магадан, 1972.
- Миськович Г.И.** Приобье, Подмосковье, Нечерноземье // Ономастика и грамматика. М., 1981.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980–1982. Т. 1–2.
- Моисеев С.П.** Список кораблей русского парового и броненосного флота с 1861 по 1917 гг. М., 1948.
- Мокиенко В.И., Фонякова О.И.** Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
- Морошкин М.Я.** Славянский именослов, или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. СПб., 1867.
- Мурзаев Э.М.** Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Невская Л.Г.** Балтийская географическая терминология: (К семант. типологии). М., 1977.
- Нерознак В.П.** Заметки об этимологии имени собственного // Имя нарицательное и собственное. М., 1978.
- Нерознак В.П.** Перенесенная топонимия Западной Сибири: (К постановке пробл.) // Восточнославянская ономастика. М., 1979.
- Нерознак В.П.** Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никонов В.А.** Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В.А.** Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Никонов В.А.** Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973.
- Никонов В.А.** Опыт словаря русских фамилий. 1–3 // Этимология, 1970. М., 1972; Этимология, 1971. М., 1973; Этимология, 1973. М., 1975.
- Никонов В.А.** Имя и общество. М., 1974.
- Никонов В.А.** География названий Млечного Пути // Ономастика Востока. М., 1980.
- Никонов В.А.** География фамилий. М., 1988.
- Никулина З.П.** О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980.
- Новое в зарубежной лингвистике: Пробл. и методы лексикографии. М., 1983. Вып. 14.
- Ономастическая лексикография: Программа спецкурса / Сост. З.П. Никулина. Кемерово, 1985.
- Орфографический справочник туркменских имён и фамилий. Ашхабад, 1978.
- Огин Е.С.** Об именах и кличках, тождественных топонимам // Этнография имён. М., 1971.
- Огин Е.С.** Азовье – Азовщина – Азов // Рус. речь. 1976. № 5.
- Огин Е.С.** Материалы к словарю собственных имён, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики: Собств. имена в системе яз. Свердловск, 1980.
- Петкевич П.А.** Материалы по зоонимии села Магуны и окрестностей // Польские говоры в СССР. Минск, 1973, Ч. 2.
- Петровский Н.А.** Словарь русских личных имён. М., 1966.
- Подольская Н.В.** Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
- Подольская Н.В.** Обзор ответов на анкету об ономастических словарях // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Подольская Н.В.** Типовые восточнославянские тоноосновы: Словообразование. анализ. М., 1983.
- Поротников П.Т.** Групповые и индивидуальные прозвища в говорах Талицкого района Свердловской области // Антропонимика. М., 1970.
- Поротников П.Т.** Варианты полных личных имён на -ей (-ий), -я в говорах Талицкого района Свердловской области // Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972.
- Поротников П.Т.** Из уральской зоонимики // Ономастика. 1973. № 1.

- мии // Восточнославянская ономастика. М., 1972а.
- Поротников П.Т.** Материалы для словаря вариантов русских личных имен // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13.
- Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. М., 1973.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Псковский областной словарь / Под ред. А.И. Лебедевой, О.С. Мжельской. Л., 1967–1979. Т. 1–4.
- Рамазанова М.Н.** О некоторых причинах переименования топонимов Ташкентской области // Топонимы в региональных географических исследованиях. М., 1984.
- Редько Ю.К.** Довідник українських прізвищ. Київ, 1969.
- Рей А., Делесаль С.** Проблемы и антинонимы лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14.
- Реформатский А.А.** Псевдонимы // Семья и шк. 1963. № 6.
- Реформатский А.А.** Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. М., 1965.
- Родословная книга охотничьих собак. М., 1902.
- Розенталь Д.Э.** Прописная или строчная?: (Опыт слов.-справ.) М., 1984.
- Ростонд С.** Onomasticon Slavicum: Этапы развития ономастической лексикографии // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Рыбакин А.И.** Словарь английских фамилий. М., 1986.
- Рымут К.** Методологические основы словаря польских ойконимов // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Рядченко Н.Г.** Из наблюдений над русской зоонимии // Русская ономастика: Сб. науч. тр. Одесса, 1984.
- Сабанеев Л.П.** Охотничий календарь: Справ. кн. для ружейных и псовых охотников. М., 1892.
- Саттаров Г.Ф.** Словарь татарских личных имен. Казань, 1981. На татар. яз.
- Сафаров П.С.** Некоторые замечания по узбекской зоонимии // Вопросы ономастики. Самарканд, 1976.
- Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений) / Сост. А.В. Федоров, О.И. Фонякова. Л., 1975.
- Словарь английских личных имен / Сост. А.И. Рыбакин. М., 1973.
- Словарь географических названий Германской Демократической Республики / Сост. В.С. Бузыкина. М., 1975. Т. 1–2.
- Словарь географических названий Латвийской ССР / Сост. А.П. Алекса. М., 1965.
- Словарь географических названий СССР / Под ред. М.Б. Волостновой. М., 1962.
- Словарь географических названий Удмуртской АССР / Сост. С.К. Бушмакин. М., 1980.
- Словарь географических названий Украинской ССР / Сост. М.К. Королова и др. М., 1976.
- Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Дагестанской АССР / Сост. Е.Н. Бушueva. М., 1972.
- Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Таджикской ССР / Сост. Л.И. Розова. М., 1975.
- Словарь киргизских личных имен / Под ред. У. Асаналиева. Фрунзе, 1979.
- Словарь литературных типов / Под ред. Н.Д. Ноцкова. СПб., 1908–1914. Т. 1–7.
- Словарь личных собственных имен, употребленных в произведениях А.П. Чехова // Ежегодник научных работ Херсонского педагогического института за 1960 г. Гуманитарные науки. Херсон, 1961.
- Словарь названий жителей РСФСР / Под ред. А.М. Бабкина. М., 1964.
- Словарь названий жителей СССР / Под ред. А.М. Бабкина, Е.А. Левашова. М., 1975.
- Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. М.; Л., 1965–1967. Вып. 1–2.
- Словарь русской транскрипции географических названий / Под ред. М.Б. Волостновой. М., 1959. Ч. 2.
- Словарь русской транскрипции географических терминов и других слов, встречающихся в топонимике Азербайджанской ССР / Сост. Е.Н. Бушueva. М., 1971.
- Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965. Т. 1–17.
- Словарь сокращений русского языка / Под ред. Д.И. Алексеева. М., 1984.
- Словарь-справочник "Слова о полку

- Игореве” / Сост. В.Л. Виноградова. Л., 1965–1967. Вып. 1–2.
- Словарь топонимов Башкирской АССР / Сост. А.А. Камалов и др. Уфа, 1980.
- Словарь языка В.И. Ленина: Проект. М., 1974.
- Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961. Т. 1–4.
- Словник гідронімів Україні / Под ред. К.К. Цілуко. Київ, 1979.
- Словник мови Шевченка. Київ, 1964. Т. 1–2.
- Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
- Смирнов А.А.** Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.
- Смирнов М.И.** Историко-географическая номенклатура Переяславль-Залесского края. Переяславль-Залесский, 1929.
- Смолицкая Г.П.** Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: (Пробл. реконструкции): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981.
- Смолицкая Г.П.** О топонимическом словаре Владимирской области // Топонимика в региональных географических исследованиях. М., 1984.
- Смолицкая Г.П.** Имя собственное как объект исторической лексикографии // XV. Intern. Kongr. für Namenforschung: Resümee des Vortäge und Mitt. Leipzig, 1984a.
- Солярский П.** Опыт библейского словаря собственных имён. СПб., 1879–1884.
- Сорокалетов Ф.П.** Традиции русской советской лексикографии // ВЯ. 1978. № 3.
- Список русских военных судов с 1668 по 1861 г. / Сост. Ф. Веселаго. СПб., 1872.
- Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской. М., 1987.
- Справочник татарских личных имен / Сост. И.В. Большаков, Р.Х. Субаева. Казань, 1973.
- Срезневский И.И.** Обозрение замечательнейших из современных словарей // ИОРЯС. 1854. Т. 3.
- Срезневский И.И.** Отчет о шестом при-
суждении наград гр. Уварова 25 сен-
тября 1863 г. СПб., 1863.
- Срезневский И.И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
- СССР: Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1958.
- Сталтмане В.Э.** Из истории латышских фамилий // Историческая ономастика. М., 1977.
- Сталтмане В.Э.** Словообразование // Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Старушенко Г.П.** Проблемы становления и развития словарей псевдонимов в СССР (1800–1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
- Степанов Г.В.** Предисловие // Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Стрыжак А.С.** Этимологический словарь летописных географических названий Украины // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979
- Ступин Л.Н.** Собственные имена и проблема их включения в толковые словари (на материале словарей Уэбстера) // Учен. зап. Ташк. гос. пед. ин-та иностр. яз. Сер. филол. 1963. Вып. 9, ч. 1.
- Ступин Л.П.** Необходимы двуязычные словари имен собственных // Тетради переводчика. М., 1967. Вып. 4.
- Ступин Л.П.** О недостатках существующих двуязычных словарей (на материале английского языка) // Проблемы германской филологии. Рига, 1968.
- Суперанская А.В.** Словари русской транскрипции иноязычных собственных имен // Лексикографический сборник. М., 1960. Вып. 4.
- Суперанская А.В.** Структура имени собственного: Фонология и морфология. М., 1969.
- Суперанская А.В.** Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Суперанская А.В.** Теоретические основы практической транскрипции. М., 1978.
- Суперанская А.В.** Русская ономастика: лексикография по данным рукописных источников // Восточнославянская ономастика. М., 1979.
- Суперанская А.В.** Онимическая лексика // Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Суперанская А.В., Суслова А.В.** Современные русские фамилии. М., 1981.
- Суперанска О.В.** Імовірніса ономастика // Мовознавство. 1971. № 4.
- Суркова Т.И.** Особенности функционирования литературных псевдонимов

- мов // Лексика русского языка. Рязань, 1979.
- Сухомлинов М.И.** О псевдонимах в древней русской словесности // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности имп. акад. наук. 1908. Т. 85, № 1.
- Таич Р.У.** Опыт антропонимического словаря писателя // Антропонимика. М., 1970.
- Ташцкий В.** Место ономастики среди других гуманитарных наук. // ВЯ. 1961. № 2.
- Теория и практика современной лексикографии: Сб. науч. тр. / Под. ред. Р.П. Рогожниковой. Л., 1984.
- Терещенко Н.М.** Вопросы лексики немецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Л., 1967.
- Тихонов А.Н.** Школьный словообразовательный словарь. М., 1978.
- Тихонов А.Н.** Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: Курс лекций. Самарканд, 1971.
- Толстой Н.И.** Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция. М., 1964.
- Толстой Н.И.** О традициях и результатах исследований, связанных с этнолингвистической школой К. Мошинского // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (Тез. докл. и сообщ.). Л., 1971.
- Томахин Г.Д.** Теоретические основы лингвострановедения: (На материале лексических американцев английского языка): Автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 1984.
- Томахин Г.Д.** Ономастическая лексика в лингвострановедческом аспекте // XV. Intern. Kongr. für Namenforschung: Resümee der Vorträge und Mitt. Leipzig, 1984a.
- Трофимкина О.И.** О разных типах словарей писателей // Вопросы стилистики. Саратов, 1972. Вып. 5.
- Трубачев О.Н.** Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Трубачев О.Н.** Из материалов для этимологического словаря фамилий России: (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России) // Этимология, 1966, М., 1968.
- Трубачев О.Н.** Этимологические иссле-
дования восточнославянских языков: Словари // ВЯ, 1978, № 3.
- Трубачев О.Н.** О семантической теории в этимологическом словаре: Пробл. омонимов подлин. и лож. и семант. типология // Теория и практика этимологических исследований / Под ред. К.М. Мусаева. М., 1985.
- Тупиков Н.М.** Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Ураксин З.Г.** Клички лошадей у башкир // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
- Ушаков Н.Н.** Прозвища и личные неофициальные имена: (К вопр. о границах прозвища) // Имя нарицательное и имя собственное. М., 1978.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- Федосюк Ю.А.** К вопросу о принципах составления этимологического словаря русских фамилий // Русская ономастика. Рязань, 1977.
- Федосюк Ю.А.** Русские фамилии: Попул. этимол. слов. М., 1981.
- Федосюк Ю.А.** О словаре русских фамилий для иностранцев // Словари и лингвострановедение. М., 1982.
- Фельде Г.Ф.** Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области // Этнография имен. М., 1971.
- Филевич И.П.** О разработке географической номенклатуры // Тр. X Археол. съезда в Риге в 1896 г. М., 1899. Т. 1.
- Филин Ф.П.** Некоторые проблемы диалектной лексикографии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. 25, вып. 1.
- Фонякова О.И.** О принципах составления словаря имен собственных по автобиографической трилогии М. Горького // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Хреновский завод / Под ред. Ю.И. Юрлова. СПб., 1897.
- Цейтлин Р.М.** Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.
- Цывин А.М.** К вопросу о классификации русских словарей // ВЯ. 1978. № 1.
- Черепанова Е.А.** Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.
- Черепанова Е.А.** Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984a.

- Черп М.М.** Основные принципы русской советской лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Чучка П.П.** Антропонимия Закарпатья: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1970.
- Чучка П.П.** Украинские андронимы на славянском фоне // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Шагиров А.К.** Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
- Шайхулов А.Г.** Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Шеломенцова З.С.** Словарь названий жителей Киргизской ССР. Фрунзе, 1968.
- Шлипперт Г.** Словарь славянских антропонимов по материалам средневековых немецких исторических источников // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Шрамек Р.** Теоретические и методологические принципы составления славянских ономастических словарей // Там же. М., 1980.
- Щерба Л.В.** Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1940. Т. 1, вып. 3.
- Щетинин Л.М.** Слова, имена, вещи. Ростов н/Д, 1966.
- Щетинин Л.М.** Имена и названия. Ростов н/Д, 1968.
- Щетинин Л.М.** Русские имена. Ростов н/Д, 1978.
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1963–1987. Т. 1–13.
- Юхма М.Н.** Заметки о чувашской космочимии // Ономастика Востока. М., 1980.
- Якимович Ю.К.** Типология словарных изданий // Книга: Исследования и материалы. М., 1972. Т. 25.
- Ященко А.И.** Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона. Вологда, 1977.
- Allgemeine Richtlinie für die Schreibweise geographischer Namen der Union der Socialistischen Sowjetrepubliken // Red. E. Haack. B., 1981. T. 1.
- Benson M.** Dictionary of Russian personal names. Philadelphia, 1967.
- Bezlaj F.** Slovenska vodna imena. Ljubljana, 1956. Т. 1.
- Biblia sacra Hebraice, Haldaiice, Graece et Latine.** Antwerpen; Plantin, 1569–1572. Т. 1–8.
- Blanár V., Matejčík J.** Živé osobné mená na Strednom Slovensku // Zborník Pedagogickej fakulty v Banskej Bystrici. Bratislava, 1978.
- Blese E.** Latviešu personu vārdi un uzvārdu studijas. Rīga, 1929.
- Brechenmacher J.K.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen. Glücksburg, 1957–1963. Bd. 1–2.
- Bubak J.** Nazwiska ludności dawnego starostwa Nowotarskiego. Wrocław etc., 1970–1971. Cz. 1–2.
- Buck M.R.** Oberdeutsches Flurnamenbuch: Ein alphabetisch geordneter Handweiser. Stuttgart, 1880; Bayrenth, 1931.
- Chapmann R.W.** Lexicography. L., 1948.
- Cohen M.** Le fait dictionnaire // Proc. Ninth Intern. congr. linguists. L. etc., 1964.
- Dambe V.** Iedzīvotāju nosaukumi pēc dzīves vietām // Latviešu valodas kultūras jaufājumi. Rīga, 1970.
- Dauzat A.** Dictionnaire étymologique des noms de Famille et prénoms de France. P., 1951.
- Dornseiff F., Bernhard H.** Rücklaufiges Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. B., 1957.
- Dubois J.** Introduction à la lexicographie: Le dictionnaire. P., 1971.
- Dulewiczowa I.** Transkrypcja i transliteracja wyrazów rosyjskich. W-wa, 1981.
- Egger C.** Lexicon nominum virorum et mulierum. Roma, 1957.
- Eis G.** Rufname der Tiere // Neophilologus. 1964. Т. 48, N 2.
- Endzelīns J.** Latvijas PSR vietvārdi. Rīga, 1956–1961. D. 1, sēj. 1–2.
- Forcellini A.** Totius latinitatis Lexicon. Prati, 1859–1867. Т. 7–10.
- Freeman W.** Dictionary of fictional characters. L., 1963.
- Friend J.** The development of American lexicography, 1798–1864. The Hague; P., 1967.
- Gale R.L.** Plots and characters in the fiction and poetry of Edgar Allan Poe. Hamden (Conn.), 1970.
- Gerullis G.** Die altpreußischen Ortsnamen. B.; Leipzig, 1922.
- Goethe Wörterbuch.** Stuttgart, 1966–1983. Bd. 1–2.
- Gomez C.** Vocabulario de Cervantes. Madrid, 1966.
- Grand Larousse de la langue française. P., 1971–1978.
- Hayward A.L.** The Dickens encyclopaedia. N.Y., 1924.
- Hulbert J.R.** Dictionaries British and American. L., 1955.

- Jakubaitė T., Guļevska D., Ozola V. et al.*
Latviešu valodas biežuma vārdnīca. Rīga, 1969. Sēj. 2, d. 1.
- Jones D.* Everyman's English pronouncing dictionary. L., 1980.
- Kagaine E., Rags S.* Ērgemes izloksnes vārdnīca. Rīga, 1977–1983. Sēj. 1–2.
- Krievu-latviešu-vācu vārdnīce. M., 1872.
- Krievu-latviešu vārdnīca. Rīga, 1971.
- Księga rodowodowa żubrów, 1965–1969. W-wa, 1972.
- Kuzavinis K., Savukynas B.* Lietuvių vardų etimologinis žodynas // Vardai ir žodžiai. Vilnius, 1971.
- Laganovskis J.* Par personu vārdiem // Lit. un māksla. 1972, 21. okt.
- Latham E.* A dictionary of names, nicknames and surnames of persons, places and things. L., 1904.
- Latviešu literārās valodas vārdnīca. Rīga, 1972–1986. Sēj. 1–6.
- Latviešu-vācu vārdnīca. Rīga, 1980.
- Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske / Za izd. B. Finka, P. Budak. Zagreb, 1976.
- Lévy P.* Les noms des israélites en France. P., 1960.
- Linde S.* Słownik języka Polskiego. W-wa, 1951.
- Linnartz K.* Unsere Familiennamen. Bonn, 1958. Bd. 2.
- Lutterer I., Majtán M., Šrámek R.* Zeměpisná jména Československa. Pr., 1982.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.
- Malkiel Y.* Distinctive features in lexicography: A typological approach to dictionaries exemplified with Spanish. Pt 1, 2 // Romance Philol. 1959. Vol. 3, N 4; Vol. 13, N 2.
- Malkiel Y.* Etymological dictionaries: Tentative typology. Chicago; L., 1976.
- Matthews M.* A survey of English dictionaries. Oxford, 1933.
- Mathiot M.* The place of the dictionary in linguistic description // Language. 1967. N 43.
- Matoré G.* Histoire des dictionnaires français. P., 1968.
- Mawson Ch.O.S.* Internationaler book of names. N.Y., 1933.
- Merlet L.* Dictionnaire des noms vulgaires des habitants des diverses localités de la France. Chartres, 1883.
- Michaelis G.* Vergleichendes Wörterbuch der gebrauchten Taufnamen. B., 1856.
- Middendorf H.* Altenglisches Flurnamenbuch. Halle, 1902.
- Mielczarek A.* Z zagadnień leksykografii encyklopedycznej. W-wa, 1972.
- Mülenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca / Redīģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīga, 1923–1932. Sēj. 1–4.
- Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā. Bulgāru valodas īpašvārdi. Rīga, 1978. Laid. 14.
- Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā. Vācu valodas īpašvārdi. Rīga, 1960. Laid. 3.
- Pape W., Benseler G.E.* Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884. Bd. 1–2.
- Philip A.J.A.* Dickens dictionary. L.; N.Y., 1909.
- Pierce G.A.* The Dickens dictionary of keys to the plots and characters of Charles Dickens. N.Y., 1965.
- Piirainen E.* Flurnamen in Vreden. Textband. Kartenband. Vreden, 1984.
- Pollin B.R.* Dictionary of names in Poe's collected works. N.Y., 1968.
- Quemada B.* Les dictionnaires du français moderne, 1939–1958. P., 1968.
- Reaney P.H.* A dictionary of British surnames. L., 1966.
- Rey-Debove J.* Étude linguistique et sémiotique des dictionnaires français contemporains. The Hague; P., 1971.
- Rogers M.* The Waverly dictionary: an alphabetical arrangement of all the characters in Sir Walter Scott's Waverly novels with a descriptive analysis of each character, an illustrative selections from the text. Detroit, 1966.
- Room A.* Place-names of the world. Newton Abbot, 1974.
- Room A.* Place-name changes since 1900. L., 1979.
- Rospond St.* Słownik nazwisk śląskich. Wrocław etc., 1967–1973. Cz. 1–2.
- Roze L.* Pāssaulē vārdnīcas skafijumā. Rīga, 1982.
- Rymut K.* Nazwy miast Polski. Wrocław etc., 1980.
- Sebeok T.* Materials for a typology of dictionaries // Lingua. 1962. Vol. 11.
- Shankle G.E.* American nicknames: Their origin and significance. N.Y., 1955.
- Stawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1956.
- Słownik imion / Red. A. Zaręba. Wrocław, 1975.
- Słownik wjesnych a miejskich mjenow dwuręčnych wokrjesow wobwodow Drježdžany a Choćebuz / Zestajaļoj B. Rachel. H. Nowak. Budyšin, 1969.
- Šmilauer V.* Příručka slovanské toponomastiky. Pr., 1970.

- Smith A.H.* English place-name elements. L., 1956.
- Smith E.C.* Dictionary of American family names. N.Y., 1956.
- Steger S.A.* American dictionaries. Baltimore, 1913.
- Stokes F.G.* A dictionary of the characters and proper names in the works of Shakespeare with notes of the sources and dates of the plays and poems. N.Y., 1949.
- Taszycki W.* Słownik staropolskich nazw osobowych. Wrocław etc., 1965–1988. T. 1–6.
- Taubert H.* Geographischen Namen richtig ausgesprochen. Gotha, 1964.
- Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vanagas A.* Lietuvių pavardžių žodynas. Vilnius, 1985. T. 1.
- Wagner R.L.* Les vocabulaires français. P., 1967.
- Wahrig G.* Neue Wege in der Wörterbucharbeit. Hamburg, 1967.
- Walbridge E.* Literary characters drawn from life. N.Y., 1936.
- Webster's biographical dictionary. Springfield, 1976.
- Webster's international dictionary. Springfield, 1961.
- Webster's new collegiate dictionary. Springfield, 1977.
- Webster's new geographical dictionary. Springfield, 1977.
- Webster's new twentieth century dictionary of the English language. Springfield, 1979.
- Wheeler W.* An explanatory and pronouncing dictionary of the noted names of fiction. Boston, 1965.
- Withycombe E.G.* The Oxford dictionary of English christian names. Oxford, 1950.
- Zaunmüller W.* Bibliographisches Handbuch der Sprachwörterbücher. Stuttgart, 1958.
- Zemzare D.* Latviešu vārdmīcas (līdz 1900. gadam). Rīga, 1961.
- Zgusta L.* Manual of lexicography. Prague, 1971.
- Zinkevičius Z.* Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVIIa. pradžioje. Vilnius, 1977.
- Zoder R.* Familiennamen in Ostfalen. Hildesheim, 1968. Bd. 1–2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Теоретические предпосылки ономастической лексикографии	3
ГЛАВА I	
Основные типы ономастических словарей	11
Из истории ономастической лексикографии	11
Имена собственные в словарях общего типа	13
Историко-этимологические словари	16
Нормативные словари	38
ГЛАВА II	
Лексикографирование отдельных разрядов онимов	69
Антропонимы	69
Топонимы	78
Зоонимы	84
Мифонимы	93
Поэтическая ономастика	95
Заключение	99
Литература	103

CONTENTS

Introduction. Theoretical premises for onomastic lexicography	3
CHAPTER I	
Main types of onomastic dictionaries	11
Historical sketch on onomastic lexicography	11
Proper nouns in dictionaries of general type	13
Historical and etymological dictionaries	16
Normative dictionaries	38
CHAPTER II	
Lexicographic work with different classes of proper nouns	69
Anthroponyms	69
Toponyms	78
Zoonyms	84
Mythonyms	93
Poetical onomastics	95
Conclusions	99
Literature	103